

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 7–8 2017 (ИЮЛЬ-АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

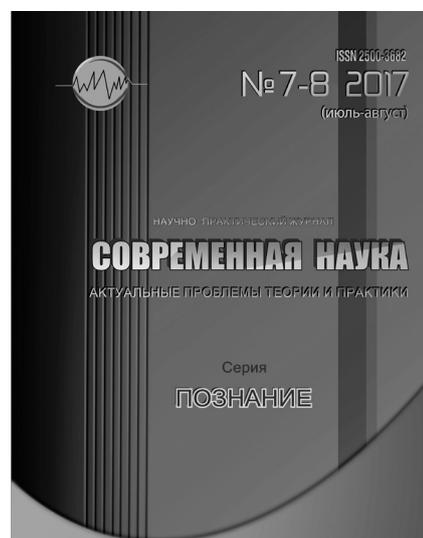
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 01.10.2017 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 7-8 июль–август 2017 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Алиева З.Э.** — Некоторые особенности штриховой техники в скрипичных концертах композиторов-романтиков Ф. Мендельсона и Я. Сибелиуса
- Aliyeva Z.* — Some of the features of bowing technique in violin concertos of the romantic composers Mendelssohn's and Sibelius 4
- Балашова Г.А.** — Культурная политика трех известных монархов Эфиопии – императора Иясу (1692-1700), императора Давида III (1716-1721), императора Иясу II Куарийца (народность Куара) (1730-1755)
- Balashova G.* — Cultural policies of the three prominent Ethiopian monarchs - emperor Iyasu (1682-1700), emperor Dawit III (1716-1721), emperor Iyasu II (of the Kwara) 1730-1755 7
- Белякова И.Г.** — Влияние новых медийных технологий на межкультурные коммуникации в глобальном контексте
- Belyakova I.* — Impact of new mass media on intercultural communication in the global context 10
- Гусева А.С.** — Новые открытия в архивах о творчестве Густава Клуциса
- Guseva A.* — New discoveries in the archives about the work of Gustav Klucis 14

ПСИХОЛОГИЯ

- Андрущенко О.Н.** — Факторы развития жизнеспособности подростков, обучающихся в кадетском корпусе
- Andrushchenko O.* — Factors of viability of the adolescents enrolled in the cadet corps 24
- Арпентьева М.Р.** — Особенности общения людей с разными типами акцентуаций
- Arpentieva M.* — The features of communication between people with different types of accentuations 29
- Арпентьева М.Р.** — Виктимное поведение: перспективы исследований и практические результаты
- Arpentieva M.* — Victimization behavior: research perspectives and practical results 38
- Киселева М.Г.** — Психологический этап реабилитации детей с ВПС раннего возраста в период хирургического лечения
- Kiseleva M.* — The psychological stage of rehabilitation of toddlers with CHD in the period of surgical treatment 45
- Костенко Н.А., Мельник Л.Ю.** — Психодинамические предикторы ситуационной тревожности
- Kostenko N., Melnik L.* — Psychodynamic predictors of situational anxiety 48

- Маковец Л.А., Орлова С.Н.** — Развитие творческого мышления младших школьников средствами искусства
- Makovets L., Orlova S.* — The development of creative thinking of junior schoolchildren by means of art 54
- Самсонова Н.Н.** — Особенности социального поведения молодёжи, активно использующей различные виды интернет-коммуникаций
- Samsonova N.* — Special features of social behavior of young people in active use of various types of internet communication 60
- Сучкова И.В.** — Проблемы организации психологического сопровождения сотрудников уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием
- Suchkova I.* — Problems of the organization of psychological escort of the employees of a penal correction system serving with weapon ... 63
- Сырвачева Л.А., Яковлева А.Ю.** — Родительские отношения как фактор, влияющий на когнитивное развитие детей пяти лет с ОНР II уровня
- Syrvacheva L., Yakovleva A.* — Parental relationship as a factor affect cognitive development of children five years of age with ONR II level ... 68

ФИЛОСОФИЯ

- Донцов Н.В.** — Интерпретация понятия «ненасилие»: история вопроса и его философская и этическая интерпретация
- Dontsov N.* — Interpretation of the concept of non-violence: the history of the question and its philosophical and ethical interpretation 72
- Карабукаев К.Ш.** — Трансформация экологических традиций в экологическую культуру
- Karabukaev K.* — Transformation of ecological traditions into ecological culture 78
- Карабукаев К.Ш.** — Экологическое знание в контексте развития этнической традиции (на примере кыргызского народа)
- Karabukaev K.* — Ecological knowledge in the context of the development of ethnic tradition (on the example of the Kyrgyz people) 81

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши авторы. Our Authors 85
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 86

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШТРИХОВОЙ ТЕХНИКИ В СКРИПИЧНЫХ КОНЦЕРТАХ КОМПОЗИТОРОВ-РОМАНТИКОВ Ф. МЕНДЕЛЬСОНА И Я. СИБЕЛИУСА

Алиева Зарема Эбазеровна

Доцент, Крымский

Инженерно-педагогический университет

selsebil@inbox.ru

SOME OF THE FEATURES OF BOWING TECHNIQUE IN VIOLIN CONCERTOS OF THE ROMANTIC COMPOSERS MENDELSSOHN'S AND SIBELIUS

Z. Aliyeva

Summary. In the present article have been studied some characteristics of bowing technique in violin concertos of the romantic composers F. Mendelssohn and Sibelius. It's underlined the particular importance of strokes performed by violins, as the correct use of different string methods, the execution of the melody place with vibrato, and is the definition of culture the sound of a violinist. Artistic means of concerts with the Mendelssohn are traditional, but they are innovative methods. One of the main aspects is masterful, and due to the different types of violin technique goes to the level of motive-its constituent elements. The role of the soloist consists of a set of instrumental techniques, through which is revealed the greatest musical potential of the instrument. In addition, the virtuosity of execution is subordinated to the General idea of the concert, whereby organically combined with orchestral melody.

Instrumental composition of the violin Concerto of Jean Sibelius is more extensive than the works of Mendelssohn. The main distinctive quality of the orchestration presents a contrasting comparison of different number of votes timbre groups of instruments, which greatly influenced by register, timbre and functional relation of soloist and orchestra.

Keywords: the violin Concerto, the composer, stroke technique, vibrato, melody, Sibelius, Mendelssohn.

Аннотация. В представленной статье были изучены некоторые особенности штриховой техники в скрипичных концертах композиторов-романтиков Ф. Мендельсона и Я. Сибелиуса. Здесь подчеркнута особое значение штрихов в исполнении скрипок, поскольку правильное использование разных смычковых способов исполнения мелодии месте с вибрато, и является определением культуры звука скрипача. Художественные средства концертов Ф. Мендельсона являются традиционными, но они исполняются новаторскими методами. Одним из главных аспектов является виртуозная игра, а благодаря разным видам скрипичной техники выходит на уровень мотивно-образующих его элементов. Партия солиста состоит из комплекса инструментальных приемов, благодаря которым раскрывается величайший музыкальный потенциал инструмента. Кроме этого, виртуозность исполнения подчинена общему замыслу концерта, благодаря чему органично сочетается с оркестровой партией.

Представленный инструментальный состав скрипичного Концерта Яна Сибелиуса является более масштабным, чем сочинения Мендельсона. Главным отличительным качеством оркестровки представлены контрастные сопоставления разных по количеству голосов тембровых групп инструментов, что значительно повлияло на регистровое, тембровое и функциональное соотношение солиста и оркестра.

Ключевые слова: скрипичный концерт, композитор, штриховая техника, вибрато, мелодия, Я. Сибелиус, Ф. Мендельсон.

Появление скрипки связано с длительным и сложным процессом развития группы смычковых инструментов. Это обусловлено процессом разветвления музыкальной культуры, протеканием смены социальных условий. Значительную роль в это внесло и усложнение, и умножение задач, возникших перед исполнителями и композиторами. Особенно это касается выделения инструментальной музыки в самостоятельную область музыкального искусства [6].

Зарождение смычкового инструмента происходило еще в глубокой древности, когда человек впервые начал прислушиваться к тому, как звучит тетива лука. А ведь

если присмотреться, то обводы скрипки очень напоминают форму лука, который был изготовлен из рогов животного.

Большинство исследователей считают, что сам способ смычкового звукоизвлечение, а значит и появление первых видов смычковых инструментов, появились впервые в Средней Азии, в частности в области Хорезма.

Так Абу Насра Мухаммада аль-Фараби (VIII — IX вв.) в «Большом трактате о музыке» [3] уже были упоминания о смычковых инструментах, также схожие упоминания были и у Ибн Сины (IX — X вв.).

За долгий период игры на скрипке было накоплено много разнообразных штрихов. Причем стоит отметить, что между некоторыми штрихами бывает достаточно сложно провести определенную грань и классифицировать их. Поэтому далее необходимо рассмотреть основные штрихи.

К основным штрихам можно отнести *detache*, *legato*, а также разные виды *staccato* и *spiccato* и *tremolo*. *Detache* (фр.) — штрих с отчетливой атакой, явно выраженного декламационного характера. Таким штрихом исполняют энергичные фразы, которые требуют большой полноты и красочности тона [1].

Скрипичный концерт Феликса Мендельсона (1809–1847) — это прекрасное отражение его жизни. Уже в 15 лет Мендельсон стал автором многих произведений разных жанров. Учителем этого известного человека был Карл Фридрих Цельтер. В 16 лет Феликс Мендельсон получил лавры бессмертия, которые принесла ему увертюра «Сон в летнюю ночь» (1826), уже в этом возрасте он становится признанным мастером своего дела. В работах Мендельсона есть множество современных исканий, которые он прекрасно сочетал с традициями. Благодаря гармоничности мирозерцания он стал «классиком» среди романтиков [8].

Хочется отметить, что скрипичный концерт ми-минор (1844) Мендельсона находится в одном ряду с гениальными концертами Баха, Моцарта, Бетховена, Брамса, Чайковского. Музыка этого композитора наполнена романтической пылкостью, мелодической красотой и удивительной пластичностью формы [2].

Далее необходимо рассмотреть непосредственно использования особенностей штриховой техники в скрипичных концертах композиторов-романтиков Ф. Мендельсона и Я. Сибелиуса.

Произведение Феликса Мендельсона «Концерт для скрипки ми-минор», которое по праву считается выдающимся, всегда присутствует в репертуаре всех скрипачей мира.

Скрипичный концерт является наиболее жизнеподобным созданием Мендельсона, здесь он наилучшим образом были показаны лучшие черты его дарования: пластичность песенных лирических и скерцозно-фантастических образов, также тут прекрасно переплетается простота и искренность лирического высказывания, богатый мелодизм [5].

Жанр концерта является произведение сольного исполнения, но его сопровождает симфонический оркестр, поэтому и исполняют его с большой эстрады.

Несмотря на свое отличие, первые две части концерта: *Allegro, molto appassionato* и *Andante*, были объединены общим лирическим характером. В финале можно услышать темы, которые являются свойственными для светлого мира мендельсоновской фантастики, здесь же присутствует и грациозная шутиливость, нарядный праздничный колорит.

Тематики первых двух частей скрипичного концерта схожи тем, что они обе обладают лирическим содержанием. Вместе с тем основная тема *Allegro* является взволнованной, более активной, динамичной. Тогда как тема *Andante* характеризуется страстностью и одновременно элегичностью [4].

Стоит отметить, что эмоциональный образ первой части намного богаче и многогранней, чем вторая часть, хотя весь комплекс эмоций второй части находится в ее основном музыкальном образе.

В первой части концерта для скрипки, которая изложена в сонатной форме, ведущее положение получила взволнованно приподнятая тема. Здесь подчеркивается индивидуальный тон высказывания, из-за чего использовать в этой части двойной экспозиции не представляется возможным.

Новый тематический материал появился в связующей партии «Концерта для скрипки ми-минор». Несмотря на то, что она сильно зависит от главной партии, ее новыми свойствами становится расширение диапазона звучания, хроматические полутоновые интонации в восходящем направлении. Это, в свою очередь, придает теме более энергичное выражение, а также движения становятся более устремленными. Побочная партия характеризуется «тихой» и светлой лирикой, которая так характерна для Феликса Мендельсона.

Побочная партия является контрастной по отношению к главной и связующей. Ее основным отличием является структура. Но, из-за отсутствия внутренних противоречий и конфликта образов, здесь нет необходимости в драматически-действенной разработке. На самом деле функции разработки в сонатном *Allegro* концерта являются достаточно скромными и ограниченными.

Тональную сферу концерта освежает ряд модуляционных ходов. Тематический материал является мотивно раздробленным, благодаря чему открывается возможность свести в плотную мелодические элементы темы и дать их в одновременном звучании, так они дополняют ее фигурации и позволяют подготовить и сделать закономерным возникновение виртуозной каденции в конце разработки, что является необычным. Поскольку зачастую она находится между репри-

зой и кодой, как это принято в классическом сольном концерте [9].

Вторая часть концерта *Andante* является своего рода лирическим интермеццо. Непосредственный переход связывает ее с первой частью, здесь их соединяет общий звук *h* — квинтовый для *e-moll*, вводный для *C-dur*. Основной темой *Andante* является песенная тематика. Она очерчена широкими мелодическими линиями и всем своим содержанием примыкает к лирическим темам *Allegro*. Но, лирика второй части является более открытой, чувственной, что представляется более непосредственным.

Мендельсон во второй части концерта усиливает лирические элементы, и концентрирует на них все внимание. Таким образом, автор создает все необходимые условия, чтобы зритель смог ярко и контрастно воспринять третью, заключительную часть концерта. Для этого, в переходном разделе, который связывает *Andante* и финал Мендельсон вводит новую песенную тему [10].

В 1903 году известный композитор Ян Сибелиус со-здал «Концерт для скрипки с оркестром ре-минор». Как сказал известный дирижер Леопольд Стоковский, это был единственный инструментальный концерт в наследии Сибелиуса, который представляет «одну из лучших симфоний композитора». Хочется отметить, что это является самым популярным произведением финского гения.

Отличительной чертой первая части концерта является суровый «северный» колорит оркестра, страст-

ная и в то же время сдержанная лирика. Virtuозность партии солиста органически сочетается с масштабностью замысла, служит его воплощению. Во второй части концерта представлена вдохновенная элегия, которая наполнена необычайными мелодическими красотами. Она принадлежит к самым возвышенным страницам романтической музыки. Финал концерта представлен темпераментным, стремительным. Здесь определяется упругий пунктирный ритм, который воплощает стихию народного танца.

Впервые Концерт для скрипки с оркестром был исполнен 8 февраля 1904 года в Хельсинки под управлением автора. Знаменитость концерты придает его сложность: здесь ярко выражено стремление композитора выявить беспредельные выразительные возможности скрипки — те, что для него самого как исполнителя не были доступны.

В заключении хочется отметить, что рельефный тематизм, искусная скрипичная партия, красочная оркестровка, сочетание виртуозности и симфонизма — все это ставит Концерт Мендельсона в ряд с величайшими творениями в этом жанре.

Тогда как скрипичные концерты Яна Сибелиуса [7] придерживаются классической традиций, но в структуре частей внесены некоторые изменения. Особенностью его произведений является функциональность материала, их распределение между оркестром и скрипкой. Здесь происходит концентрация на одном образе, а отсутствие контрастов между темами заметно влияет на модель взаимодействия партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырь Н. А. Особенности художественной выразительности штриховой техники альты в струнных квартетах Д. Д. Шостаковича // Научная статья: Издательский Дом «Академия Естествознания» (Пенза) 2015 № 2–2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24921625> (дата обращения: 21.05.2017)
2. Гвоздев А. В. Звукоизвлечение на скрипке в связи с задачами художественного исполнения // Научная статья: Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, выпуск № 151 / 2012 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zvukoizvlechenie-na-skrinke-v-svyazi-s-zadachami-hudozhestvennogo-ispolneniya> (дата обращения: 21.05.2017)
3. Даукеева С. Философия музыки Абу Насра Мухаммада аль-Фараби. Алматы: Фонд Сорос — Казахстан, 2002. — 352 с
4. Либерман М.Б, Берляничик М. М. Культура звука скрипача: Пути формирования и развития / М. Б. Либерман, М. М. Берляничик — М.: Музыка, 2005. — 160 с.
5. Мендельсон Феликс. Скрипичный концерт [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.belcanto.ru/mendelssohn_concerto_violin.html (Дата обращения 25.02.2017)
6. Минаков А., Минаков С. Всеобщая история музыки / А. Минакова, С. Минаков М.: Эскимо 2010–554 с.
7. Сибелиус Ян. Скрипичный концерт [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.belcanto.ru/sibelius_violin.html (Дата обращения 25.02.2017)
8. Славская Л. И. Романтизм и его особенности в скрипичных концертах композиторов-романтиков // Студенческий: электрон. научн. журн. 2017. № 3(3). URL: <https://sibac.info/journal/student/3/72328> (дата обращения: 21.05.2017).
9. Флеш К. Искусство скрипичной игры. Том 1 / К. Флеш. — М.: Музыка, 2004. — 274 с.
10. Ширинский А. А. Штриховая техника скрипача / А. А. Ширинский — М.: Музыка, 2013. — 85 с.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ТРЕХ ИЗВЕСТНЫХ МОНАРХОВ ЭФИОПИИ — ИМПЕРАТОРА ИЯСУ (1692–1700), ИМПЕРАТОРА ДАВИДА III (1716–1721), ИМПЕРАТОРА ИЯСУ II КУАРИЙЦА (НАРОДНОСТЬ КУАРА) (1730–1755)

CULTURAL POLICIES OF THE THREE
PROMINENT ETHIOPIAN MONARCHS —
EMPEROR IYASU (1682–1700), EMPEROR
DAWIT III (1716–1721), EMPEROR
IYASU II (OF THE KWARA) 1730–1755

G. Balashova

Summary. Ethiopia is a state that has created its own distinct culture. Throughout Ethiopian history, it has been culture that concentrated the nation's spiritual experience and passed it on to the following generations, thus ensuring the unity of multiethnic (more than 80 peoples) Ethiopia. A special role in this belongs to cultural policy, without which it would have been impossible to achieve higher living standards and civic unity and determine the society's development goals. Religion, namely Christianity, has played an important role in the formation of Ethiopia's system of values. Other religions of Ethiopia, such as Islam, Judaism, and traditional beliefs, have also contributed to the formation of the national cultural self-identity of the peoples of the country. The article assesses the cultural policies of the three emperors of Ethiopia — Iyasu (1682–1700), Dawid III (1716–1721), and Iyasu II (1730–1755) — and their contribution to the development of the country's culture.

Keywords: Ethiopia, religion, Christianity, religious art, cultural policy.

Балашова Галина Александровна

К.филол.н., с.н.с., Институт Африки РАН
balashovag@mail.ru

Аннотация. Эфиопия — государство, создавшее свою самобытную культуру. На протяжении всей эфиопской истории именно культура сосредотачивала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивая единство многонациональной (более 80 народов) Эфиопии.

Огромная роль в этом принадлежит культурной политике, без которой нельзя достигнуть более высокого качества жизни общества, его способности к гражданскому единству, к определению обществом целей развития.

В формировании системы ценностей Эфиопии особую роль играла религия, а именно христианство. Другие религии Эфиопии такие как ислам, иудаизм, традиционные верования также внесли свой вклад в формирование национально-культурного самосознания самобытности народов страны.

В статье рассматривается культурная политика трех императоров Эфиопии — Иясу (1682–1700), Давида III (1716–1721), Иясу II Куарийца (1730–1735) и их вклад в развитие культуры страны.

Ключевые слова: Эфиопия, религия, христианство, религиозное искусство, культурная политика.

Император Иясу I

Постепенно к концу XVII в. жизнь в государстве, так долго потрясаемого непрерывными внутренними и внешними войнами, стала нормализоваться. Император Иясу I был назван Великим не даром: в конце XVII в. все важнейшие южные, центральные и северные провинции были объединены, и Эфиопская империя стала возвращаться к былому процветанию.

Частью культурной политики императора (как уже отмечалось выше) было основание новых монастырей и строительство церквей. В соответствии с традицией Иясу I основал прекрасный монастырь Дэбрэ-Бырхан Селассие, в котором привезённый из-за границы огромный колокол должен был возносить хвалу великому императору по всей Эфиопии. Дэбрэ-Бырхан Селассие стал одним из центров интеллектуальной жизни страны.

Именно там, под тенью огромного оливкового дерева, проповедовал Абба Кыфле-Йоханнис, один из наиболее образованных умов того времени. Однако императора Иясу I интересовали не только храмы, но также (возможно, в большей степени) религиозная литература. Процветает и поэзия, развившаяся в разных жанрах. Активно пишутся истории эфиопских правителей. Так, историю Иясу писали Цэхафэ Тыызаз Хаурьят Крыстос вместе с ликэ Менуасе Гэбриэлем, а также азажем Зэуольдэ. Позднее историю правления эфиопских императоров в течение 26 лет записывал азаж Синода. Он был летописцем, поэтом, композитором, лингвистом и большим знатоком истории Эфиопии. Именно он свел воедино разные хроники Йоханниса I и Иясу Великого, а также истории императора Бэкаффы. Женой Бэкаффы была ытеге Мынтыуаб, которая после его смерти стала одной из выдающихся деятельниц страны. В 1730 г. Бэкаффа тяжело заболел и умер. Новым правителем Эфиопии стал их сын Иясу II,

называемый также Иясу Куариец (Куара — небольшая область, где живёт одноимённая этническая группа, не выстывавшая до сих пор на политической сцене страны).

Император Давид III

В Гондаре по велению императора Давида III (1716–1721 гг.) был возведён единственный в своём роде в средневековой Эфиопии «концертный зал» для исполнения песен и танцев. Из-за своего пристрастия к «плебейским» развлечениям император получил пренебрежительное прозвище «певец». Французский исследователь Марсель Гриоль в своей книге «Путешествие в Абиссинию» [1] приводит подробное описание придворного комедианта, который развлекал своими ужимками гостей, подчас имитируя самого раса Хайлю, и сочинял едкие и остроумные куплеты. Учитывая чрезвычайную устойчивость традиции в культурной жизни Эфиопии, можно предположить, что между средневековыми феодально-дворцовыми театрами XIII–XIX вв. едва ли существовали большие различия.

Эпоха императора Иясу II Куарийца (1730–1755)

Иясу II Куариец занимает особенное место в истории эфиопской культуры. Он придавал большое значение развитию образования и был первым в стране, кто попытался стимулировать его развитие. Самую простую пищу в императорском дворе получали те, кто только приобщался к науке чтения и письма. Тот, кто переходил на следующие стадии обучения, наряду с более изысканной пищей получали также тэлла (слабое пиво), повсеместно распространённое в Эфиопии. Тот же, кто продолжал обучение на более трудной стадии, какой было искусство стихосложения, мог пить уже тэдж — медовый напиток, который в Эфиопии пили люди, стоящие на высокой ступени социальной иерархии, освоившие науку и перешедшие к изучению книг [2].

Вскоре Гондэр превратился в центр интеллектуального развития страны. Иясу учредил также пенсии и взял на себя полное содержание учёных, занятых переводом книг с арабского на геэз. Эти переведённые книги император распределял затем между различными монастырями. Самое большое число книг было собрано в построенном им на одном из островов оз. Тана монастыре Св. Гавриила (Гэбриэля).

Со всей страны свозил он туда книги, создав библиотеку, не имевшую ей равных в Эфиопии. Слава о библиотеке монастыря Св. Гавриила вскоре распространилась по всей стране. Из Шоа и Тигре, Бегемдера и Годжама приходили туда учёные монахи. На берегах оз. Тана они запасались продовольствием, садились в лёгкие трост-

никовые лодки, называемые «тэнкуа» и переправлялись на остров, где возвышался этот монастырь Св. Гэбриэля (архангела Гавриила). В нём они проводили часто год или два, изучая книги. По-видимому, число собранных там рукописей было столь велико, что многие из этих произведений ещё и в настоящее время не изучены.

Ытеге Мынтыуаб старалась не уступать сыну. На собственные средства она выстроила удивительно красивый и богатый монастырь для монахинь — Кускуам. Когда не хватало золота, она, как говорят, пожертвовала свои украшения, чтобы ни в чём не было недостатка у женского монастыря, который по красоте и значению должен был соперничать с мужским монастырём Св. Гэбриэля.

Иясу привёл в порядок также Гондэр, разорённый во время беспорядков в начальный период его правления. Он возвёл вокруг города новые стены, заложил сады, в которых цвели растения, привезённые из Йемена, Египта и других стран. Он приказал заложить виноградники южнее Дэнкэз, в Пирог и Кароза, и ввёл обычай пить вино.

Просвещённый правитель, он внедрил эстетику в повседневную жизнь. Он издал распоряжение о том, чтобы в окрестностях тех населённых пунктов, где были монастыри, являвшиеся средоточием умственной жизни, культивировали растение «Ындод», обладающее мыльными свойствами. С того времени к неблагородным стали относить всякого, кто носит грязную одежду. Духовным лицам, об уровне и авторитете которых император заботился прежде всего, он приказал носить нарядные одежды и позолоченную обувь. При императоре был введен обычай, дотоле неизвестный: каждое воскресенье ытеге Мынтыуаб и аце Иясу устраивали приём для учёных богословов, поэтов и композиторов. Собирались за обильно уставленными яствами и винами столом и целые часы проводили за учёными беседами, а также увлекались поэтической импровизацией, в основном стихов кыне, смысл и тонкость которых состояла в подборе соответствующих иносказаний, придающих произведениям многозначительность. В Эфиопии, так же, как и в античной Греции, поэзия считалась искусством, близким музыке, и вся эфиопская поэзия традиционно предназначалась для исполнения пением. Особенность кыне также заключалась в строгом совпадении строчных слогов с нотами [3].

Период времени до начала XIX в. в эфиопской культуре принято рассматривать как особый этап: он, несомненно, был одним из наиболее плодотворных периодов её развития. Рукописная литература оставалась в основном религиозной и исторической, хотя к Гондэрскому периоду уже начали появляться литературы другого типа. Речь идёт прежде всего о грамматиках эфиопского языка, так называемых «сэуасэу» и появлении многоязычных словарей.

Наряду с литературой и культовой архитектурой, о которой многократно упоминалось ранее, большое развитие получила живопись. Развивались те же её формы, которые процветали в «золотой период эфиопского средневековья». Это было, прежде всего, искусство книжной миниатюры и настенной фрески[4].

Однако стили и содержание живописи Гондэрского периода очень заметно отличались от образцов средневекового искусства.

Произведения средневековой живописи изображали в основном сцены религиозного характера, фигуры писались на одном цветном, без украшательства, фоне. В Гондэрский период, наряду с религиозной живописью, всё ещё остававшейся главной темой творчества, появились уже произведения светского содержания.

Художники — в подавляющем большинстве анонимные — обращаются к исторической тематике, запечатлевают в картинах легендарные события аксумских и последних времён, образы героев минувших эпох и современных правителей. Именно к этому периоду относятся фрески на тему, взятую из легенды о Яреде-музыканте в Аксуме в правление Калеба, создавшим каноны эфиопской церковной музыки.

Его вдохновенное пение так сильно очаровало правителя, что, заслушавшись, он опустил острый наконечник на ногу Яреда, который, не ощущая боли и не видя текущей крови, продолжал выводить мелодию своей песни.

В гондэрский период появились, вероятно, впервые портреты императора Ййкуно-Амлака, абунэ Тэкле-Хайманота и др. На этих картинах чаще всего изображалась придворная жизнь, но встречались и народные сцены. Образцам гондэрского периода не присуща средневековая суровость: фон обычно многокрасочный, украшен декоративными элементами, а тон всей картины, в котором присутствуют жёлтые, лазурные, красные и зелёные краски, очень выразителен.

Среди немногочисленных имён видных мастеров кисти гондэрского периода следует упомянуть хотя бы одно — представителя духовенства Хайлю, называемого некоторыми тогдашними европейскими путешественниками — «Рафаэлем Эфиопии».

Период времени до начала XIX в. в эфиопской культуре принято рассматривать как особый этап; он, несомненно, был одним из наиболее плодотворных периодов её развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Griaule M. Abyssinean journey/Transl by E. G. Rich. London. Mills, 1935.
2. А. Бартницкий, И. Мантель-Нечко. История Эфиопии, изд-во «Прогресс», 1976, с. 228
3. Балашова Г.А. // Современная драматургия Эфиопии, Москва, 2008, с. 35–36.
4. Папышева Г.А. (Балашова Г. А.) Искусство художественного оформления рукописи в Эфиопии XV–XVIII вв.: Страны и народы Востока, вып. XXVII, Москва, 1991, с. 245–258.

© Балашова Галина Александровна (balashovag@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

IMPACT OF NEW MASS MEDIA ON INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE GLOBAL CONTEXT

I. Belyakova

Summary. Fast development of new mass media in the past decades became the main force accelerating globalization process. Using the world research results in this area with the help of historical and comparative analysis the author substantiates the hypothesis that new mass media has raised individual intercultural communication to the highly interconnected and complex level, at the same time giving rise to a lot of problems. The author analyzes interrelation between globalization and new mass media from the point of view its complex effect on intercultural communication and makes the conclusion about the importance of parallel study of interrelation of national / ethnic culture and new mass media and the influence of new mass media on different aspects of intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, culture, globalization, new mass media, cultural identity.

Белякова Ирина Геннадиевна

*К.псх.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
ig.belyakova@migsu.ru*

Аннотация: Стремительное развитие новых медийных технологий в последние десятилетия стало основной силой, ускоряющей процесс глобализации. Используя результаты мировых исследований в этом вопросе с помощью исторического и сопоставительного анализа автор обосновывает гипотезу о том, что новые медийные технологии подняли межкультурные взаимодействия индивида и общества на сильно взаимосвязанный и сложный уровень, одновременно порождая множество проблем. Автор анализирует взаимосвязь глобализации и новых медийных технологий с позиции их комплексного воздействия на межкультурную коммуникацию и делает вывод о важности параллельного изучения взаимовлияния национальной \ этнической культуры на новые медийные технологии, а также влияния новых медийных технологий на различные аспекты межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, глобализация, новые медийные технологии, культурная идентичность.

История человеческой коммуникации берет свое начало в устной или разговорной коммуникации. С ходом истории распространение сообщений развивалось от устной передачи до рукописной и печатной формы, затем посредством проводных и беспроводных электронных устройств и, наконец, цифровой коммуникации. Величайшим изменением в распространении сообщений стало появление компьютеров и интернета в начале 90-х годов. С этого момента радикальное изменение коммуникационной среды кардинальным образом повлияло на восприятие индивидом времени и пространства, самих средств коммуникации, их досягаемости и способов управления.

В современный период цифровой коммуникации время передачи сообщений сократилось за счет уменьшения расстояния между точками в пространстве, и это новое чувство пространства заставляет людей почувствовать ненужность местного, национального и глобального пространств [5, с. 29]. Кроме того, досягаемость цифровых средств коммуникации позволяет вовлечь огромное количество людей, а не ограниченную аудиторию. Это является очень важным моментом, так как без ограничения времени и пространства, контроль за производством и распространением информации больше

не является привилегией государства, правительства, церкви, а, наоборот, равноценно разделен между всеми индивидами.

Все инновации в цифровых информационных технологиях изменяют и продолжают менять способ мышления, действий и жизни индивидов. Например, цифровые технологии в качестве гибрида печатных и электронных средств в бинарном коде конвертирует аналоговый код в цифровой, что требует абсолютно иной режим производства и распределения информации.

Согласно Г. Чену влияние цифровых или новых медийных технологий на человеческое общество проявляется в аспектах познания, социальных последствий и новой форме эстетики [1, с. 5]. С точки зрения познания от новых медийных технологий требуется нелинейная, объемная природа и создание ожиданий контента, который напрямую воздействует на способ их использования. С точки зрения социальных эффектов наиболее заметное влияние новых медийных технологий проявляется в эффекте демассификации, проявляющимся в том, что традиционный дизайн для большой гомогенной аудитории исчезает и постепенно вытесняется особым и индивидуальным доступным обращением, позволяю-

щим создать нужное послание [6, с. 37]. С точки зрения визуальной эстетики новые медийные технологии предлагают новый цифровой эстетический вид, подразумевающий, к примеру, интерактивность, разнообразные манипуляции, создание виртуального опыта, выборочное обследование как средство создания нового контента [2, с. 95].

Новые медийные технологии представляют основную силу, ускоряющую путь на глобализацию в человеческом обществе; именно этот путь привел к трансформации всех аспектов общества. Например, с социальных и культурных позиций глобализация изменила восприятие того, что есть сообщество, по — новому определила значение культурной идентичности и гражданского общества, и потребовала от нас новый способ межкультурной коммуникации [3, с. 803]. С экономической точки зрения, значительно усилилась глобальная конкуренция. Для того, чтобы добиться успеха в глобальном бизнесе, от компаний требуется не только разбираться в местных рынках, чтобы отвечать требованиям «глобальных» клиентов, но также искать так называемые открытые рынки и совершенствовать эффективное управление в глобальных бизнес-транзакциях [4, с. 35]. В сумме благодаря тяговой силе новых медийных технологий, глобальная тенденция создает новые социальные сети и виды деятельности, переформирует политические, культурные, экономические, географические и другие границы человеческого общества, интенсифицирует и ускоряет социальные обмены и вовлекает микро — структуры индивидуальности и макро — структуры сообщества [9, с. 15].

К сожалению, с точки зрения научной перспективы традиционные исследования редко соединяли два понятия «медийные технологии» и «глобализация» [7, с. 108]. Три установившихся академических поля включали исследования межкультурной коммуникации, медийные и культурные исследования и изучение глобализации. Исследования коммуникации начались после второй мировой войны и стали академическим направлением исследования в США. Начавшись с изучения международной коммуникации и речевой коммуникации, а затем и межкультурной коммуникации, академические исследования коммуникации, как правило, игнорировали взаимоотношения между людьми и информационными технологиями и то, как люди используют информационные технологии в различных контекстах и каким образом все это соотносится с глобализацией человеческого общества.

Область медийных и культурных исследований возникла в 70-х годах в Великобритании в противовес исследованиям коммуникации в США, которые в основном ориентировались на эмпирическую парадигму. Иссле-

дования британцев в области медийных технологий фокусировались на роли медийных институтов в процессе глобализации. Многие ученые в этой области принимали глобализацию как нечто данное, не совершая попыток теоретизировать понятие [8, с. 52]. Изучение феномена глобализации началось в начале 90-х годов, когда это явление стало оказывать кардинально новое и масштабное влияние на человеческое общество. Проблема разделения исследований феномена глобализации, коммуникации, медийных и культурологических исследований в настоящее время начала разрешаться, однако, требует дальнейших усилий.

Как отмечалось выше, стремительное развитие новых медийных технологий явилось главной силой, ускорившей глобализацию за последние несколько десятилетий. С помощью своей отличительной и уникальной природы новые медийные технологии сделали взаимодействие человека и общества сильно взаимосвязанным и сложным. Через это сближение взаимное совершенствование новых медийных технологий и глобализации привела к трансформации всех аспектов человеческого общества. Новые медийные технологии считаются «новыми» не только благодаря их успешной интеграции в традиционной форме межличностной коммуникации и средств массовой информации, но и благодаря их новым функциям, которые позволяют индивидам одинаково управлять своими сообщениями в межличностном общении и средствах массовой информации. Новые медийные технологии позволяют людям взаимодействовать с множеством людей одновременно со способностью индивидуализировать сообщения в процессе общения.

Новые медийные технологии характеризуются пятью основными чертами; им присущи оцифровывание, конвергентность, интерактивность, гипертекстуальность и виртуальность.

Во-первых, конечно, цифровой характер или оцифровывание — это самая выдающаяся черта новых медийных технологий. Новые медийные технологии или цифровые технологии дематериализуют медийный текст путем конвертации информации из аналоговой в цифровую форму, позволяющую все виды математических операций. Новые медийные технологии делают возможным извлекать, обрабатывать и хранить огромные объемы информации в очень сжатом пространстве.

Во-вторых, новые медийные технологии сводят в одной точке формы и функции информации, каналы передачи, электронные коммуникации и электронное вычисление, то есть обработку данных. Конвергентная сила новых медийных технологий может быть легко продемонстрирована появлением интернета с позиций его мощной функции, заключенной в компьютерных ин-

формационных технологиях и коммуникационных сетях широкого диапазона. Это также ведет к промышленной конвергенции, проявляющейся в постоянном слиянии крупных медиа — компаний и конвергенции продуктов и услуг в виде успешного соединения и комбинации медийной продукции, материала и услуг медиа — индустрии.

В-третьих, интерактивная функция новых медийных технологий, действующая между пользователями и системой, распределяющей информационные ресурсы, дает пользователям свободу в создании и воспроизводстве самого контента и его формы в течение взаимодействия. Следует добавить, что интерактивность новых медийных технологий делает взаимодействие между различными сетями и извлечение информации через различные операционные системы доступными и удобными. Свобода управления информацией наделяет новые медийные технологии огромной силой в процессе человеческой межкультурной коммуникации.

В-четвертых, гипертекстуальность новых медийных технологий породила глобальный сетевой центр, в котором информация может свободно перемещаться и образовывать новые соединения. Этот глобальный сетевой феномен начал перестраивать весь жизненный опыт людей, что в свою очередь приведет к трансформации и экономической деятельности, и культурных моделей, а также стилей общения и межкультурной коммуникации и других аспектов человеческого общества.

В-пятых, киберпространство, сформированное новыми медийными технологиями, позволяет людям генерировать виртуальный опыт и реальность. Невидимое киберпространство не только вызывает разрыв между реальностью и виртуальностью, но также способствует свободному изменению внешности, личности, рода занятий и даже пола коммуникантов.

Обладая этими отличительными чертами, новые медийные технологии поднимают вектор глобализации на самый высокий уровень. По определению М. Стегера глобализация касается расширения и интенсификации социальных отношений и сознания в мировом времени и пространстве [9, с. 15]. Другими словами, глобализация — это социальный процесс, в котором ограничения и культурные обязательства отступают, и люди при этом все более осознают этот процесс [10, с. 3]. Она подразумевает расширение, растяжение, интенсификацию и ускорение социальных процессов как на объективно — материальном уровне, так и на субъективном уровне человеческого сознания и на других уровнях человеческого общества, включая человечество в целом, отдельные нации, конкретную индустрию или организацию и, наконец, отдельного индивида [4, с. 18].

Мощное влияние глобализации, усиленное появлением новых медийных технологий, раскрывается в его динамичных, взаимосвязанных, гибридных и важных, взятых по отдельности, атрибутах. Прежде всего, глобализация — это диалектически динамичный процесс, вызванный борьбой двух сил между культурной идентичностью и культурным многообразием, между локализацией и универсализацией. Затем, глобализация вездесуща. Она перемещается как воздух, проникая в каждый аспект человеческого общества и влияя на то, как мы живем, думаем и поступаем. Кроме того, глобализация холистически взаимосвязана; она выстраивает гигантскую матрицу, в которой все компоненты переплетены и взаимосвязаны с сетями. Более того, глобализация представляет собой культурно — гибридное государство, делающее возможным скоростную культурную трансмиссию посредством новых медийных технологий, преодолевая и «растворяя» границы. И, наконец, глобализация увеличивает влияние индивида в новом медийном обществе, которое придает множественность миру путем признания действенности и важности отдельных элементов.

Взятые вместе, диалектически динамичные, универсально вездесущие, холистически взаимосвязанные, культурно — гибридные и мощные по отдельности характеристики глобализации, усовершенствованные и углубленные стимулом и движущей силой новых медийных технологий привели к революционным изменениям в человеческом мышлении и поведении, дали новое определение понятию общности и реструктурировали человеческое общество.

Влияние интеграции новых медийных технологий и глобализации может быть суммировано в виде пяти точных эффектов, а именно, изменяющийся мир, сжатие времени и пространства, плотное взаимодействие в различных аспектах общества, глобальная сопрягаемость сетевых ресурсов и ускоренная локальная / глобальная конкуренция/ сотрудничество. Другими словами, границы человеческих обществ с точки зрения пространства, времени, объема, структуры, географии, функций, профессий, ценностей, верований плавно трансформируются в новую модель схожих черт и взаимосвязей.

В заключении отметим, что, хотя взаимосвязь новых медийных технологий и глобализации очевидна, конкретные взаимосвязи между пятью отличительными чертами новых медийных технологий (цифровым характером, конвергентностью, интерактивностью, гипертекстуальностью и виртуальностью) и пятью важными характеристиками глобализации (диалектическая динамичность, универсальная вездесущность, холистическая взаимосвязанность, сращивание культур, то есть гибридность и важность каждой отдельной характеристики) остаются ценным материалом для дальнейшего научного исследования и обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chen, G. M. (2005). A model of global communication competence. *China Media Research*, 1, 3–11.
2. Chen, G. M. (2007). Media (literacy) education in the United States. *China Media Research*, 3(3), 87–103.
3. Chen, G. M., & Zhang, K. (2010). New media and cultural identity in the global society. In R. Taiwo(Ed.), *Handbook of Research on Discourse Behavior and Digital Communication: Language Structures and Social Interaction* (pp. 801–815). Hershey, PA: Idea Group Inc.
4. Gupta, A. K., & Govindarajan, V. (2007). Guest for global dominance: Building global presence. Retrieved August 10, 2007, from [http://www.bmgmt.umd.edu/cib/wplist.htm/Hall, E. T. \(1976\). Beyond culture. New York, NY: Doubleday.](http://www.bmgmt.umd.edu/cib/wplist.htm/Hall, E. T. (1976). Beyond culture. New York, NY: Doubleday.)
5. Harvey, D. (1990). *The condition of postmodernity: An enquiry into the origins of cultural change*. Oxford: Blackwell.
6. Olson, S. R., & Pollard, T. (2004). *The muse pixelipe: Digitalization and media literacy education*.
7. Rantanen, T. (2006). *The media and globalization*. Thousand Oaks, CA: Sage.
8. Sparks, C. (1998). Is there a global public sphere? In D.
9. Steger, M. B. (2009). *Globalization: A very short introduction*. Oxford: Oxford University.
10. Waters, M. (1995). *Globalization*. London: Routledge.

© Белякова Ирина Геннадиевна (ig.belyakova@migsu.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХИВАХ О ТВОРЧЕСТВЕ ГУСТАВА КЛУЦИСА

NEW DISCOVERIES IN THE ARCHIVES ABOUT THE WORK OF GUSTAV KLUCIS

A. Guseva

Summary. The public has once again sought out the works of Gustav Klutis in recent years — his art is being studied, and there are international exhibitions of his works. Yet his artistic heritage was nearly lost to posterity entirely after he was arrested and executed in 1937. His name dropped into obscurity for a considerable period after his death. During searches in the archives in material about the Futurist poet A. E. Kruchenykh, an extensive series of sketches and preparatory drawings for future photo-montages by Klutis were discovered. Unfortunately many of them are not signed or identified, and several images cannot be identified at all. However, a section of this archive, with an author's text by G Klutis, is of great interest. This material offers a new chance for understanding of his life, work, and creative legacy.

We can use these Klutis sketches which have survived to trace the path of his creative developments — and conclude that he often repeated a successful shape he had created, and compositions which he had spent a long time working on. Sometimes, when he found an ideal shape, he would repeat several times in his works.

Keywords: Klucis, Gustav Klucis, constructivism, posters, political posters.

Гусева Анастасия Сергеевна
Соискатель, МГУ им. М. В. Ломоносова
nasti92@gmail.com

Аннотация. В последние годы творчество Густава Густавовича Клуциса стало востребованным, его искусство активно изучается, проводятся международные выставки. Наследие художника было почти потеряно после его ареста и расстрела в 1937 году и местонахождение многих работ остается неизвестным. В ходе архивного поиска в фонде поэта футуриста А. Е. Крученых была найдена большая серия эскизов и подготовительных зарисовок будущих фотомонтажей Г. Клуциса. Многие из них не подписаны и не представляется возможным идентифицировать некоторые изображения, но часть фонда, с авторским текстом Г. Клуциса и его черновиками, представляет большой интерес для исследования. По сохранившимся черновикам можно проследить ход творческого поиска художника: как происходило построение композиции, разрабатывались элементы влияния на зрителя. А также сделать вывод, о художественном методе Г. Клуциса, который после поиска наилучшей композиции, цветового сочетания, зрительных образов, часто повторял эти элементы в последующих работах.

Ключевые слова: Клуцис, Густав Клуцис, плакат, политический плакат, архив.

Густав Густавович Клуцис (Gustavs Klucis) — (4 (16) января 1895 Кенигская волость Валмиерского уезда Лифляндской губернии — 26 февраля 1938, Москва) — художник-конструктивист, один из основоположников политического плаката и теоретик фотомонтажа, латышский стрелок. Окончил Вольмарскую учительскую семинарию, затем Рижскую городскую художественную школу. Во время Октябрьской революции — доброволец в команде пулеметчиков 9-го латышского стрелкового полка. В 1918 г. поступает на 2-е курсы Свободных государственных художественных мастерских. С 1919 г. состоит в охране Совнаркома и ВЦИКа в Московском Кремле, параллельно посещает художественную студию В. Мешкова и И. Машкова. В 1921 году получил звание художника-мастера окончив ВХУТЕМАС. Посещает в это время мастерскую К.С. Малевича. С 1922 года руководит художественными мастерскими в Кремле. Занимается разработкой методики обучения во Вхутемасе вместе с С. Сенькиным (работа над «Мастерской революции»). 1924 г. стал преподавателем цветовой дисциплины во ВХУТЕМАСе. Работает над фотомонтажами с С. Сенькиным и В. Кулагиной. Автор статей о фотомонтаже. В 1931 г. зав. Кремлевскими художественными мастерскими. В 1930–1935 гг.

работа над проектами оформления города к государственным праздникам. 17 января 1938 г арестованы как участники «фашистской, националистической организации латышей», существовавшей в обществе «Прометей». Реабилитирован посмертно в 1956 г.

В последние годы творчество Густава Клуциса стало востребованным, его искусство активно изучается, проводятся международные выставки. Вероятно, его художественное наследие было почти потеряно из-за его ареста и расстрела в 1937 году. После этого имя художника было забыто на долгое время, многие работы потеряны из-за официального запрета, некоторые из его картин были сохранены усилиями жены художника — Валентины Кулагиной.

Наследие Клуциса после его расстрела в 1938 году было почти потеряно и сильно разрознено. Большая часть работ и архивов художника была изъята при аресте. Позднее некоторые документы и личные бумаги Клуциса оказалась в Центральном архиве литературы и искусства, частично в Музее Маяковского, куда передала документы жена художника, достаточно значимая часть

Валентиной Кулагиной была передана в Национальный художественный музей в Латвии, еще небольшой пласт работ был куплен Георгием Костаки для своей коллекции. Возможно, какая-то часть его работ до сих пор не обнаружена. Если бы не жена художника В. Кулагина которая несомненно понимала всю важность сохранения наследия Г. Клуциса.

В ходе архивного поиска в фонде поэта футуриста А.Е. Крученых[1] была найдена большая серия эскизов и подготовительных зарисовок будущих фотомонтажей Г. Клуциса. Вероятно, Г. Клуцис подарил или отдал эти документы на сохранение своему другу-поэту.

К сожалению, многие из них не подписаны и нет возможности идентифицировать некоторые изображения, но часть фонда, с авторским текстом Г. Клуциса и его черновиками, представляет большой интерес.

В монографиях, посвященных творчеству Г. Клуциса, не исследуется большая часть найденных материалов и не отмечается даже их существование, вероятно, из-за разрозненности и малой изученности архивных данных связанных с творчеством Г. Клуциса. Это дает шанс на новое осмысление как жизни и творчества художника, так и его наследия.

В Национальный Латышский художественный музей были переданы, эскизы к плакатам и эскизы к более поздним работам живописным 1936–1937 гг. В фонде Алексея Крученых были обнаружены эскизы, видимо, к более ранним работам 1924–1926 гг. (период их совместной работы).

Остается загадкой, почему не все данные работы публиковались ранее, но можно точно утверждать, что они являются важным звеном в понимании творчества Густава Клуциса.

Клуцис в поисках формы

По сохранившимся черновикам Г. Клуциса можно проследить ход его творческого поиска и сделать вывод, что он часто повторял успешно найденную форму и композицию, которую до этого долго искал. А иногда, найдя такую идеальную форму — повторял ее несколько раз в своих работах. По сохранившимся воспоминаниям его жены, Клуцис даже в своей преподавательской деятельности часто просил студентов повторять одно и то же задание, пока не найдется идеальное решение.

Чтобы понять, как связаны творческие эксперименты Г. Клуциса и его преподавательская практика, приведем пример установки, изображающей систему образования во ВХУТЕМАСе (Рисунок 2). Над всей композицией возвышается надпись — «Основное отделение». По черновикам

видно, что Клуцис долго искал идеальную форму для данной установки, пытался добиться объемности композиции за счет шрифта. Этот стенд становится своеобразным творческим меморандумом Г. Клуциса. Абстрактная геометрическая конструкция с перекрещенными надписями «основное» и «отделение», открывала выставку работ студентов ВХУТЕМАСа. В центре этой фигуры помещен круг, разделенный на восемь секторов с разными цветами, это может быть пример максвелловского диска, который при вращении создает эффект смешивания цветов, в разных секторах круга. Постепенно композиция меняется — крестообразная конструкция с надписью становится не вершиной, а основанием конструкции, а сверху оказывается окружность, разделенная на шестнадцать сегментов (восемь больших и восемь маленьких) разных цветов. Надпись при дальнейшей проработке рисунка становится трудночитаемой и уходит от первоначального варианта. В финальном варианте художник делает акцент на слово — «Основное», в небольшом квадрате справа — слово «теория», а на ближайшем к зрителю четырехграннике, очевидно, написано слово «объем», но зритель видит только две буквы — об остальных приходится догадываться. Много раз повторенная в набросках идея, видимо, казалась художнику очевидной настолько, что он приносит удобство восприятия и читаемость текста в жертву форме, что несомненно ярко иллюстрирует влияние на него идей супрематизма, где форма становится важнее всего. Еще одна любопытная деталь на пути от наброска к плакату — замена фигур. В левом нижнем углу фигуры. Вписанная в кубический объем фигура — *женская*. В одном варианте — не просто мужчина в военной форме — это фотопортрет самого Клуциса (Рисунок 19) [2]. Вероятно, он это делает, чтобы подчеркнуть, что он часть этой системы основного отделения ВХУТЕМАСа. Существовал еще один вариант этого стенда (Рисунок 3) [3]. Здесь, как видим, конструкция преобразована и максимально упрощена.

Но также переход к агитационному искусству происходит у Клуциса вместе с увлечением идеями конструктивизма, Клуцис мыслил себя теперь производственным вещью, а не художником. Но задачи ставились Инхуком в первую очередь членом которого был Клуцис, скорее по производству «нужного искусства», а не «нужных вещей и проектов».

Тиражируя портреты рабочих ударников в 1930х Клуцис создает новый облик советского человека и пропагандирует новый строй и новое общество. Причастность художника к созданию нового общества, его активная политическая позиция и главная цель — следовать нуждам революции, позволило к 1930 годам уйти от традиционного построения плаката, где основой был эстетический принцип и найти свой метод построения композиции. За счет усиление выразительности, основанной на до-

кументальности и соседстве совершенно различных масштабов и пропорций, использование фотографии в контексте цветовых динамичных композиций, работа с шрифтом, создавался особый метод создания плаката.

В период с 1929 по 1931 гг. Клуцис создал серию из 33 плакатов под названием «Борьба за пятилетку». Интересны подготовительные наброски к плакатам 1930 г. «Рабочие и работницы. Все на перевыборы Советов» и «Выполним план великих работ». (Рисунок 4, 5). В этом случае сравнение наброска и окончательного варианта плаката очень значимо для понимания и творческих и общественных взглядов Клуциса. Художник строит композицию так, чтобы передать динамику движения. В конце концов автор выбирает противоположное расположение ладони в композиции, чем на эскизах, в правом верхнем углу крестообразная конструкция трансформируется — ладонь, причем явно повернутая к зрителю внутренней стороной, заполняет все пространство работы. Призывая к труду зрителя, художник одновременно участвует в снимке, ведь это фотография его руки. Еще два наброска с рукой носят уже предельно обобщенный характер — художник выстраивает композицию. «Крест» в плане исчезает, зато на самом плакате он возвращается надпись: «Рабочие и работницы. Все на перевыборы Советов», руки (теперь все — левые) вновь образуют в плане крест, а «рабочие и работницы» перемещаются в правый нижний угол плаката, внутрь фотоколлажа. Тут художник в поиске построения композиции совмещает разномасштабные фотографии на листе, и в конечном счете создается ощущение массовости, единства рук, символически означающее единство народа, объединенного коммунистической идеей. Особого внимания заслуживает необычное исполнение фотомонтажей «Выполним план великих работ» и «Вернем угольный долг стране» напечатанных на одном листе с двух сторон, что было вершиной полиграфического искусства растровой глубокой печати и такие работы выполняли всего две типографии в Москве «Красный пролетарий» и «Гудок» [4].

С поэтом-футуристом Алексеем Крученых Г. Клуцис знакомится во время своего обучения во ВХУТЕМАСе и в последствии ни раз оформляет для него обложки книг или иллюстрации к его книгам. Сотрудничая с ним, исполняет линогравюры для обложек его книг «Хулиган Есенин», «Дунька-Рубиха» и «На борьбу с хулиганством в литературе», к которым сохранились черновики.

Выполняя обложку к книге «На борьбу с хулиганством в литературе» А. Крученых и подготовительных работ к ним (Рисунок 6, 7) автор ищет варианты построения композиции и ищет форму изображения. На листе верхний эскиз на черновом листе относится к обложке журнала Кино-фронт 5–6, 1926 год, выполненный Густавом Клуцисом в жанре фотомонтажа. Нижний эскиз относится к об-

ложке книги А. Крученых. На этот раз двухцветное изображение становится лаконичнее, исчезают некоторые анатомические подробности. Однако рисунок лишен первоначального драматизма и даже снабжен довольно примитивными атрибутами (кинжал и пистолет), что снижает первоначальный накал темы. Построение композиции становится проще и зрительно уже не такое сильное впечатление дает изображение руки. Интересно, что используя однокрасочный полутоновой фотомонтаж, Клуцис только начиная развивать свои художественные методы создает фотомонтажи, где впервые у него изображение так активно взаимодействует с текстом, за счет ярких образов ассоциативно раскрывается тема, что больше свойственно кинематографическому фотомонтажу, чем политическому, в сторону которого потом будут развиваться методы и приемы художника.

Еще одним примером объединения лозунга, разномасштабных фотографий и цвета могут служить иллюстрации к журналу «Вестник труда» № 1, созданные в 1925 г. совместно с фотомонтажистом и другом Сергеем Сенькиным (Рисунок 8), это стало одной из самых крупных фотолозунгомонтажной работой художника. По сохранившимся черновикам (Рисунок 9) автора можно проследить, как развивалась композиция и как Г. Клуцис ищет идеальный вариант, а также новый образ, отвечающий нуждам революции. Данный набросок, очевидно, имел отношение к обложке журнала «Вестник труда» (1925). Очевидно, на этот раз композиция была понятна Г. Клуцису изначально. Единственные два момента, которые нуждались в уточнении — расположение букв в надписях и пропорции самой звезды. Нельзя не обратить внимания на то, что Клуцис не сразу отказывается от излюбленного креста — один из двух набросков на листе содержит элементы креста (в углу справа внизу). Очевидно, он планировал разместить в углах композиции атрибуты новой государственной власти. Видимо, хотелось, также использовать спираль, зрительно привлекающей внимание и создающей трехмерность. В конечном итоге, сделав композицию чуть просторней и легче воспринимаемой зрителем, не перегрузив ее крупномасштабными фигурами и цветом, в соавторстве с Сенькиным получился один из лучших ранних плакатов. Используя разномасштабные и разного размера фотографии в коллаже создается ощущение объемности и движения от центра композиции к краям.

Получается использовать прием спиралевидной закрутки в композиции в работе 1935 года «Диктатура пролетариата — путь к коммунизму», обложка к «Вестнику труда» за 1935 г., № 1 (Рисунок 10,11). С точки зрения анализа построения композиции плаката, это самый интересный лист из тетради подготовительных рисунков, показывающий развитие творческой мастерской Густава Клуциса. Несколько вариантов развития композиции, во-первых,

показывают, различные идеи развития динамики объекта, от степени «закрутки» спирали менялось эстетическое восприятие зрителем и значит эмоционально работа становилась сильнее. Клуцис, выполняя работы для тиражирования, где никакого свидетельства рукотворности быть не может, очень аккуратно в финальном варианте все-таки за счет различных приемов добавляет ощущение объема и наполненности в работу. Свою ценную творческую находку «Ленинскую спираль» Клуцис повторяет так же в работах «Красная звезда» и «Укрепляйте смычку рабочих и крестьян», все три фотомонтажные работы, опубликованные в журнале «Вестник труда», вызывают у автора огромную гордость и поэтому постоянно экспонируются в дальнейшем на выставках.

Однако выявленный этюд значительно сложнее — в нем и несколько моделей обложек, и кресты, и «пропеллеры», и сегментированные окружности. Не все элементы в дальнейшем были использованы Клуцисом, но интересно проследить развитие художественных замыслов и определить последовательность.

По сохранившимся черновикам и двум работам — «Журнал «Вестник труда», 1935 г., № 1, «Союзы! Ближе к массам — только тогда вы станете доподлинно школой коммунизма» и «Задачи профдвижения и VI Всесоюзный съезд профсоюзов» (1925 г.) (Рисунок 12, 13, 14) — интересно показать, что Г. Клуцис, найдя идеальное сочетание и решение для одной работы, позднее опять использует этот прием, применяя усиление цвета. Если в более раннем варианте 1925 года он использует римскую цифру «шесть», разделяя ею пространство и помещая в линии фотографии известных политических деятелей, то есть используя цвет в качестве обрамления, то уже в более поздней работе 1935 года красные буквы выполняют функцию разделения и четкого выделения необходимого «кода» за счет цветового акцента.

К серии линогравюр 1922–1925 гг. Клуциса относятся и проекты костюмов, предназначавшихся жителям этих будущих городов: «Проект спортивного костюма» «Эскиз униформы и ботинок с пружинами» или «Комплект прозодежды», выполненные в сине-белых, красных и черных оттисках. Выполняя Эскиз костюма 1925 г (Рисунок 15,16) и эскиз к нему, отвечая задачам конструктивизма, в этом эксперименте получается создать новую формулу для реального применения жизни. Будучи производственным вещью, все тут отвечает поставленной цели, но стоит отметить, что задачи ставились скорее по производству «нужного искусства», а не «нужных вещей и проектов», поэтому скорее это все отвечало больше поставленной цели, а не тому, что нужно было в реальности новому обществу. Лишь за счет чередования линий и использования разного цвета в эскизе костюма 1925 года мы можем говорить о возможно предполагаемом утилитарном

значении. Многие художники-конструктивисты занимались проектированием производственной одежды. Еще в 1921 г. пропагандируя проникновение искусства во все области быта, они декларировали, что одним из наиболее важных проводников нового художественного вкуса в массы является одежда.

Основным эстетическим принципом в этой работе Клуциса стала простота линий и целесообразность покроя, что соответствовало общему стилю в одежде того времени, на это повлияли кубофутуристические тенденции того времени. Большое влияние на художника оказывала концепция супрематизма и концепция конструктивизма в использовании ажурных решетчатых конструкций и в преобладании прямых углов, сочетании различных линий, цветов, материалов. Как например, в его ранних пространственных конструкциях 1918–1922 годов. По наблюдению С. Хан-Магомедова, благодаря тесному взаимодействию этих тенденций формообразования создавался «характерный для той эпохи неповторимый стилистический облик агитационно-дизайнерского слоя городской среды» [5].

Примером работы, представляющей интерес с точки зрения применения фотомонтажа, является «Социалистическая реконструкция» (Рисунок 17) и черновики к ней. Сама работа выполнена в 1927 году в честь 10-летия Октябрьской революции. Сначала она была исполнена художником в цвете, с наклоном фигуры; соответственно, динамичность композиции была выражена сильнее. Но в финальном варианте своей работы автор на первый план в левый нижний угол выносит динамическую фотомонтажную композицию, которая совершенно по-другому организует пространство, добавляет динамичности данной композиции. Во-первых, композиция становится многоплановой и в основном за счет цветового усиления. Внутренняя динамика «Социальной реконструкции» построена на соединении горизонтальных и вертикальных элементов, на первом плане композиции движение идет сверху вниз, а основная линия развития динамики параллельно идет снизу-вверх, перекрестное движение создает ощущение нарастания динамичности.

Художник тут подошел к построению композиции принципиально другим методом, но и сам фотомонтаж выполнен с использованием легко узнаваемых изображений объектов и персоналий, добавляя крупноплановые постановочные фотографии, минимизируя информативность и стремясь к лаконичности образов, а также пониманию зрителем общей идеи. Выделяя фигуру одного рабочего и говоря о важной роли каждого человека в строительстве нового государства, так же путем уменьшения масштаба фигур на первом плане становится понятна роль всего общества и идея строительства нового государства сообща.

Теоретическое обоснование своих экспериментов Г. Клуцис сформулировал в рукописи «Право на эксперимент», датируемой, разными исследователями, 1920-ми или 1930-ми гг. [6] Он говорит о постоянном поиске новых средств выразительности, в частности, об экспериментах с пространством и передачей движения.

Найденные документы и эскизы в фонде Крученых демонстрируют процесс творческого поиска в конкретных работах. Просматривается уникальный метод объединения лозунга и конструкции в творчестве Клуциса за счет сочетания простых геометрических фигур и использования ярких, контрастных и сочетаемых цветов, он выделяет ключевые моменты в композициях. Постепенно совершенствуя свой метод фотомонтажа, находясь в поисках более органического соответствия графических и смысловых элементов, постоянно упрощая, в сторону лаконичности и узнаваемости образа свои работы, Клуцис создает свой уникальный стиль плаката, при котором цвет, коллаж и шрифт создают неповторимый революционный образ.

Густав Клуцис нередко добавляет в свои плакаты фигуры людей, всегда это не случайно, важны тут и персоналии, и идея, которую хочет донести автор, объединяя порой лозунг или число и фигуру. Для него фотомонтаж был средством агитации и «оружием нового искусства». Советский плакат создавался для тиражирования, никакого намека на рукотворность или особенность тут быть

не могло. И Г. Клуцис с присущей ему максимальной аккуратностью подготавливал проекты для «тиражей».

В настоящее время возрастает интерес к советскому агитационному искусству возрастает. В 1920–1930 годах Густав Клуцис находился в самом центре развития событий политических и культурных, занимался развитием системы образования, преподаватель-новатор. Исследование отдельных частей культуры и искусства раннего советского периода в последнее время активизировалось в основном благодаря открытию новых архивных фондов и актуализации таких направлений как история культуры и искусства. Архивы, личные документы репрессированных художников стали доступными в реальности только в начале 2000-х годов, до сих пор в монографиях и исследованиях, написанных до этого времени, прослеживаются ошибки и недостоверная информация, ввиду отсутствия документов, подтверждающих иное. В исследовании творчества и обстоятельств жизни Г. Клуциса еще остается много пробелов, многое необходимо уточнить, но несомненно документы, найденные в ходе архивного исследования в Российском Государственном Архиве литературы и искусства не подвергавшиеся анализу и исследованию ранее, дают возможность понять лучше творческий процесс создания работ автором, создания композиции в зависимости от поставленных задач, а так же по новому взглянуть на искусство Густава Клуциса ввиду открывшихся новых обстоятельств его жизни.

Иллюстрации

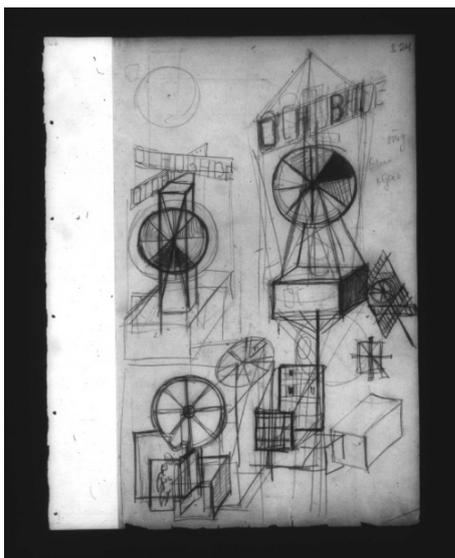

Рис. 1. Клуцис Г.Г. Наброски к плакату (источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238, л. 324)

Рис. 2. Клуцис Г.Г. Проект стенда у входа на выставку работ студентов Основного отделения Вхутемаса

Рис. 3. Клуцис Г.Г. Эмблема-стенд у входа на выставку работ студентов Основного отделения ВХУТЕМАСа. Проект; Г. Клуцис у эмблемы-стенда (спектральный круг и крестовина с названием пропедевтических дисциплин — «Графика», «Пространство», «Цвет», «Объем»)

Рис. 4. Клуцис Г.Г. «Рабочие и работницы. Все на перевыборы Советов». Плакат 1930 г.

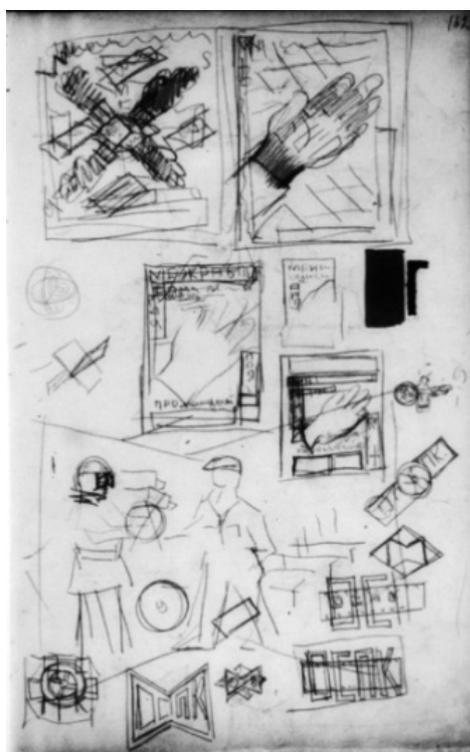

Рис. 5. Клуцис Г.Г. Карандашные наброски к плакату (источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238 Л. 162)

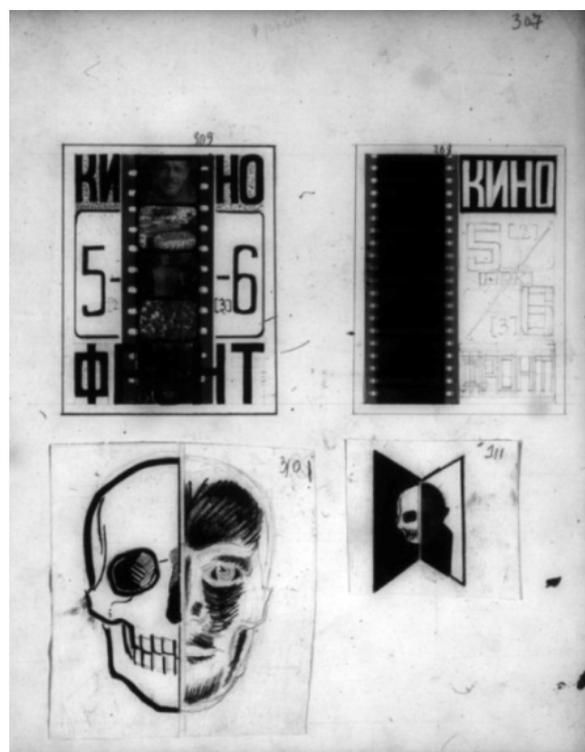

Рис. 6. Клуцис Г.Г. Наброски к плакату (источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238, л. 101,99)

Рис. 7. Клуцис Г.Г. Обложка книги А. Крученых На борьбу с хулиганством в литературе

Рис. 8. Клуцис Г.Г. Журнал «Вестник труда», 1925 г., № 1. «Шашки вычищены и отточены. Бойцы готовы к защите СССР»

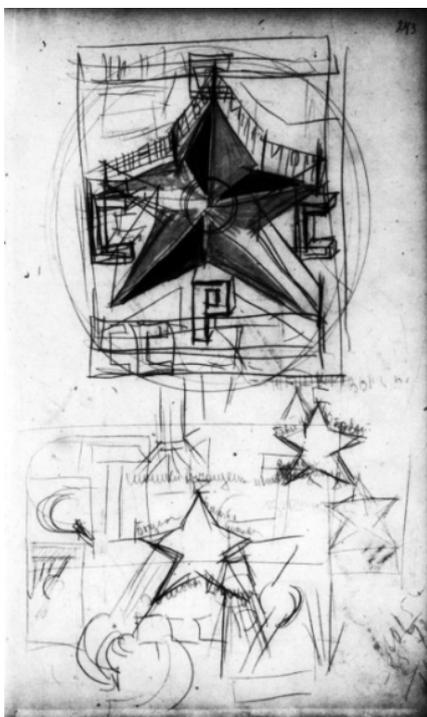

Рис. 9. Клуцис Г.Г. Наброски к плакату (источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238, л. 243)

Рис. 10. Клуцис Г.Г. «Диктатура пролетариата — путь к коммунизму» Журнал «Вестник труда», 1935 г., № 1

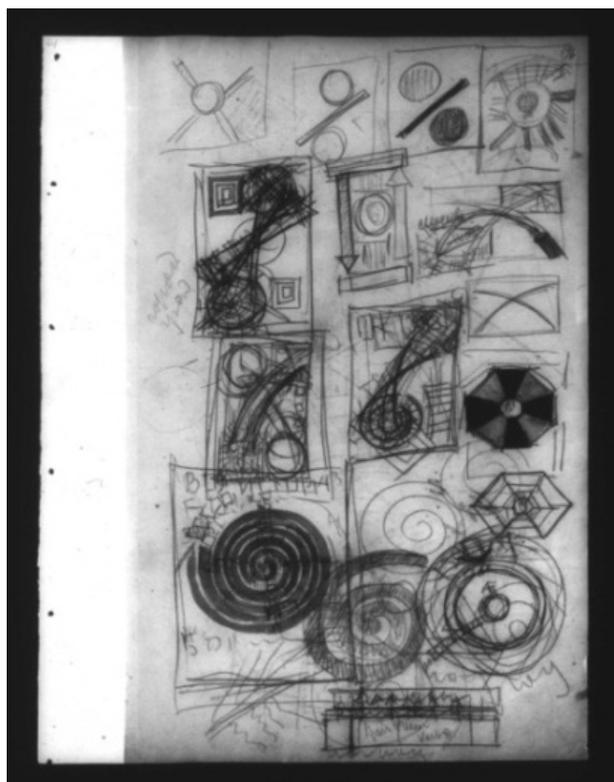

Рис. 11. Клуцис Г.Г. Наброски к плакату (источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238, л. 243)

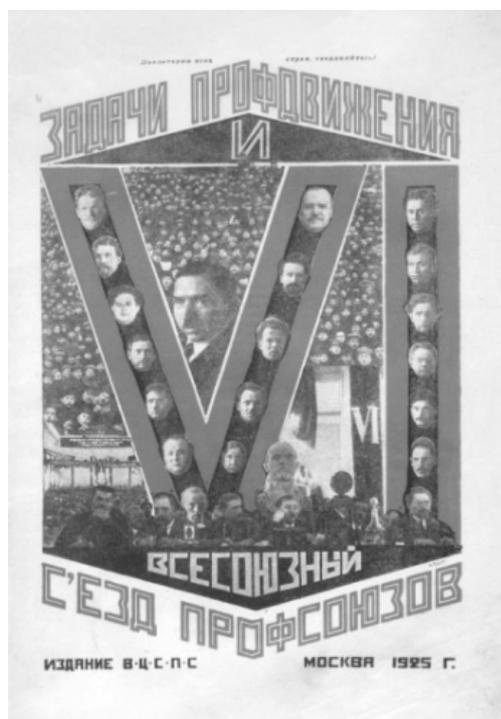

Рис. 13. Клуцис Г.Г. Сборник «Задачи профдвижения и VI Всесоюзный съезд профсоюзов», 1925 г.

Рис. 12. Клуцис Г.Г. Журнал «Вестник труда», 1935 г., № 1. «Союзы! Ближе к массам — только тогда вы станете доподлинно школой коммунизма»

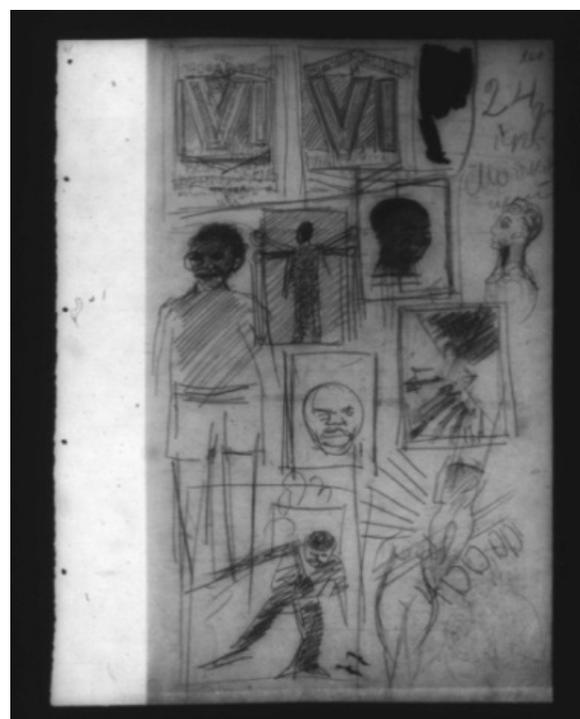

Рис. 14. Клуцис Г.Г. Наброски к плакату. источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238, л. 260

Рис. 15. Клуцис Г.Г. Эскиз костюма. 1925 г.

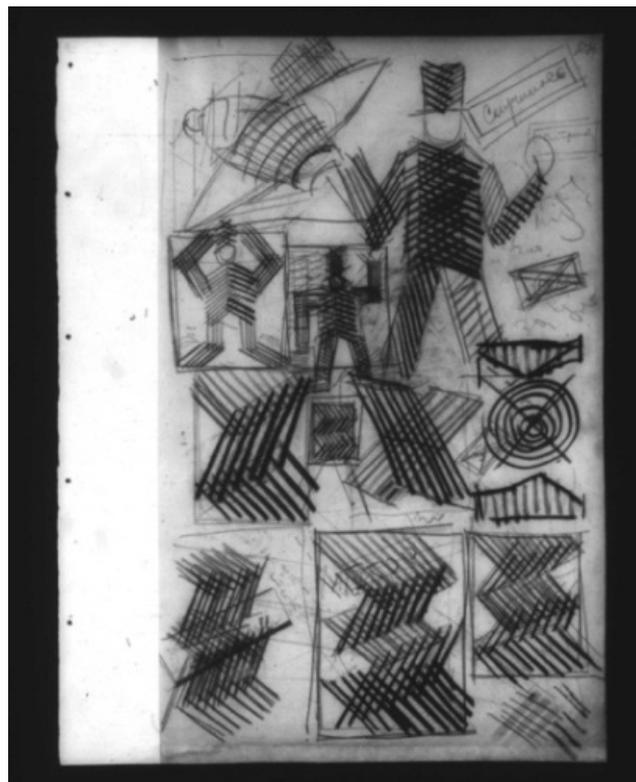

Рис. 16. Клуцис Г.Г. Наброски к плакату.
источник: РГАЛИ. Материалы Г.Г. Клуциса.
Фонд: Крученых А.Е. Ф. 1334, оп. 2, д. 238, л. 276

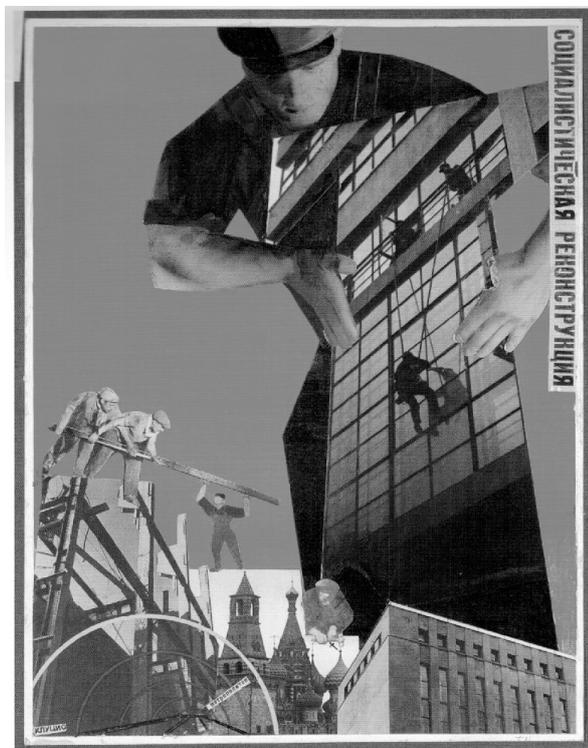

Рис. 17. Клуцис Г.Г. Социалистическая
реконструкция 1926 г.

Рис. 18. Портрет Г.Г. Клуциса из Уголовного Дела

Рис. 19. Клуцис Г.Г. Фотопортрет

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд Крученых А. Е. // РГАЛИ. Ф. 1134, оп. 1, д. 44.
2. Портреты лидеров русского авангарда. Фотоколлажи. // С сайта: http://art-edu-studio.ru/next/pages/archive_media-mk-lavrentiev_gallery.htm
3. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: Проблемы формообразования. Мастера и течения. — М.: Стройиздат, 1996. Т. 1 С. 177
4. Шклярук А. Ф. Густав Клуцис. Валентина Кулагина. Плакат. Книжная графика. Журнальная графика. Газетный фотомонтаж. 1922–1937/ — М.: Контакт-Культура, 2010. С. 32
5. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: Проблемы формообразования. Мастера и течения. — М.: Стройиздат, 1996. С. 138
6. Шклярук А. Ф. Густав Клуцис. Валентина Кулагина. Плакат. Книжная графика. Журнальная графика. Газетный фотомонтаж. 1922–1937/ — М.: Контакт-Культура, 2010. С. 43
7. Curriculum vitae// РГАЛИ. Ф. 681, оп. 1, д. 1118.
8. Материалы Г.Г. Клуциса. Фонд Крученых А. Е. // РГАЛИ. Ф. 1134, оп. 1, д. 44.
9. Следственное дело Г. Клуциса // Фонд ГБУК г. Москвы «Государственный музей В. В. Маяковского», № КП 32255 от 25.03.1999.
10. Огинская Л. Ю. Густав Клуцис. М., 1981. 198 с.
11. Хан-Магомедов С. О. Вхутемас — ВХУТЕИН, 1920–1930. В 2 кн./ М.: Лады, 2000. 488 с.
12. Шклярук А. Ф. Густав Клуцис. Валентина Кулагина. Плакат. Книжная графика. Журнальная графика. Газетный фотомонтаж. 1922–1937. М.: Контакт-Культура, 2010. 279 с.
13. Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура: биографии живописцев, архитекторов, графиков, скульпторов, художников книги, театра и кино, фотографов, историков искусства и архитектуры, художественных критиков, музейных работников, коллекционеров в 3 т. / Авт.-сост.: В. И. Ракитин, А. Д. Сарабьянов. Т. 1: Биографии. А — К. М., 2013. 528 с.: ил. Т. 2: Биографии. Л — Я. М., 2013. 724 с.: ил. Т. 3: История. Теория: В 2 кн. М., 2014. Кн. 1. А — М. 426 с.: ил. Кн. 2: Н — Я. 426 с.: ил.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПОДРОСТКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Андрущенко Ольга Николаевна
Аспирант, КГПУ им.В.П.Астафьева
olga.andrush@mail.ru

FACTORS OF VIABILITY OF THE ADOLESCENTS ENROLLED IN THE CADET CORPS

O. Andrushchenko

Summary. The article is devoted to identifying and examining factors in the development of the vitality of adolescents enrolled in the cadet corps. Data are given of an experimental study confirming the hypothesis that there are relationships between individual psychological characteristics and vitality of the adolescents enrolled in the cadet corps, describes the relationship between variables such as temperament, extroversion, neuroticism, motivation, reflexivity, and scale values by the method of SMIL. The study involved 160 people (male), aged 13–16 years. It is shown that the factors in the development of the vitality of adolescents enrolled in the cadet corps, provide the development of the structural components of viability: adaptability, openness to experience, vitality and resolve tier contradictions of the development of self-evaluation, personal and professional self-determination, self-development and manifestation of the subject positions in the planning and organizing behavior and activity.

Keywords: viability, subject, levels of viability, vitality and development.

Аннотация. Статья посвящена выявлению и изучению факторов развития жизнеспособности подростков, обучающихся в кадетском корпусе. Приводятся данные экспериментального исследования, подтверждающие гипотезу о том, что существуют взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями и жизнеспособностью подростков обучающихся в кадетском корпусе, рассмотрены взаимосвязи между такими переменными, как темперамент, экстраверсия, нейротизм, мотивация, рефлексивность, а также значения шкал по методике СМИЛ. В исследовании приняли участие 160 человек (мужского пола), в возрасте 13–16 лет. Показано, что факторы развития жизнеспособности подростков, обучающихся в кадетском корпусе, обеспечивают разрешение уровневых противоречий развития самоотношения, личностного и профессионального самоопределения, саморазвития и проявления субъектной позиции при планировании и организации подростками своего поведения и жизнедеятельности.

Ключевые слова: жизнеспособность, субъект, уровни жизнеспособности, структура жизнеспособности, развитие.

Введение

В рамках отечественной психологии рассматриваются разные стороны процесса формирования, развития и структурных компонентов жизнеспособности. А. В. Махнач который рассматривает жизнеспособность личности в четырех аспектах: индивидуальные характеристики, отношения с близкими, влияние общества, включенность в культурную традицию, в каждой из которых исследуется «соотношение ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействия «социально токсичного окружения» [А. В. Махнач, 2013]; А. А. Нестерова определяет жизнеспособность личности как «системное качество личности, характеризующее единство индивидуальных и социально-психологических способностей человека к реализации ресурсного потенциала» [А. А. Нестерова, 2011]; по убеждению А. И. Лактионовой жизнеспособность является предпосылкой к развитию и адаптации [А. И. Лактионова, 2010]; при изучении жизнеспособности Е. А. Рыльская выделяет свойства нейродинамического происхождения: тревожность, ригидность, экстраверсия как врожденные предпосылки «увеличивающие вероятность формирования жизнеспособности или нежизнеспособности при оп-

средствованном и преимущественном влиянии «культурных» факторов социальной среды» [Е. А. Рыльская, 2014]; Г. Айзенк называл нейротизм одним из личностных измерений и предполагал, что нейротизм может поддерживать каждую бессознательную или привычную форму поведения, которой владеет индивид; В. Д. Шадриков утверждает: «Уже при рождении ребенок обладает определенными способностями (именно способностями, а не только задатками). Это способности генотипа. Именно эти способности обеспечивают ему выживание... Новорожденный является жизнеспособным, т.е. способным выжить» [В. Д. Шадриков, 1997]; К. А. Абульханова в контексте субъектно-деятельностного подхода рассматривает «сознание как жизненную способность личности, как о свойство, качество, способность человека и соответственно способность личности, «что открывает возможность определения его сущности, механизмов и функций в решении личностью жизненных задач и реализации своих позиций» [К. А. Абульханова, 2009]. Исследуя социальную составляющую жизнеспособности российских подростков, А. В. Махнач и А. И. Лактионова пришли к выводу, что на сегодняшний день они не обладают достаточным уровнем жизнеспособности. С одной стороны существует потребность в развитии самопознания, саморегуляции,

саморазвития, самореализации подростков с другой стороны отсутствие способности их осуществить. Проблема взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей личности и ее жизнеспособности в развитии субъектности, а также недостаточная ее разработанность и высокая социальная значимость определили выбор темы исследования. Основную выборку нашего исследования составили подростки в возрасте 13–16 лет, обучающиеся в кадетском корпусе. Нами применялись методы тестирования, шкалирования. Для изучения индивидуально-психологических особенностей и характерологических проявлений лиц подросткового возраста нами использовались следующие методики: опросник Айзенка EPI; стандартная многофакторная методика исследования личности СМЛЛ, автор Собчик Л.Н.; опросник рефлексивности Карпова А.В.; тест-опросник А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения в модификации М.Ш. Магомед-Эминова; шкала субъективного благополучия в адаптации Соколовой, направленная на выявление эмоционального компонента субъективного благополучия; модифицированный опросник Е.А. Рильской «жизнеспособность человека» предназначенный для оценки показателя жизнеспособности как интегральной способности к сохранению собственной системной целостности. Для обработки результатов исследования применялись математические методы статистической обработки данных (метод ранговых корреляций Спирмена, метод кластеризации К средних, критерий Манна — Уитни). Математическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерных программ с применением пакетов «EXCEL», «Statistika for Windows 98». Вначале нами были определены первичные статистики, затем факторный анализ с варимакс-вращением, который позволил описать особенности взаимосвязей между личностными характеристиками подростков, обучающихся в кадетском корпусе и выделить факторы развития их жизнеспособности.

Результаты исследования

В развитии жизнеспособности подростков, обучающихся 8 класса выявлено 4 фактора, в совокупности описывающих 70% выявленной дисперсии. Первый фактор (36,2% выявленной дисперсии) включает в себя следующие компоненты: «тревожность» (0,83), «индивидуальность» (0,81), «импульсивность» (0,79). Поскольку сочетание данных шкал, несущих максимальные факторные нагрузки, предполагает нетерпеливость, зависимость устойчивости уровня притязаний от сиюминутных побуждений, внешних влияний, в достаточной мере выражена тенденция к противодействию внешнему давлению, склонность опираться в основном на собственное мнение, мы приняли решение обозначить данный фактор как «интеграция», определяющий интенсивность изменений эмоциональной сферы.

Второй фактор (51,8% выявленной дисперсии) включает в себя следующие элементы: нейротизм (0,84), «оптимизм и активность» (0,72). Поскольку максимальные нагрузки приходятся на личностную переменную, обозначающую особенности лабильной и реактивной нервной системы, фактор получил название «активность».

В третий фактор (62,43%) с отрицательным знаком вошла переменная — мотивация, данный фактор обозначен нами как «мотивация».

Четвертый фактор, самый мощный (70,24%) представлен шкалой, которая, выявляет тенденцию к повышенному самоконтролю, мы позволили себе обозначить этот фактор как «самоконтроль».

Поскольку, в обобщенно-смысловом плане категория жизнеспособность соотносится с такими понятиями как «ресурс», «потенциал», а В.Д. Шадриков пишет: «Уже при рождении ребенок обладает определенными способностями (именно способностями, а не только задатками). Это способности генотипа. Именно эти способности обеспечивают ему выживание... Новорожденный является жизнеспособным, т.е. способным выжить» [В.Д. Шадриков, 1997], полученные результаты позволяют предполагать наличие биологического фундамента жизнеспособности, некоего ресурса, который определяет адаптивную форму жизнеспособности подростков. И в среднем подростковом возрасте к форме жизнеспособности, возможно, относятся в большей степени адаптация, мы рассматриваем психологическую адаптацию, затрагивая структурные составляющие, особенности личности подростков, ее активность; источником которой является взаимодействие между личностью и обществом, средством осуществления — усвоение норм, ценностей, требований общества; критерием — внутренняя структурированность личности, ее потребностей, мотивов, установок и саморегуляция, как сознательное управление подростком собственными действиями и поведением. Таким образом, факторы «активный» и «бунтующий» фактор содержательно соответствуют способностям адаптации, а факторы «мотивационный» и «самоконтроля» соответствуют способностям саморегуляции подростков обучающихся в 8 классе.

Психологическая адаптивность — свойство, структура которого влияет на функционирование личности, это основа для проявления в социальной жизни способности позитивного перехода от уровня «приспособления» к уровню восходящего «равновесия». Учитывая особенности возраста восьмиклассников, который характеризуется перестройкой мотивационной сферы, сферы взаимоотношений с взрослыми и сверстниками, личностной сферы — самосознания, происходят изменения на гормональном фоне — подросткам некомфортно

в том состоянии, в котором они находятся и часто они ведут себя противоречиво. Можно предположить, что способности адаптации и саморегуляции в этот период в целом могут выступать как адаптационные механизмы широком понимании, которые обеспечивают устойчивость существования подростков, формирование предсказуемого поведения. Таким образом, жизнеспособность подростков восьмиклассников приобретает адаптивную форму обеспечивающую продуктивность социальных взаимодействий, в процессе которых у подростков формируется интерес к самопознанию, что способствует оптимальной самореализации в условиях окружающей действительности.

В развитии жизнеспособности обучающихся 9 класса выявлено 3 фактора, в совокупности описывающих 68,71% выявленной дисперсии. Первый фактор (41,5%) образуют: индивидуалистичность (0,88), пессимистичность (0,87), тревожность (0,82), импульсивность (0,80), ригидность (0,75) и эмоциональная лабильность (0,73). Поскольку это сочетание отражает впечатлительность, высокую чувствительность, стремление «осмыслить» собственные непосредственные порывы и подвластность средовым воздействиям, данный фактор был обозначен как «познавательно-преобразующий».

Во второй фактор (60,97%) с отрицательным знаком вошла переменная — рефлексивность (0,83). Данный фактор был назван «рефлексия».

Третий фактор (68,71%) объединил с высокими нагрузками следующие критерии: самоконтроль (0,45) и эмоциональная лабильность (0,37). Поскольку самоконтроль предполагает подавление спонтанности, инертность в принятии решений, избегание серьезной ответственности из страха не справится, а эмоциональную лабильность характеризует конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций, данный фактор был обозначен как фактор «личностное самоопределение».

Полученные данные позволяют сделать вывод, что у подростков, обучающихся в 9 классе, форму жизнеспособности определяют смысловые поиски. Девятиклассники обращают взгляд на собственный внутренний мир: «Кто я? Какой я?». Именно «Я» — сам по себе — становится доминантой мироощущения подростка, т.е. подросток готов познавать себя, но не с точки зрения опыта, поведения, а сточки зрения познавательной-созерцательной позиции себя или к себе. Отрицательный показатель рефлексивности свидетельствует о том, что рефлексия как навык, который позволяет не только контролировать направленность внимания, собственные мысли, ощущения и общее состояние, еще не наработан.

Таким образом, у девятиклассников, психические отношения, как внутренняя сторона связи человека с действительностью (характеризующиеся избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, когда деятельность и поведение подростка определяется его отношением к различным сторонам действительности) выходят на социальный уровень, т.е. подростки начинают проявлять себя на личностном уровне. На основании своей индивидуальности начинают формироваться межличностные отношения, и формируется самоотношение, они начинают проявлять себя в системе жизненных отношений, сознавая собственное жизненное пространство. Происходит личностное самоопределение, когда подростки решают какими им быть, какие нормы поведения приемлемы для них, как относятся к другим людям, как оценивать себя и свои поступки, формируются ценностные ориентации, выражающие субъективное отношение личности к объективным условиям жизни. Форма жизнеспособности девятиклассников обозначена нами как «определяющая».

Следующие процедуры факторизации на выборке 10 класса продемонстрировали в совокупности 76,37% выявленной дисперсии. Первый фактор (35,69%) представлен — пессимистичностью (0,79), ригидностью (0,76), тревожностью (0,74), индивидуалистичностью (0,73), шкалами, выявляющими механизм интеллектуальной переработки. Ригидность рассматривается нами с точки зрения взаимодействия личностных особенностей субъекта с характером среды, которая обуславливает особенности перестройки поведенческих стереотипов и выработки новых норм. Поскольку максимальные факторные нагрузки приходятся на показатели высокого уровня осознания имеющихся проблем, склонность к раздумьям, самокритичность, аффилиативная потребность, выраженная глубина переживаний, самокритичность, было принято решение обозначить первый фактор как «целесолагание».

Во второй фактор (53,49%) вошли переменные нейротизм (0,64), тревожность (0,43), индивидуалистичность (0,42), оптимистичность (0,57), мотивация (0,61), жизнеспособность (0,67). Что говорит об активности, готовности к саморазвитию, мотивации к достижению. Это фактор можно обозначить как «сознательная саморегуляция» (как стремление к наиболее полному выявлению, развитию и проявлению своих личностных возможностей).

Третий фактор объединил с высокими нагрузками следующие элементы: темперамент (0,67), экстраверсия (0,68), рефлексивность (0,58). Поскольку экстраверсию с одной стороны связывают с позитивной эмоциональностью, коммуникабельностью, с другой стороны — с импульсивностью, темперамент в свою очередь,

характеризует динамику развития психических процессов личности. Как отмечал В.Д. Небылицын, наиболее широкое значение в структуре темперамента имеет общая психическая активность индивида, которая характеризует тенденции личности к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности [Шамионов Р.М., Григорьева М.В., 2017]. Рефлексивность с положительной нагрузкой — направлена на самоанализ, оценку своих поступков, мыслей и происходящих событий, данный фактор был обозначен как «способы проявления субъектной активности» (т.е. определяющий оптимальные способы поведения), на основании высокой нагрузки переменной «экстраверсия» (0,68), а также содержательной интерпретации остальных переменных.

Четвертый фактор (76,37%) включает ряд следующих параметров: сверконтроль (0,50), эмоциональная лабильность (0,59), рефлексивность (0,44). Поскольку в данном факторе сходятся конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций и самоанализ, мы обозначили его «мера проявления субъектной активности» — как осознанный процесс, который подросток осуществляет, используя при этом свои ресурсы для того, чтобы совершенствовать свой личностный потенциал и реализовать себя как успешная личность.

Форма жизнеспособности у обучающихся десятиклассников была нами обозначена как «саморазвитие», поскольку выделенные факторы (эмоционально-интеллектуальное отношение к действительности, сознательная саморегуляция, фактор определяющий способы проявления активности, фактор определяющий меру проявления активности) содержательно со-

ответствуют таким компонентам жизнеспособности как способности саморазвития и осмысленности жизни.

Заключение

На развитие жизнеспособности подростков, обучающихся в кадетском корпусе, оказывают влияние несколько факторов. Факторы, несущие максимальные нагрузки, являются ведущими компонентами развития жизнеспособности в каждой группе респондентов. На первом этапе фактор «интеграция» обеспечивает развитие адаптивности, на втором этапе «познавательно-преобразующий» фактор способствует формированию открытости опыту, на третьем этапе фактор «целесолагания» способствует развитию жизнелюбия. Данные факторы обеспечивают разрешение уровневых противоречий развития самоотношения, личностного и профессионального самоопределения, саморазвития и проявления субъектной позиции при планировании и организации своего поведения и жизнедеятельности. Подростки начинают осознавать временную перспективу, раскрывается перспектива жизни, преобладает устремленность в будущее, они строят жизненный план. Появляется субъектная способность к исследованию собственной жизни и ее деятельности, ее процессов. Таким образом, форму жизнеспособности у подростков определяют смыслонизменные поиски и саморазвитие. Т.е. функции сознания подростка уже не просто отражают окружающий мир, появляется субъективная способность, которая раскрывает качество активности человека «выявляет его место и роль в мире, способность к деятельности, самодеятельности, самоопределению и развитию» [Абульханова К. А., 2009].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–43.
2. Абульханова К. А. Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода // Мир психологии. 2011. № 1. С. 22–32.
3. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и значение категории субъекта // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 4(38). С. 162–169.
4. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–26.
5. Лактионова А. И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: дис. канд. психол. наук: 19.00.13 / Лактионова Анна Игоревна. Москва, 2010. 164 с.
6. Махнач А. В. Психология стресса и совладающего поведения: материалы III междунар. науч. практ. конф. 2013 г.: Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова — т. 2. — с. 289–291.
7. Мазилов В. А., Рыльская Е. А. Психологическое исследование жизнеспособности человека в аспекте коммуникативной методологии // Ярославский педагогический вестник — 2016 — № 3. С. 192–199.
8. Нестерова А. А. Социально-психологическая концепция молодежи в ситуации потери работы: дис. д. психол. наук: 19.00.05 / Нестерова Альбина Александровна. Москва, 2011. 463 с.
9. Рыльская Е. А. Психология жизнеспособности человека: дис. д. психол. наук: 19.00.01 / Рыльская Елена Александровна. Ярославль, 214. 382 с.
10. Рыльская Е. А. Психология жизнеспособности человека: монография. Челябинск, 2009. 370 с.
11. Рыльская Е. А. Психологическая структура жизнеспособности человека: синергетический контекст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 72–83.
12. Рыльская Е. А. Воспитание жизнеспособности школьников // Педагогика. 2008. № 3. С. 23–28.

13. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.
14. Селезнева Н.Т., Рубленко Н. В., Тодышева Т. Ю. Жизнеспособность личности: монография. Красноярск, 2015. С. 45–50.
15. Шадриков В. Д. Способности человека / В. Д. Шадриков. — М., 1997. — 288 с.
16. Шамионов Р.М, Григорьева М. В. Психодинамические свойства как предикторы субъективного благополучия личности.— Психологический журнал, 2017, том 38 № 1, с. 41–51.
17. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
18. Шубникова Е. Г. Теоретические подходы к изучению структурных компонентов жизнеспособности личности как основы профилактики зависимого поведения // Гуманитарный журнал. 2013. В.1.Т.2.
19. Diener E., Oishi, Lucas R. E. Personality, cultum and subjective well-being: emotional and cognitive Evaluations of life//Annual review of psycholog. 2013. Vol.54.№ 1. P. 403–425.
20. Legate N. Is coming out always a «good thing»? Exploring the relations of autonomy support, outness and wellness for lesbian, gay, and bisexual individuals / N. Legate, R. Ryan & N. Weinstein // Social Psychological and Personality Science. — 2012. — V. 3. — P. 145–152.
21. Robertson D. Build your resilience / D. Robertson. — New York, 2012. — P. 12–67.
22. Golembiewski J. Start making sense: applying a salutogenic model to architectural design for psychiatric care / J. Golembiewski // Facilities. — 2010. — Vol. 28 (3). — P. 24–36.
23. Makhnach A.V Studying resilience of Russian adolescents / A. I. Laktionova, A.V Makhnach // XV IFTA World Family Therapy Congress. — 2006. — 4–7 Oct. — Reykjavik. — P. 88.
24. Escolas, S., Pitts, B., Safer, M., & Bartone, P. (2013). The protective value of hardiness on military posttraumatic stress symptoms. *Military Psychology*, 25, 116–123.
25. Yearwood, E. L., Pearson, G. S., & Newland, J. A. (Eds.). (2012). *Child and adolescent behavioral health: A resource for advanced practice psychiatric and primary care practitioners in nursing*. New York, NY: Wiley

© Андрущенко Ольга Николаевна (olga.andrush@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ АКЦЕНТУАЦИЙ

Арпентьева Мария Равильевна

*Д.псх.н., доцент, Калужский государственный
университет имени К. Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru*

THE FEATURES OF COMMUNICATION BETWEEN PEOPLE WITH DIFFERENT TYPES OF ACCENTUATIONS

M. Arpentieva

Summary. In recent years the process of integration of different areas of psychological knowledge, one of the leading roles in which played social psychology. Especially important is the attempt to integrate the socio-psychological context of human studies, for example, in the process of communicating with other people and approaches typical of traditional psychology of personality and individual differences. To this type of work is adjacent and this article is another attempt to integrate studies in two areas — the psychology of the individual, in particular, its section such as the theory of accentuation, and social psychology — on the example of analysis of features of communication.

Keywords: types of accentuation, features of communication, social psychology, conflict interaction.

Аннотация. В последние годы осуществляется процесс интеграции различных областей психологического знания, одну из ведущих ролей в которой играет социальная психология. Тем более значимой является попытка интеграции социально-психологического контекста изучения человека, например, в процессе его общения с другими людьми и подходов, типичных для традиционной психологии личности и индивидуальных различий. К этому же типу работ примыкает и данная статья — еще одна попытка интеграции исследований в двух проблемных областях — психологии личности, в частности, такого ее раздела как теория акцентуаций, и социальной психологии, — на примере анализа особенностей общения.

Ключевые слова: типы акцентуаций, особенности общения, социальная психология, конфликтное взаимодействие.

Проблема общения также находится в стадии активной разработки, нуждается не только в обобщении, но и в дальнейших исследованиях. На этом фоне проблема особенностей общения акцентуированных личностей оказывается еще менее разработанной. Поэтому в нашей работе особое внимание уделяется поведению людей, имеющих акцентуации. Особенно — изучению проявлений этих особенностей в конфликтных ситуациях, что объясняется тем, что конфликтное взаимодействие анализируется нами как одна из типических ситуаций проявления «уязвимости» акцентуированных субъектов, и, кроме того, часто приводит к заострению выраженных черт.

Наша работа посвящена изучению весьма интересной, но недостаточно разработанной проблемы — проблеме особенностей общения людей с разными типами акцентуаций. Она представляет собой попытку обратиться к сопоставительному анализу нескольких рядов понятий, в том числе — понятий «личность» и «характер», «мышление и общение», рассмотреть «акцентуацию» не только с точки зрения деструктивных аспектов ее возникновения и развития, но и с точки зрения того, какие функции акцентуация выполняет в общении личности, в различающихся по мере психологической стереотипности и конфликтности ситуаций.

Осуществленное исследование — попытка глубокого постижения функций акцентуации в функциониру-

вании и развитии личности, осмысления как внешних, поведенческих, так и внутренних, когнитивных и эмоциональных аспектов акцентуаций. Это предполагает необходимость не только глубже проанализировать проявления «неадекватности» и «неточности» своего поведения и общения, но увидеть сильные стороны, понять, какие именно способы общения и подходы к оценке происходящего в общении будут для людей с тем или иным типом акцентуаций и окружающих их людей более продуктивными.

В нашей работе общение людей с различными типами акцентуаций, в том числе их действия в конфликтных ситуациях, в существующих работах рассматриваются не только с точки зрения внешних (поведенческих) проявлений, а в единстве с внутренними (интеллектуальными, эмоциональными, волевыми, мотивационными) характеристиками, т.е. в контексте теории о «стилях». На уровне эмпирического анализа речь идет о попытке совместного анализа стиля общения (внешней коммуникации) и мышления (внутренней коммуникации). Для этого нами выбрана диагностико-коррекционная система стилей мышления и общения Алексеевой А. А., и Громова Л. А. (1993). В этой системе стили мышления трактуются как индивидуально-типологические особенности человека, проявляющиеся в общении, как способ, с помощью которого человек строит свои отношения с другими людьми в той или иной деятельности. Таким

образом, стиль внутренней коммуникации или общения проявляется и во внешней коммуникации: например — в лингвистических стратегиях акцентуированных субъектов. Особенности мышления субъекта неизбежно проявляются в особенностях его общения. Поэтому можно говорить о стилях общения характерных для приверженных к тому или иному стилю мышления людей, особенно — у акцентуированных личностей. Кроме того, разделяя представления традиционного подхода, рассматривающего акцентуации как болезненную уязвимость человека к внешним воздействиям, как форму, граничащую с психической патологией, нам бы хотелось показать, что акцентуации это еще и проявление индивидуальности, неповторимости в человеке.

Целью проведенного нами в данной статье исследования стало изучение особенностей общения людей с различными типами акцентуаций и разработку коррекционно-развивающих рекомендаций.

Методами данного исследования стали теоретический анализ имеющихся психологических исследований проблемы и пограничных областей, методы наблюдения и опроса, тестовые методики. В исследовании мы используем следующие методики.

1. Личностный опросник Р. Кэттела (16 PF), дающий разнообразную комплексную оценку степени развитости психологических свойств личности.

2. Опросник Мини-Мульт (сокращенный вариант Миннесотского многомерного личностного перечня MMPI), измеряющий свойства личности с различными типами психопатических проявлений.

3. Опросник К. Леонгарда — Г. Шмишека, служащий для определения акцентуаций характера и типа характера человека;

4. Опросник «Стили мышления», выявляющий систему интеллектуальных, интерактивных и лингвистических стратегий и отдельных операций, к которым личность предрасположена в силу своих индивидуальных особенностей (от системы ценностей и мотиваций до акцентуированных характерологических свойств);

5. Тест К. Томаса, предназначенный для описания поведения личности в конфликтной ситуации.

Группа респондентов состоит из 35 человек, женского пола — 23, мужского — 12. Со средним образованием — 2 человека, со средне-специальным образованием — 11 человек, с неоконченным высшим образованием — 7 человек, с высшим образованием — 15 человек. Возраст испытуемых от 21 до 35 лет. Средний возраст — 29 лет.

В течение года проводилось наблюдение: «свободное», по критериям, выработанным в ходе исследования, а также структурированное — по схеме, предложенной А. А. Алексеевым и Л. А. Громовой. Критерии, выбранные для наблюдения, были следующими: легкость установления контактов, коммуникативная активность человека в группе, интенсивность и инициативность в общении, технико-коммуникативное мастерство общения, поведение в конфликтных ситуациях, особенности служебного и семейного общения. Результаты были занесены в дневник наблюдения и использованы при составлении сводной таблицы для определения типа акцентуации каждого респондента

Анализ и интерпретация полученных данных позволили получить следующие результаты. Среди респондентов изученной выборки 14% имеют тенденции к психопатическим проявлениям, 49% — акцентуированные черты, 37% — относятся к так называемой «норме» и имеют вариативные черты характера и личности.

Такое распределение подтверждает наше предположение о том, что, примерно половина взрослого населения имеет акцентуированные черты и небольшую их часть составляют психопатии. У респондентов данных подгрупп также наблюдаются различные по интенсивности и характеру особенности стилей мышления и общения, а также особенности определяющиеся возрастом, уровнем образования, социально-психологическими условиями.

То, что средний возраст у респондентов имеющих акцентуации (29 лет) меньше, чем у респондентов без акцентуаций (31 год) может говорить о зависимости выраженности определенных черт характера и личности от возраста. Возможно, становясь старше, человек справляется с трудностями, связанными с акцентуациями и приходит к тому, что выраженность черт характера и личности уже не переходит за грань вариативности.

Процентные соотношения мужчин (33%) и женщин (78%), имеющих акцентуации с общим количеством мужчин и женщин в группе позволяют сделать предположение о том, что наличие акцентуаций больше характерно для женщин, чем для мужчин.

Процентное преобладание в группе респондентов, не имеющих акцентуаций, более высокого образования (69% по сравнению с 54% с высшим и неоконченным высшим образованием) может говорить о зависимости выраженности отдельных индивидуально-психологических свойств от уровня образования. Возможно, более высокое образование, также как и более разнообразный опыт, приходящий с возрастом, позволяет людям справ-

**Сравнительные данные
о частоте встречаемости стилей мышления**

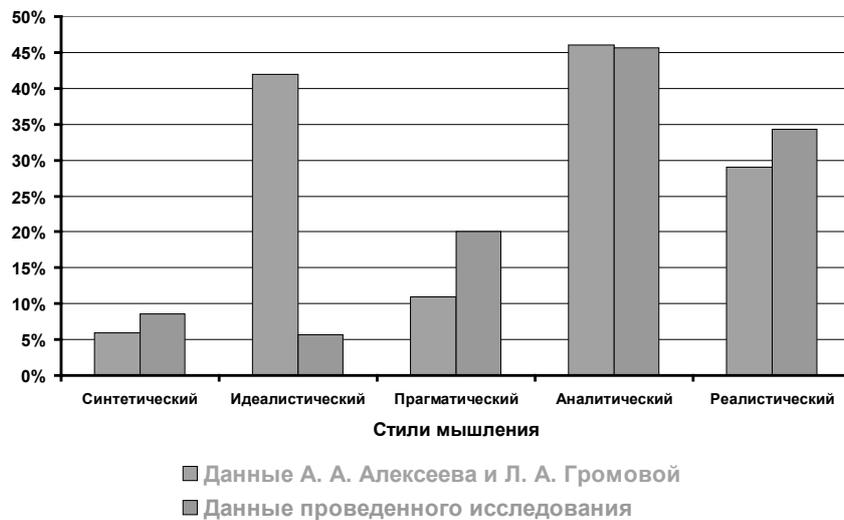

Рис. 1

**Распределение средних значений результатов
теста Р. Кэттелла**

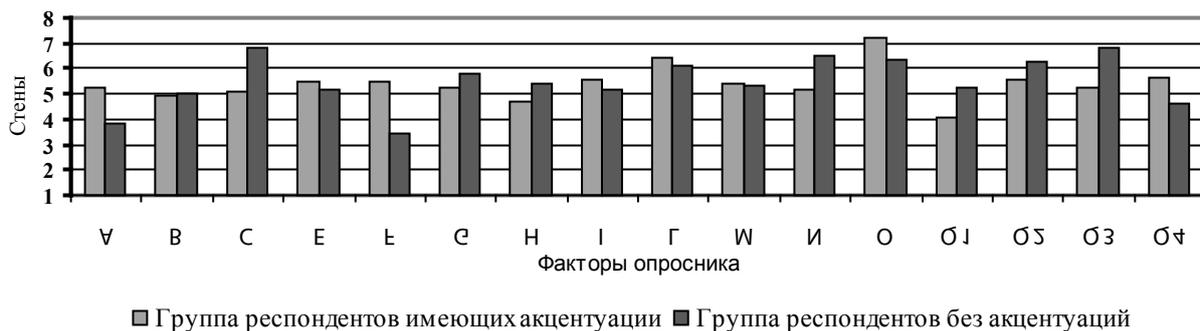

Рис. 2

ляться с чрезмерной выраженностью черт характера и личности. Уровнем образования можно объяснить и предпочтение — пренебрежение различными стилями общения. В исследованиях авторов опросника «Стили мышления» принимало участие «много преподавателей вузов (по меньшей мере, с кандидатской степенью)», среди респондентов нашего исследования законченное высшее образование имеют только 43%. Можно предположить, что использование идеалистического стиля характерно для людей с более высоким образованием, а прагматического — с более низким.

То, что большинство респондентов с неоконченным высшим образованием имеют акцентуации, а именно 6 человек из 7, (эмоциональность, тревожность) позволяет предположить, что эмоциональная и тревожная акцентуации являются помехой в успешном завершении

образования и наоборот, незаконченное образование и связанные с этим трудности и неудовлетворенность провоцируют проявление заостренных черт характера.

Различия в результатах авторов опросника «Стили мышления» и данного исследования, возможно, объясняются и социально-историческими условиями. За десять лет, прошедших со времени публикации данных А. А. Алексева и Л. А. Громовой наше общество, а вслед за ним и мышление людей, изменилось, и более приемлемым оказался прагматический стиль мышления, идеалистический же стиль, на наш взгляд, не заслуженно мало стал использоваться в общении и мыслительных стратегиях людей.

Анализ различий между результатами групп респондентов с акцентуациями и без акцентуаций по-

**Сравнительные данные
по профилям опросника "Стили мышления"**

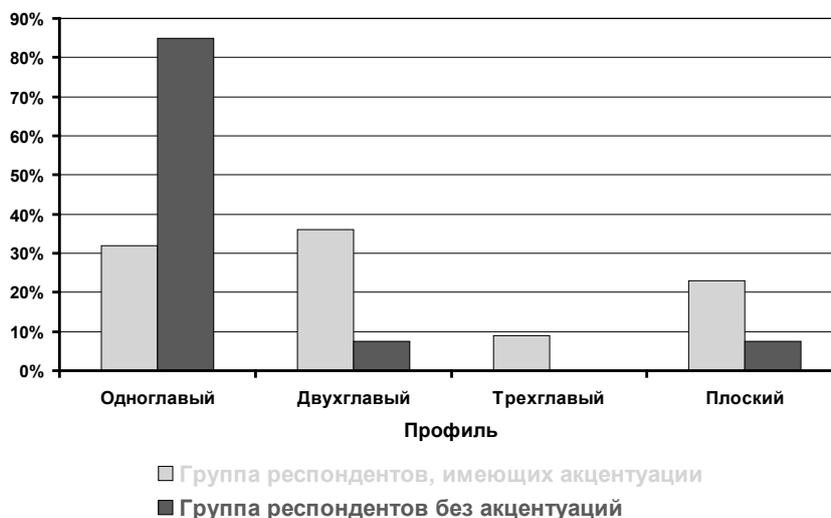

Рис. 3

**Сравнительные данные
о частоте встречаемости стилей мышления**

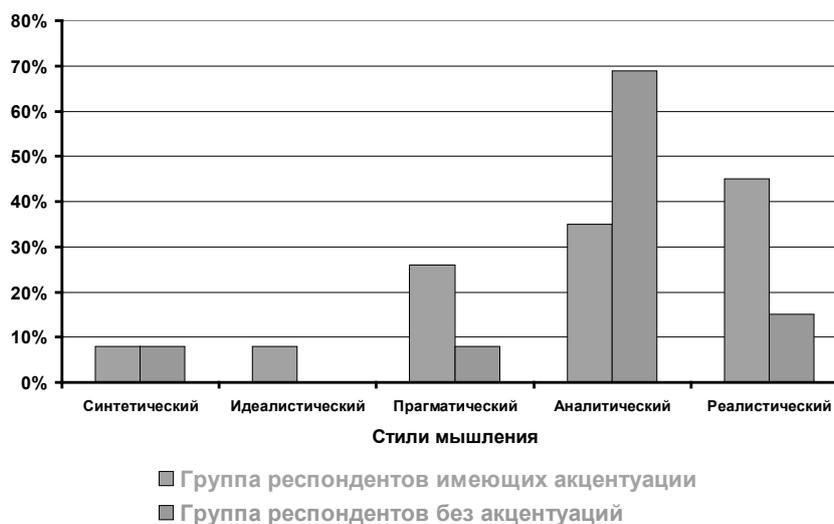

Рис. 4

зволил выявить следующее. В группе респондентов имеющих акцентуации по сравнению с группой респондентов без акцентуаций более выражены такие черты, как тревожность, за счет демонстративного и тревожного типов, ($O = 7,1: 6,3$); консервативность ($Q1 = 4,0: 5,2$); общительность, за счет эмоционального и демонстративного типов, ($A - 5,2: 3,8$); напряженность ($Q4 = 5,6: 4,6$); менее выражены такие черты, как эмоциональная устойчивость ($C - 5,0: 6,8$); сдержанность ($F = 5,5: 3,4$); дипломатичность ($N = 5,1: 6,5$); самоконтроль ($Q3 = 5,2: 6,8$).

Сравнивая данные в группах респондентов с акцентуациями и без акцентуаций по профилям опросника «Стили мышления» можно отметить следующее. У респондентов, имеющих акцентуации по сравнению с респондентами без акцентуаций в 2,5 раза меньше имеющих «одноглавый» профиль по стилям мышления и общения, в 4,5 раза больше имеющих «двухглавый» профиль, «трехглавый» же профиль имеют только лица с акцентуациями. По мнению авторов методики, наличие «двухглавого» профиля характеризуется большей разносторонностью их обладателей, по сравнению

**Распределение средних значений
опросника "Стили мышления"**

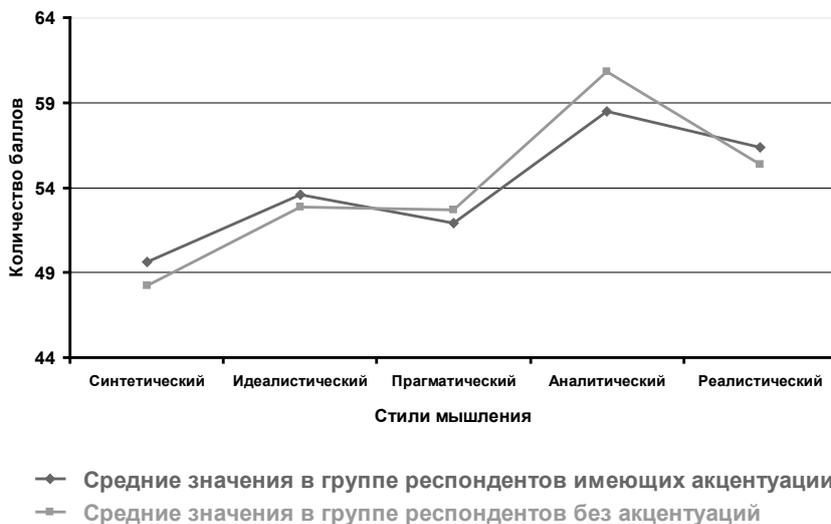

Рис. 5

**Средние значения результатов
по тесту К. Томаса**

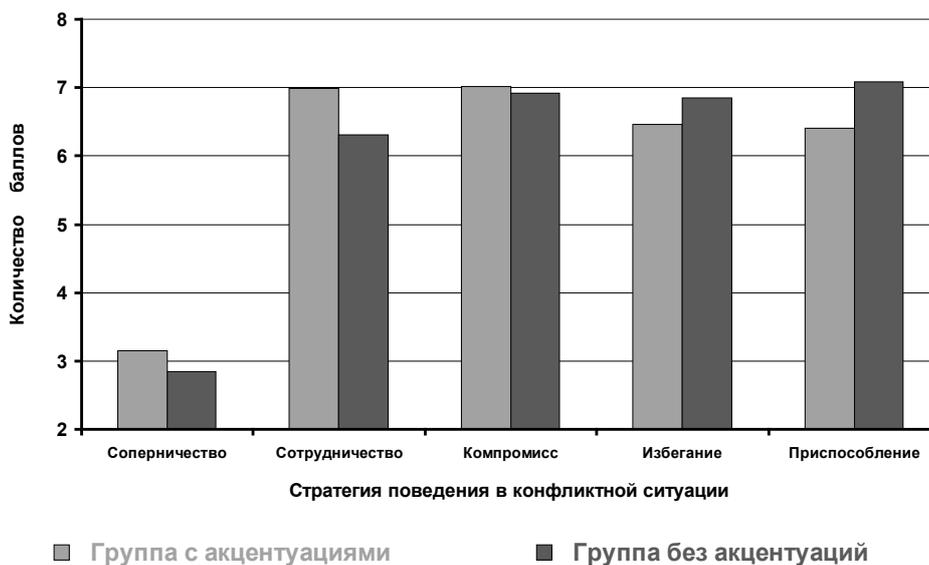

Рис. 6

с имеющими «одноглавый» профиль. Интеллектуальный стратегический арсенал «трехглавых» еще шире, чем у представителей «чистых» стилей и «двуглавых». Иными словами, имеющие «двуглавые» и «трехглавые» профили при прочих равных условиях оказываются более разнообразными в своих подходах, гибкими, как в понимании, так и в реагировании на поведение других людей и происходящие события. Такой характер распределения профилей в данной группе еще раз подтверждает предпо-

ложение о том, что при благоприятных обстоятельствах человек с акцентуацией может добиться даже более серьезных успехов, чем другие.

Однако в группе респондентов с акцентуациями количество лиц, имеющих «плоский» профиль в три раза больше, чем в группе без акцентуаций. Как считают авторы опросника наличие «плоского» профиля по стилям мышления и общения говорит о том, что человек,

прибегает к тому или иному набору стратегий либо под давлением обстоятельств, либо более или менее случайно, не осознавая и не обосновывая свой выбор. Поэтому конкурировать в различных ситуациях с представителями «чистых», «двуглавых» и «трехглавых» профилей данным лицам бывает достаточно трудно. Таким образом, полученное соотношение подтверждает предположение о повышенной уязвимости к определенному роду воздействиям у людей, имеющих акцентуации.

Примерно такая же картина возникает при рассмотрении сравнительных данных о частоте встречаемости стилей мышления и общения. Группа респондентов, имеющих акцентуации, отдавая предпочтение реалистичному стилю, довольно часто использует и другие стили мышления и общения. В группе респондентов без акцентуаций заметно довлеющее предпочтение аналитического стиля мышления и общения.

Средние значения баллов по стилям мышления и общения в группе респондентов с акцентуациями не выходят из зоны неопределенности (от 49 до 59 баллов), т.е. невозможно говорить, что люди с данными типами акцентуаций предпочитают какой-либо из стилей мышления и общения. В основном это происходит за счет лиц с эмоциональной акцентуацией. Это может объясняться тем, что люди с эмоциональной акцентуацией имеют более низкий уровень рефлексии, по сравнению с респондентами без акцентуации. Им трудно задумываться над тем, как происходит их процесс мышления. Возможно, есть определенная связь с выраженностью такой характерной для них черты, как экстраверсия. В группе респондентов, не имеющих акцентуаций, среднее значение по аналитическому стилю мышления входит в зону предпочтения (от 60 до 65 баллов), а среднее значение по синтетическому стилю входит в зону пренебрежения (от 43 до 48 баллов). Что позволяет сделать предположение о распространенности среди людей, не имеющих акцентуаций, аналитического стиля мышления.

По результатам теста К. Томаса в группе с акцентуациями несколько выше количество выбравших такое в большинстве случаев деструктивное поведение в конфликтной ситуации как соперничество, чем в группе респондентов, акцентуаций не имеющих. Но настолько же выше и количество людей, выбравших более конструктивное поведение — стратегию сотрудничества, преобладающую в этой группе. В целом по группе респондентов имеющих акцентуации несколько выше направленность на свои интересы в конфликте, тогда как в группе без акцентуаций — на интересы партнера.

Таким образом, выявленные особенности общения людей с различными типами акцентуаций, а именно использование людьми с акцентуациями как наиболее

конструктивных, так и наиболее деструктивных моделей поведения в конфликтных ситуациях, использование ими как наиболее, так и наименее продуктивных комбинаций стилей мышления и общения, при благоприятных обстоятельствах позволяют человеку с акцентуацией добиться больших успехов, чем человеку, не имеющему акцентуаций. Однако, при постоянном воздействии на места «наименьшего сопротивления» он становится повышено уязвимым.

Больше половины респондентов с акцентуациями имеют несколько акцентуированных черт. Среди респондентов имеющих несколько акцентуированных черт часты сильные предпочтения стилей мышления, что может говорить об акцентуированности нескольких индивидуально-психологических свойств. Возможно, существует определенная связь между разными типами акцентуаций и перспективой данного исследования будет изучение корреляционных связей между шкалами опросников.

Предварительно, по данным проведенного анализа, осуществленного нами, можно заключить, что гипотеза исследования о существовании взаимосвязи особенностей общения и определенных акцентуаций во многом подтверждается. Целый ряд акцентуаций связан с реализацией тех или иных особенностей общения. Проведенное исследование позволило составить описания особенностей общения людей с эмоциональным, демонстративным и тревожным типами акцентуаций, а также наметить основу для описания особенностей общения людей с экзальтированным, возбудимым, циклотимным типами акцентуаций.

Например, анализ результатов по группе респондентов с эмоциональной акцентуацией позволил выделить две подгруппы. Респонденты первой подгруппы — это люди, которые отдают предпочтение прагматическому и реалистическому стилям общения. Это уверенные в своих силах и возможностях люди, иногда даже излишне самоуверенные. Они быстро принимают решения, однако могут братья и за непосильные для них дела. Довольно часто они добиваются своих интересов в ущерб другим людям, бывают нечувствительны к неодобрению группы и тем самым могут вызывать к себе антипатию и провоцировать конфликтные ситуации. Они активны в общении, легко вступают в контакт, жизнерадостны, не лишены лидерских качеств. Для них характерны богатство и яркость эмоциональных проявлений в общении, отзывчивость, непринужденность. Обычно они спокойны, расслаблены, открыты, откровенны и прямолинейны. Акцентуацию, характерную для этой подгруппы можно отнести к скрытому типу. Скорее всего, их эмоциональность объясняется большим диапазоном эмоциональных состояний, особенно в кри-

тических ситуациях, способностью остро реагировать на угрозу, радостные и печальные события, легко загораются общими для группы увлечениями. Безусловно, требуется увеличение выборки; дальнейшие исследования должны быть направлены на изучения характера эмоциональности этих людей, слабых и сильных сторон их личности.

Респонденты второй подгруппы — это люди, которые не отдают предпочтения ни одному из стилей мышления. Они прибегают к тому или иному набору стратегий либо под давлением обстоятельств, либо случайно, не осознавая и не обосновывая свой «выбор». Возможно, они одинаково хорошо владеют стратегиями всех стилей мышления, хотя встречается это довольно редко. В конфликты вступают редко, играют в них пассивную роль, чаще выбирают компромиссное решение споров. Это приятные в общении, добрые и мягкосердечные люди, которые легко ладят с окружающими. Однако они импульсивны, подвержены чувствам, бывают подавлены чем-то, тревожны, могут недооценивать свои возможности. Данные по этой подгруппе позволили сделать следующие предположения возможно, данные по этой подгруппе говорят о так называемом эмоциональном типе общения, характерном для людей с эмоциональным типом акцентуации; возможно, что эти респонденты не отдают предпочтения ни одному из стилей мышления, объясняется их низким интеллектуальным уровнем, хотя это не подтверждается при рассмотрении их результатов по шкале интеллекта опросника Р. Кэттелла; возможно члены данной подгруппы имеют низкий уровень рефлексии, им трудно задумываться над тем, как происходит их процесс мышления. Дальнейшие исследования требуют увеличения выборки, применения методик для определения и соотношения таких параметров как предпочитаемый тип общения (познавательного и эмоционального), экстравертированность — интровертированность, уровнем рефлексии и эмпатии и т.д.

Данные по группе с демонстративным типом акцентуации говорят о том, что их поведение в конфликтных ситуациях довольно продуктивно и направленно как на свои интересы, так и на интересы соперника. Они очень редко уходят от конфликта, предпочитая более конструктивное поведение. С одной стороны эти люди обладают хорошо развитыми навыками общения, практически всегда готовы к сотрудничеству, естественны. С другой стороны, они проявили такие качества как настороженность, раздражительность, мнительность, подозрительность, осторожность. Склонны к самопрекам, недооценивают свои возможности. Возможно, их демонстративность — прикрытие неуверенности в себе, потребности во внимании похвале, склонности недооценивать свои возможности

Респонденты с возбудимым типом акцентуации предпочитают реалистический и игнорируют синтетический стили мышления. Их нежелание ни приспособливаться, ни тем более доминировать в конфликтной ситуации приводит к наиболее частому использованию ухода от конфликта. Хотя они и не испытывают трудностей в общении, активно вступают в контакты. В отношениях с людьми настойчивы, раздражительны, не терпят конкуренции. Они самостоятельны и независимы, в своих действиях и поступках не считаются с общественным мнением, могут быть мнительными, подозрительными, осторожными. Для них вероятна склонность к невротическим расстройствам, подверженность чувствам, эмоциональная нестабильность. Они бывают озабочены, тревожны, подавлены, могут тяготиться дурными предчувствиями, склонны все усложнять, не любят перемен.

Респонденты с циклотимным типом акцентуации предпочитают аналитический стиль мышления и общения. Это может объясняться их способностью компенсировать трудности связанные с акцентуацией, достаточно хорошо владеть сильными сторонами своего характера и личности для того, чтобы использовать стиль мышления больше характерный для людей акцентуаций не имеющих. Возможно, их акцентуации выражены не настолько сильно, чтобы были заметны отличия в стилях мышления и общения от стилей людей акцентуаций не имеющих. В контактах эти люди формальны, замкнуты, не интересуются жизнью окружающих. Им трудно контролировать эмоции и импульсивные влечения. Они подвержены чувствам, не постоянны, беспокойны, неусидчивы. Их эмоциональная неустойчивость характеризуется частыми сменами настроения, раздражительностью, неусидчивостью. Они не уверены в своих силах, сдержанны в выражении чувств, хотя и имеют сверхчувствительную нервную систему. Они избегают больших компаний, держатся обособленно, осторожны и подозрительны. Они ориентированы на собственные желания, не любят перемен, консервативны.

В группе с циклотимным типом акцентуации особенно выражен отказ от такого поведения, как соперничество и предпочтение приспособления. Довольно часто в этой группе используются и избегание, и компромисс, т.е. таким людям свойственно вести себя и в конфликтных ситуациях по-разному, в зависимости от преобладающих либо гипертимичных, либо дистимичных черт.

По результатам эмпирического и теоретического исследования была разработана программа коррекционной работы с людьми, имеющими различные типы акцентуаций.

Описывая упражнения для развития ряда важнейших стратегий и навыков пяти стилей мышления, А. А. Алек-

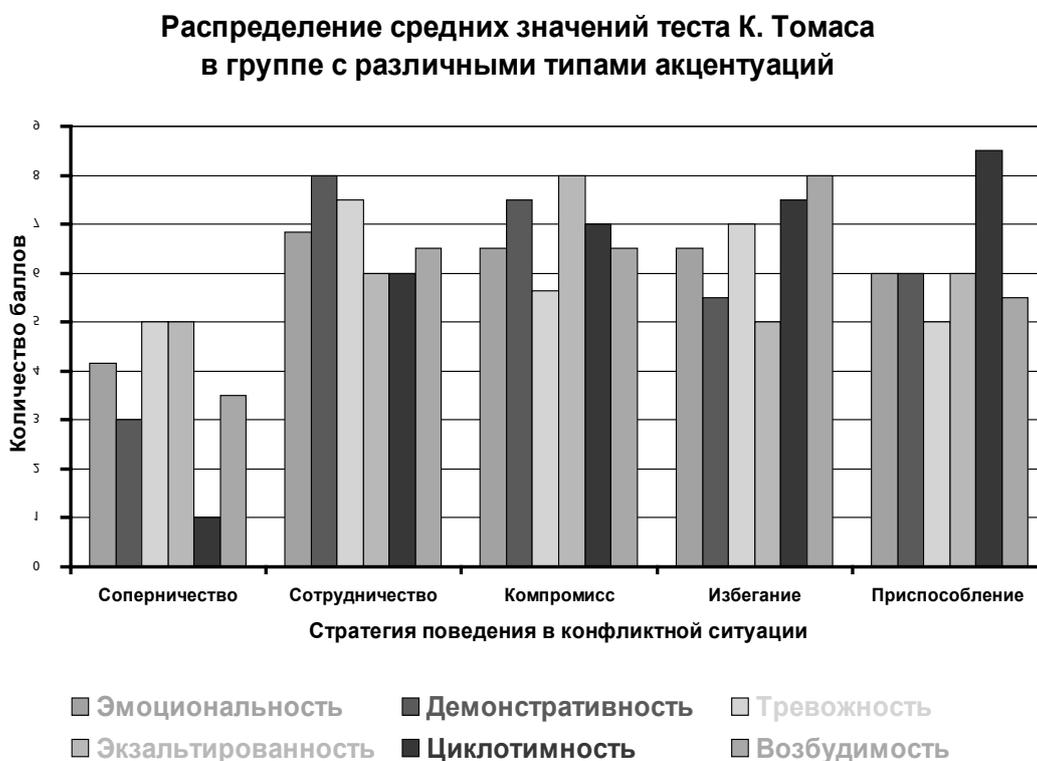
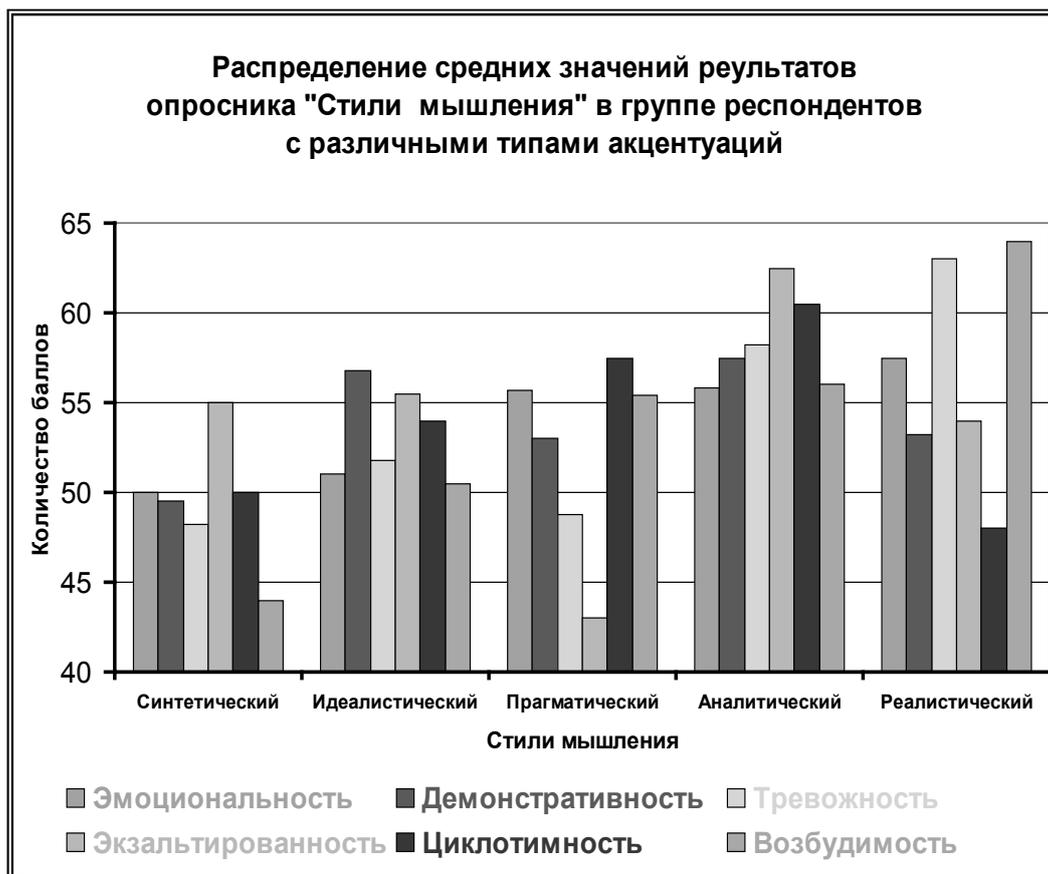

Рис. 7

сеев и Л. А. Громова предназначают их, прежде всего индивидуальному освоению. Они должны быть включены в обыденное поведение и повседневную деятельность. И это выгодно тем, что человеку для освоения этих упражнений не придется «сидеть за партой». Но понимая, как трудно порой отвлечься от дел и заняться самосовершенствованием без какой-либо поддержки со стороны, в одиночку, как трудно выделить время и не забывать применять упражнения регулярно, мы, используя наработки авторов, несколько перестроили упражнения для того, чтобы включить их в единую программу тренинга общения.

Поскольку наше исследование является пилотажным, выбранная тема требует дальнейшего изучения в направлении увеличения выборки, более тщательного подбора и разработки авторских методик. Данные, полученные с помощью довольно большого комплекса многофакторных методик, нуждаются в более подроб-

ном анализе взаимосвязей в системе акцентуация — стиль мышления — стиль общения, и выявление более четкой картины слабых и сильных сторон характера и личности людей с различными типами акцентуаций, а также их возможностей и ограничений в организации продуктивного общения. Перспективой нашего исследования будет и более подробный анализ взаимосвязей социально-исторических условий — распространенности стилей мышления и общения — распространенности и выраженности характерных для них черт характера и личности человека, а также более тщательное изучение связей уровня образования с определенными стилями мышления и общения и степенью акцентуированности черт характера и личности их обладателей. Среди респондентов нашего исследования есть десять супружеских пар, и было бы интересно продолжить исследование, подробней изучив особенности внутрисемейного общения людей с различными типами акцентуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.А., Громова Л. А. Поймите меня правильно. — С.-Пб.: Эконом. шк., 1993. — 352с.
2. Леонгард К. Акцентуированная личность. — Киев: Выща школа, 1989. — 357с.
3. Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту: Изд-во Тартусского университета, 1974. — 218с.
4. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. — М.: МГУ, 1990. — 160с.
5. Практическая психодиагностика и психологическое консультирование / Под. ред. Т. Ю. Синченко, В. Г. Ромек. — Ростов-на-Дону: Южно-Российский гуманитарный университет, 1998. — 1998. — 280с.
6. Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности: теория и практика психодиагностики. Автореферат диссертации в форме монографии представленной на соиск. уч. степ. докт. психол. наук- М.: МГУ, 1999. — 43с.
7. Психологические трудности общения: диагностика и коррекция. Ростов-на-Дону, 1990. — 206 с.

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

VICTIMIZATION BEHAVIOR: RESEARCH PERSPECTIVES AND PRACTICAL RESULTS

M. Arpentieva

Summary. Victimization behavior in the present, explicitly or implicitly, but is often socially approved. «Little man» is required to be submissive and obedient, to sacrifice themselves in the interests of society and a stronger, personal and socially Mature, more high status «master».

Such situations occur in everyday life (at the level of family relations), but also in a professional field (work). Therefore, the issues victimage of behavior in modern society are quite popular and require further study

Keywords: victimization, sacrifice, obedience, violence, stress.

Арпентьева Мария Равильевна

Д.псх.н., доцент, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru

Аннотация. Виктимное поведение в настоящее время явно или неявно, но является достаточно часто социально одобряемым. «Маленькому человеку» предписывается быть покорным и послушным, жертвовать собой в интересах общества и более сильного, лично и социально зрелого, более высокостатусного «господина».

Подобные ситуации имеют место быть как в быту (на уровне семейных отношений), а также и на профессиональном поприще (работе). Поэтому вопросы виктимного поведения в современном обществе достаточно востребованы и требуют дальнейшего изучения

Ключевые слова: виктимное поведение, жертва, послушание, покорность, насилие, стрессовая реакция.

В настоящее время выделяют четыре основные формы насилия или жестокого обращения (Бекоева Д.Д., 1997, Меньшикова Е.С., 1993, Florence W., 1990, Kerrie J., MacKinnon L., 1990, Trepper T. S., Barrett M. J., 1986).

Под физическим насилием понимается преднамеренное нанесение физических повреждений человеку или ребенку окружающими, родителями, или лицами ответственными за воспитание ребенка. Эти повреждения могут привести к смерти, вызвать серьезные (требующие медицинской помощи нарушения физического, психического здоровья и отставание в развитии).

Физическое насилие распознается по особенностям внешнего вида и характеру травм: на теле или на голове: синяки, ссадины, раны, следы от прижигания предметами, горячими жидкостями, сигаретами или от ударов ремнем: повреждения внутренних органов или костей травматического характера.

Сексуальное насилие или развращение связано с вовлечением ребенка, человека с его согласия или без такового, осознаваемое или неосознаваемое им в силу функциональной незрелости или других причин в сексуальные действия с целью получения последними удовлетворения или выгоды.

Растлением признается не только собственно половой акт, но и широкий спектр других сексуальных действий. К ним юристы относят:

1. мануальный, оральный, генитальный или любой другой контакт с половыми органами ребенка, а также ласки эротических зон;
2. сексуальную эксплуатацию для порнографических целей или вовлечение в проституцию;
3. несоответствующие возрасту домогательства, демонстрация эротических материалов с целью стимуляции;
4. обоюдная и односторонняя мастурбация;
5. эксгибиционизм — демонстрация обнаженных гениталий, груди или ягодиц перед другим человеком;
6. вуаеризм — подглядывание в момент купания, переодевания или пребывания в туалете, а также принуждение к раздеванию.

Под психическим (эмоциональным) насилием понимается периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие на другого человека к формированию у него патологических черт характера или тормозящее развитие личности.

К психическому насилию относятся:

1. открытое неприятие и постоянная критика,
2. оскорбление и унижение его достоинства.
3. угрозы в адрес другого человека, проявляющиеся в словесной форме без физического насилия.
4. преднамеренная физическая и социальная изоляция другого человека,
5. предъявление к нему чрезмерных требований не соответствующих возрасту или его возможностям,

6. ложь и невыполнение взрослыми обещаний.
7. однократное грубое психическое воздействие, вызвавшее у другого человека психическую травму.

Моральная жестокость или пренебрежение нуждами другого человека, например, ребенка обусловлена отсутствием со стороны родителей или лиц, их заменяющих элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушаются его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью и развитию.

Это может быть связано с непредумышленным недостатком заботы о ребенке следствием болезни, бедности, неопытности родителей или их невежества, следствием стихийных бедствий или межнациональных конфликтов. У детей отсутствует адекватная возрасту и потребностям ребенка питание, одежда, жилье, образование, медицинская помощь, включая отказ от его лечения.

Для описания посттравматической стрессовой реакции, возникающей в результате многих насильственных контактов в разное время использовались понятия «невроз несчастного случая», «компенсаторная истерия», «травматическая неврастения» и т.д. Насилие часто вызывает задержку физического и умственного развития, невротические реакции, различные соматические заболевания (ожирение, резкая потеря массы тела, язва желудка, кожные заболевания, аллергическая патология), поведение характеризуется беспокойством, тревожностью, типичны нарушения сна, длительно сохраняющееся подавленное состояние, агрессивность, склонность к уединению, чрезмерная уступчивость, заискивающее, угодливое поведение, угрозы или попытки к самоубийству, неумение общаться, налаживать отношения с другими людьми, низкая самооценка, нарушение аппетита и др.

При этом в ситуации интимных, межличностных отношений превозносится и идеализируется жертвенное поведение женщин. В ситуации делового взаимодействия — умение подчиняться (не рассуждая, сразу) приказам у мужчин.

Существует и другая тенденция. Так, обычно в межличностных отношениях в роли преследователя чаще всего выступает женщина, стремящаяся к максимально-му сокращению межличностной дистанции, максимальной степени близости.

В сфере сексуальных отношений до последнего времени преследователем обычно был мужчина. Но сейчас положение существенно изменилось. В России мужчине интересуют не столько секс, сколько необходимость найти более или менее достойно оплачиваемую работу, наесться самому и прокормить семью, не потеряв при этом со своего места. В результате нарастающих процес-

сов женской эмансипации мужчине становится все труднее убедить себя в собственной силе, мужественности и компетентности. Неудачи самореализации в сфере социальных отношений превращаются в неудачи межличностных и интимных отношений. В отличие от женщин, изначально живущих под гнетом многочисленных «ты должна», способность мужчины: существа, считающего себя свободным, — выдерживать социальное давление крайне низка.

Однако опыт пребывания в позиции «жертвы» может быть и конструктивным: делает человека готовым противостоять неприятностям и сложностям судьбы. «Отличников», людей, не знавших в жизни ни одного поражения, ни одной болезни, жизнь часто ломает быстрее и наверняка.

Таким образом, становится очевидным, что многие из обыденных мифов о насилии и жертвах в частности, касаются взаимоотношений мужчин и женщин.

Описывая психологию женщины и ее взаимоотношения с мужчиной, известный отечественный психотерапевт и ученый, А.С. Спиваковская (1999) фиксирует внимание на двух взаимосвязанных понятиях: базальное материнское внушение и психология мести.

Важной проблемой, в которой, во многом, как в зеркале отражаются все проблемы психологии насилия вообще, является проблема жестокого обращения с детьми. Психологи, например, Бекоева Д.Д. (1997), Ташева А.И. и Зеленская С.Ю. (1996) отмечают, что «жестокое обращение с детьми превратилось в обычное явление, к которому привыкли и с которым многие примирились».

- ◆ Как правило, причины жестокого обращения с детьми связываются с традициями патриархального воспитания, и рекомендациями «сечь чадо, пока оно лежит поперек лавки, потому что, когда оно будет лежать вдоль лавки, уже будет поздно», и закрепленными стереотипами воспитания, когда метод внушения заменяется методом порки.
- ◆ Вторая причина — связана с культивируемым в течение последних лет культом жестокости и роста взаимной жестокости, и вкладом в этот процесс средств массовой информации.
- ◆ Третья, причина — это низкий уровень общей, правовой и педагогической культуры общества, и распространение стереотипов в общественном мнении согласно которым вопреки Конвенции о правах ребенка, ребенок является объектом воздействия, а не субъектом взаимодействия. Наконец, не многие семьи, имеющие детей, считают что ребенок имеет честь и достоинство, которые следует уважать.

- ◆ Нельзя не назвать и такую социально-педагогическую причину, как бессилие в достижении позитивных воспитательных целей. Многие ученые связывают его с многократным умножением в среде населения лиц со сниженными умственными способностями.
- ◆ Мотивация жестокого обращения с детьми часто связывается с мотивацией изменить поведение детей, чего бы это ни стоило. Порой ребенку мстят за то, что он родился, что о нем приходится заботиться, что он приносит только огорчения, что он чего-то просит или требует.
- ◆ Среди мотивов жестокого обращения с детьми выделяется также мотив, связанный с разрядкой на более слабых членах семьи от бытового стресса, вызванного внешней ситуацией — в магазине, транспорте, на производстве, каскадом жестоких фильмов в СМИ.
- ◆ Наряду с этими мотивами в последнее время усиливается мотив жестокости как самоцели. Садистское избиение происходит ради избиения, человек получает удовольствие от самого факта издевательства над ближним.

Аналогичным образом может быть описаны и насильственные отношения в паре «начальник-подчиненный». В деловых отношениях мы также встречаемся с насилием. В данном случае обычной жертвой выступает подчиненный, преследователем — его начальник. В отличие от пары «женщина-мужчина» отношение к членам пары «начальник-подчиненный» более неоднозначно. Подчиненный, по сравнению с женщиной, обладает и некоторыми позитивными характеристиками. Однако и его можно «скорее пожалеть», чем уважать». Особенно неоднозначной становится ситуация в отношении замов — «вечно вторых» заместителей своих директоров: чего не хватает заму, чтобы стать «главным»?

Для этих отношений «начальник-подчиненный», в противоположность двум предыдущим парам: «женщина-мужчина» и «ребенок-взрослый», — актуальной является не столько проблема провоцирования агрессии, сколько умение подчиненных управлять своим шефом. Часто обсуждаемой темой разговоров и всем известным секретом является умение жертвы (женщины, подчиненного) «вертеть» преследователем. Наиболее известными тактиками здесь являются «казанская сирота» и «неумеха». Эти тактики эксплуатируют потребность преследователя в контроле над ситуацией. Если жертва выглядит совсем уж обескровленной и обессиленной, лишенной каких-бы то ни было способностей, преследователь вынужден взять выполнение части ее обязанностей на себя. Эти тактики могут использоваться «жертвой» как сознательно, так и бессознательно.

В случае сознательного использования «жертвой» этих способов управления «преследователем» мы имеем дело с тем, что психологи часто истолковывают как свидетельство обратимости отношений «хозяин-раб». В обыденном сознании мы встречаемся с идеей провокации, «введения в искушения» и т.д. При этом «слабая женщина» по мере развития отношений превращается в «ведьму», которую мужчина боится, хочет покорить и уничтожить. Однако, как бы он этого не хотел, — заранее обречен на провал.

Самым ярким феноменом виктимного поведения в этом случае является известный феномен «еврейская мать». Еврейская мать живет, по ее словам, чтобы Вам было хорошо. Когда вы собираетесь к друзьям, у нее в очередной раз наступает приступ одной из ее многочисленных болезней. Но, конечно же, — говорит она, Вы должны пойти к друзьям. Вам вовсе не нужно сидеть с нею. Она обойдется без вас (в этот момент ее лицо искажает страшная гримаса боли). В итоге все может кончиться и вовсе забавно: ваша мать переживет вас на несколько десятков лет.

В случае неосознанного использования способов управления преследователем, мы часто встречаемся с тем, что виктимное поведение человека не исчерпывается ситуативной ролью, иногда человек играет «жертву обстоятельств» практически всю жизнь. Его вербальное и невербальное поведение служит одному: трансляции собственной неспособности и нежелания отвечать за свою собственную судьбу, предчувствие неуспеха и неудачи. Приходя на собеседование человек, имеющий жизненный сценарий жертвы, часто ведет себя излишне заискивающе, транслирует обреченность.

Таким образом, виктимное поведение иногда является агрессивным: направленным на подавление и контроль за поведением и переживаниями других людей. Иногда — уатоагрессивным: направленным на разрушение человеком самого себя.

Агрессивное и аутоагрессивное (поведение человека связано с целым комплексом коммуникативных и познавательных установок:

- 1) особым способом восприятия межличностных отношений и ситуаций (как угрожающих и враждебных),
- 2) определенным (низким) уровнем коммуникативной компетентности, такого ее значимого компонента как эмпатия.

Поведение жертвы, саморазрушительный характер ее поведения, часто субъективно соотносится ею с тенденцией почти противоположной — стремлением к жизни. Известной иллюстрацией этого феномена

служит психоанализ. «Эдипов комплекс», «комплекс Электры» и т. п. заставляют субъекта искать и выбирать себе в друзья, знакомые, супруги и сослуживцы лиц, похожих на их тиранов-отцов или тиранов-матерей.

Извращенное стремление к защищенности заставляет человека-жертву выбирать себе в «защитников» тиранов. Их поведение для жертвы никогда не будет неожиданным, и потому — пугающим. Испугать жертву может любовь, нежность, доброта.

Эта научная версия проблемы виктимного поведения вполне согласуется с той, что бытует в обыденных представлениях социальных субъектов (Васильев В.Л., 1991, Криминалистика, 1993 и др.)

Другая версия — практически мало разработанная — направлена на разработку сценариев эффективной помощи жертвам насилия, ознакомление жертвы с простейшими приемами профилактики и защиты от нападения.

В современной России преуспевающему руководителю часто рекомендуют иметь телохранителя. Однако те, кто их завел, сталкиваются с целым рядом проблем, основной причиной которых становится значительное ограничение своей личной свободы, возможности попытаться одному и, часто, самостоятельно выбрать маршруты и время своего передвижения.

Другой проблемой является попытка ряда «хозяев» превратить телохранителя (спасителя) в слугу (жертву): «для экономии» или по ряду других причин заставить телохранителя выполнять выходящие за рамки его профессиональной деятельности и подчас унижающие профессиональное достоинство приказы или «просьбы». Насколько деструктивна такая тактика — вполне очевидно: когда-нибудь от этого человека будет зависеть ваша жизнь, захочет ли он ее действительно защитить?

Д. Финкельхор и А. Браун (по Кравцова О.А., 1999, Ташева А.Н., 1996) предлагают модель травмы, которую получает жертва в результате насильственного контакта с преследователем. Эта модель, созданная на основе анализа многочисленных опросов, интервью и обследований жертв сексуального злоупотребления, с успехом может быть распространена и на обыденные повседневные профессиональные и межличностные отношения.

Итак, предлагаемая ими модель травмы содержит четыре компонента: травматическая сексуализация (дисфункция), предательство, бессилие и клеймо бесчестия.

1. Травматическая дисфункция предполагает нарушение естественного хода личностного развития человека

в той области, которую в наибольшей степени затронул факт насилия. Возникает неадекватное поведение, развивается склонность манипулировать окружающими, направленная на получение привилегий и даров.

2. Предательство — чувство возникает не только по отношению к насильнику, но и по отношению к близким людям, другим участникам ситуации насилия («наблюдателям») которые не смогли или не захотели защитить человека от насилия. Возрастает или уменьшается степень потребности в доверительных отношениях, часто исчезает способность доверять людям.

Рождаются:

- а) гнев, агрессия, стремление отомстить или защититься от возможных ситуаций насилия в будущем, или
- б) возникает депрессивное состояние, стремление к самоизоляции, избегание близких отношений. Либо потребность в доверительных отношениях несколько увеличивается.

3. Чувство бессилия — результат вторжения в личное пространство, внутренний мир или тело человека помимо их воли, без разрешения. Бессилие порождает страх и тревогу разного уровня глубины, либо, напротив, вызывает желание контролировать и доминировать в общении с другими людьми. О последнем случае часто говорят как об одном из основных источников возникновения преследователей-маньяков.

4. Ощущение клейма передается жертве насильником, внутренне переживая как чувство самоуничтожения, вины, стыда. Этим переживаниям способствует атмосфера секретности, на которой настаивает злоупотребитель, а также изначальное знание о запретности самой темы социального или сексуального насилия в общественном сознании. Самоощущение «испорченным товаром» подпитывается ошибочным представлением об уникальности изнасилования как социального события: его «ненормальности», исключительности.

Другой исследователь, Р. Янофф-Булман (Janoff-Bulman R, 1989), изучая изменение содержания мира убеждений человека после травматического события заключила, что наиболее часто возникающее у переживших экстремальный негативный опыт чувство — это уязвимость, незащищенность. Чувство незащищенности уменьшает веру человека в благосклонность и дружелюбность мира, окружающих людей. Ставится под удар представление об осмысленности человеческой жизни, окружающего мира. Человек начинает сомневаться в ценности собственного «Я». Пережитый опыт не укладывается в рамки привычных представлений и угрожает стабильности и связности субъективного мира.

Попытки интеграции травматического опыта чаще всего связаны с тремя реакциями:

- 1) самообвинением (поведенческим, менее опасным и легче поддающимся коррекции, и характерологическим, сопровождающимся снижением самооценки и отрицанием способности что-либо изменить),
- 2) отрицание (максимум которого приходится после фазы шока, опыт еще далек от ассимиляции),
- 3) повторяющиеся навязчивые мысли о событии служат индикатором процесса переработки травматического опыта.

Выздоровление считается успешным, если жертва способна вспомнить и отвлечься от травматического события по собственному желанию.

Другой проблемой, с которой сталкивается жертва, является ее и общественное убеждение о том, что мир, в котором она живет — справедлив (В. Лернер (ibid. Sears D. et al., 1991, Philipchalk R., 1995, Myers D., 1993)).

Вера в справедливость мира заставляет жертву считать, что жертва заслужила то, как с ней обращаются, что насильник, особенно если это человек хорошо знакомый, — имел право «воспитывать» жертву. Если же он зашел слишком далеко, то это произошло «случайно». Именно этот факт является одной из причиной такого удивительного для окружающих, не имеющих опыта насильственных отношений, факта, как нежелание жертвы покинуть насильника. Добавьте к этому всеобщую для российской культуры и модели воспитания в частности тенденцию подчеркивать негативные черты ребенка, неумение и нежелание многих людей видеть в человеке и ситуации что-то хорошее, хвалить, а не только сочувствовать горю, но и сорадоваться счастью человека.

В настоящее время довольно банальными и яркими иллюстрациями являются две ситуации:

- 1) «Крутой» новый русский остается практически безоруженным перед лицом самодовольной девицы, заявляющей ему, что все, чего он добился в жизни, его деньги, сила и т.д., — все это, говоря уж совсем мягко, — ерунда. Неважно, насколько действительно богат ее опыт манипулирования людьми и опыт жизни вообще. Даже лучше, если ее собственные достижения не совсем заметны невооруженным глазом: скандируемые ею реплики будут звучать увереннее и однозначнее. «Одна она осмелилась сказать мне горькую правду!» — восклицает он вслух (!) восхищенный. И заканчивает: «Какая женщина!» Потом он несколько лет одевает и кормит ее.
- 2) Новый русский берет в дом «отличницу» которой некуда особенно бежать и которая, как это часто бывает, сбежала от такого же тирана, как он сам,

в тщетной надежде освободиться. Что он ей говорит на второй день после свадьбы? Ну, конечно же знаменитое: «Ты кто такая есть? Ты думаешь, что твой красный диплом (золотая медаль, научная степень и т.д.) чего-то стоят?» Продолжительная пауза оформляется им же: «С этого дня будешь делать так, как я сказал». Все. Ловушка закрылась. Потом она несколько лет обеспечивает ему устойчиво стабильную самооценку.

Можно только удивляться тому, насколько жизнеспособны и длительны такие браки. Удивляться, если не понимаешь всей серьезности проблем, стоящих перед этими людьми. Каждый новый виток совместной жизни позволяет жертве все больше утвердиться в том, что ее страдания оправданы, и если не будет преследователя, некому будет «поставить ее на место» и «вернуть с облаков на землю» и просто-напросто обеспечить, забить гвоздь, покараулить, чтобы не дай бог не унесли, висящую на единственном болте входную дверь (Брурман В.И., и др., 1996, Ташева А.Н., 1996, Корнелиус Х., Фейр Ш., 1992, Лебедев Б.А., Дунаевский В.В., 1986 и др.).

Интересно, что в процессе организации серьезных деловых игр, направленных на создание программ развития той или иной организации, фирмы, программа может приводиться в действие и, в конце концов, просто обсуждаться только до тех пор, пока не появляется «рациональный» голос преследователя: «спуститесь с небес на землю». Преследователь заинтересован в консервации ситуации и стереотипизации того распределения ролей, которое позволяет удовлетворять его потребности в наибольшей степени. Поэтому причиной вспышек насилия служат часто не реальные основания и поводы, а простая «неудовлетворительность» поведения и особенностей ребенка, женщины, подчиненного. Преследователь заинтересован в том, чтобы сделать насилие, драки, характерной манерой поведения в семье и/или на работе. Здесь мы встречаемся с двумя основными тенденциями:

а) стремление насильника «легитимизировать» насилие, сделав его обычным. При этом вспышки насилия имеют довольно ровный по силе проявления характер, перемежаясь фрагментами попыток «искупления». В этом случае насильник «выучивает» жертву агрессивному поведению, рано или поздно рискуя сам выступить в роли униженного и оскорбляемого.

б) В ситуациях, когда дело доходит до уголовного преследования часто имеет место другой тип. Насильник стремится расширить зону своего влияния, перенося насильственную манеру общения на взаимоотношения со все более далекими и незнакомыми ему людьми. Поэтому акты насилия становятся все более частыми

и экстремальными. Рост потребности в контроле часто заставляет насильника убивать жертву и идти на изменение установившихся ритуалов насилия.

Адекватных представлений о частоте и типичности ни той, ни другой ситуации общество не имеет. Как правило, оба типа развития отношений и ситуаций насилия встречаются гораздо чаще, чем это представляется «среднему жителю планеты».

Согласно же другому современному подходу к анализу проблемы насилия, все мы являемся в разные моменты нашей жизни жертвами, преследователями и спасителями. Речь, прежде всего, идет о феномене манипуляции. Манипуляция рассматривается как способ или совокупность способов поведения манипулятора, направленная на то, чтобы (Доценко Е.Л., 1996, Сатир В., 1992, Шостром Э., 1992 и др.):

- 1) заставить объект манипулирования сделать что-либо, что выгодно и в чем нуждается манипулятор,
- 2) заставить объект манипулирования признать, что сделанное им является результатом его собственного, свободного выбора, нужно ему самому.

Наиболее развернутая характеристика стратегий манипулятивного воздействия на другого человека дана в работах Д. Карнеги (1992, 1993). Таким образом, манипуляция,— является неосознанным насилием. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что описывая достоинства предложенных им методов эффективного взаимодействия с людьми, он, однако отмечает: «манипулятор должен» казаться веселым и довольным, стараться завоевать внимание и благосклонность других людей и т.д. Несоблюдение этих требований служит потенциальным источником агрессии и насилия. Круг замкнулся: соблюдаем или не соблюдаем мы правила общения, выделенные Д. Карнеги, мы всегда оказываемся перед проблемой насилия.

Очень часто практически все содержание делового и межличностного контакта образовано манипуляциями или их попытками. Однако истинное общение, независимо от того, является ли оно межличностным или деловым, манипуляций не предполагает. Нарушения

общения связаны с попытками «неумелой» реализации в ходе того или иного взаимодействия норм другого. Манипуляция в деловом общении нередко предполагает обращение к личным взаимоотношениям и особенностям «объекта». Манипуляция в межличностном общении — попытку выхода за пределы ситуации и апелляция к социальным (в том числе профессиональным) нормам.

Ситуация насилия (или попытка) насилия в деловом и межличностном общении возникает, если перефразировать Ж. Лакана (Lacan J., 1996):

- 1) когда говорят не с Вами (как человеком и/или профессионалом),
- 2) когда говорят не о себе (как человеке и/или профессионале).

Идеи манипуляция как насильственного взаимодействия в их наиболее чистом и кристаллизованном виде мы встречаем в идеологии и психологии фашизма. Самый глубокий «фашизм заключается в том, чтобы заставить говорить». Манипулятор имеет тенденцию и склонность подменять ваш голос своим голосом, заставлять вас произносить фразы, которые вы произносить, не только не хотите, но которые просто-напросто не являются вашими (Барт Р., 1993, 1995, Бахтин М.М., 1969, Франкл В., 1990, Фромм Э., 1993, 1994 и др.). В этой ситуации жертве важно знать одно самоочевидное, но потому и редко осознаваемое правило: «когда вам с кем-то рядом становится плохо, это не значит, что проблемы и недостатки, которые он старается приписать вам действительно ваши. Скорее наоборот. Помощь и психологическая поддержка требуются не вам, а именно тому, с кем рядом вам становится плохо».

Рядом с действительно счастливыми и уравновешенными людьми мы чувствуем себя также свободно, спокойно и счастливо. Именно этот ключ может помочь решить, например, описанные выше дилеммы «новых русских». Он же является довольно опасным орудием борьбы с людьми, унижающими и оскорбляющими достоинство других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. — М.: МГУ, 1990. — 240с.
2. Антонян Ю.М., Голубков В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилование: причины и предупреждение. — М.: Юридлит, 1990. — 210с.
3. Бекоева Д. Д. Психология отклоняющегося поведения детей и подростков (учебное пособие). — Москва, МГУ, 1997 г. — 192 с.
4. Брутман В.И., Варга А. Я., Родионова М. С., Исупова О. Г. Девиантное материнское поведение. — // Моск. психотерапевт. журн.. — 1996. — 4. — С. 81–98.
5. Васильев В. Л. Юридическая психология. — М.: Юридлит, 1991. — 350с.
6. Корнелиус Х., Фейр Ш. Выиграть может каждый.—М.: Стрингер, 1992.—216с.
7. Кравцова О.А. О психологических последствиях сексуального насилия. // Вестник МГУ, сер.14. Психология. — 1999. — № 2. — С. 80–91.

8. Криминалистика. Учебник. / Под Ред И.Ф. Панталева, Н. А. Селиванова. — М.: Юридлит, 1993. — 592с.
9. Лебедев Б.А., Дунаевский В. В. Алкоголь и семьи. — Л.: Медицина, 1986. — 128с.
10. Меньшикова Е. С. Жестокое обращение с детьми и его возможные отдаленные последствия. // Психол. журн. — 1993. — № 6. — С. 110–118.
11. Некрасов С.В., Возилкин И. В. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. -Свердловск: Изд-во УУ,1991. — 168с.
12. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. — М.: Б.С.К., 1997. — 195с.
13. Ташева А.И., Зеленская С. Ю. Насилие в алкогольной семье. // Психологический вестник РГУ. Ростов-на-Дону: РГУ, 1996. — Вып. 1. Часть 2. -С.52–63.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. -М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Республика, 1994. — 480с.
16. Florence W. Children who sue parents: a new form of family homicide?// Journal of Marital and Family Therapy 1990, Vol. 16, No. 2, 151–163
17. Janoff-Bulman R. Assumptive Worlds and the stress of traumatic events.// Social Cognition. — 1989. — V.7. — № 2. — P. 135–146.
18. Kerrie J., MacKinnon L. The «incestuous family» revisited: a critical analysis of family therapy myths. // J. of Marital and Family Therapy. — 1990. Vol. 16. No. 1, 71–88
19. Trepper T.S., Barrett M. J. Treating incest: A multimodal systems perspective. New York: Haworth Press, 1986, — 126 p.

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ВПС РАННЕГО ВОЗРАСТА В ПЕРИОД ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ

THE PSYCHOLOGICAL STAGE OF REHABILITATION OF TODDLERS WITH CHD IN THE PERIOD OF SURGICAL TREATMENT

M. Kiseleva

Summary. Great medical achievements have improved the outcomes for heart surgery in children with CHD, and increased survival rates and improved the quality of their life. Although more than 80% of toddlers with CHD have difficulties in psychological functioning and development [1]. It is the reason that much attention is now being paid on the psychological part of rehabilitation in the general treatment process.

Under psychological rehabilitation we understand the system of measures aimed at the habilitation and correction of disturbed mental functions and states of toddlers with CHD in the period of surgical treatment. This article focuses on the evaluation of the effectiveness of the program of psychological rehabilitation of toddlers with CHD in the period of surgical treatment. In the program of psychological rehabilitation we use techniques and methods of psychological influence borrowed from several therapeutic areas.

We have shown that early initiation of rehabilitation measures and the inclusion in the rehabilitation process caring for a toddler with CHD person, makes the proposed program effective.

Keywords: toddler, congenital heart disease, psychological development, rehabilitation, child-parent relationship.

Киселева Мария Георгиевна

*К.псх.н., Медицинский психолог, Научный центр
сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева
only4masha@yandex.ru*

Аннотация. Стремительное развитие медицины позволяет существенно увеличить продолжительность детей с ВПС за счет кардиохирургических вмешательств в раннем возрасте. Несмотря на высокий клинический эффект лечения, более 80% детей раннего возраста имеют задержки в психическом развитии [1], что делает актуальным введение этапа психологической реабилитации детей с ВПС в общий лечебно-реабилитационный процесс.

Под психологической реабилитацией мы понимаем систему мероприятий, направленную на восстановление и коррекцию нарушенных психических функций и состояний детей с ВПС в период хирургического лечения. Данная статья посвящена оценке эффективности программы психологической реабилитации детей с ВПС раннего возраста в период хирургического лечения. Нами показано, что раннее начало реабилитационных мероприятий и включение в реабилитационный процесс ухаживающего за ребенком с ВПС лица, делает предложенную программу эффективной.

Ключевые слова: ранний возраст, психическое развитие, врожденный порок сердца, психологическая реабилитация, кардиохирургическое лечение, детско-родительские отношения.

Частота врожденных пороков сердца не имеет тенденции к снижению и составляет 8 случаев на 1000 живорожденных детей [2]. Стремительное развитие медицины позволяет существенно увеличить продолжительность и улучшить качество жизни детей с ВПС за счет кардиохирургических вмешательств в младенческом и раннем возрасте. При этом, несмотря на высокий клинический эффект кардиохирургического лечения, более половины детей с ВПС имеют низкие показатели психологической адаптации, а более 80% -задержки в психологическом развитии[1], что делает крайне актуальным введение этапа психологической реабилитации детей с ВПС в общий лечебно-реабилитационный процесс.

Под психологической реабилитацией мы понимаем систему мероприятий, направленную на восстановле-

ние и коррекцию нарушенных психических функций и состояний детей с ВПС в период хирургического лечения. Основной целью психологической реабилитации детей с ВПС в период хирургического лечения является преодоление отрицательных реакций со стороны психики ребенка раннего возраста с ВПС, связанных с болезнью и процессом лечения.

Задачами психологической реабилитации детей раннего возраста с ВПС в период хирургического лечения являются:

1. Компенсация нарушенных психических функций у ребенка с ВПС;
2. Формирование средовых (семейных) условий, стимулирующих развитие ребенка;
3. Психологическое обеспечение оптимальной позиции ребенка в отношении других реабилитаци-

онных мероприятий (медицинских, социальных и т.д.).

Программа психологической реабилитации включает в себя следующие объекты воздействия:

1. Ребенок раннего возраста с ВПС в период хирургического лечения — путем проведения с ним нейро-и патопсихологической диагностики, диагностики развития, психокоррекционных мероприятий;
2. Семью (ухаживающее лицо) ребенка с ВПС в период хирургического лечения — путем использования психологического консультирования, психотерапии, психообразовательной работы;
3. Команду специалистов кардиохирургического стационара — путем использования психообразовательной и консультативной работы.

Основными принципами программы психологической реабилитации детей с ВПС раннего возраста в период хирургического лечения являются: добровольность, конфиденциальность, комплексность, профессионализм, адресность, раннее начало реабилитационных действий, учет физического состояния ребенка, учет возрастных особенностей ребенка, включение максимального количества ухаживающих за ребенком лиц в процесс психологической реабилитации.

Основными этапами программы психологической реабилитации детей с ВПС раннего возраста в период хирургического лечения являются:

Подготовительный этап — который состоит из отбора участников реабилитационной программы, их психологической диагностики; определении основных мишеней психологического воздействия. Включает 2 встречи, а также анализ психологом истории болезни и беседу психолога с лечащим врачом;

Основной этап — во время которого проводятся основные психореабилитационные мероприятия. Включает от 3-х до 7 встреч;

Заключительный этап — во время которого происходит оценка эффективности программы психологической реабилитации для каждого ее участника.

В программе психологической реабилитации мы используем техники и методы психологического воздействия заимствованные из таких психотерапевтических направлений, как: Семейная терапия горя (метод генограм, работа и профилактика паталогического горя, связанного с болезнью ребенка [3]; Психотерапия детско-родительских отношений [4].

В клиническую группу вошло 120 человек — 60 диад: матери и дети с ВПС раннего возраста, проходившие хирургическое лечение в Научном центре сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева в 2016–2017 гг., средний возраст пациентов составил $20,25 \pm 3,50$ месяцев; минимальный возраст 14,50 месяцев, максимальный — 28,00 месяцев; среди пациентов 48,50% девочек. Все пациенты из второй клинической группы имели сложные пороки, требующие раннего хирургического лечения, негативно сказывающиеся на качестве жизни детей, и были представлены врожденными аномалиями сердечной перегородки (Q21). Стадия хронической недостаточности кровообращения (ХНК) по классификации Стражеско-Василенко — 2А. Функциональный класс (ФК) по классификации Нью-йоркской ассоциации кардиологов (NYCA) — II–III. В 100% случаев пациентам проводилась открытая операция на сердце.

Для оценки параметров развития детей раннего возраста с ВПС, проходивших хирургическое лечение была применена методика «Диагностика психического развития детей от рождения до 3-х лет», разработанная Смирновой Е.А., Галигузовой Л.Н., Ермоловой Т.В., Мещеряковой С.Ю. Данная методика позволяет диагностировать соответствующие возрасту ребенка формы общения; уровень развития предметной деятельности.

Анализ сравнения результатов исследования детей с ВПС раннего возраста после участия в программе в программе психологической реабилитации после хирургического лечения по модифицированной методике «Диагностика психического развития от рождения до 3-х лет» выявил статистически значимые различия в основной группе после участи в программе психологической реабилитации и группе сравнения и показал следующие.

Уровень проявления инициативности в общении у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участи в программе психологической реабилитации составил $1,08 \pm 0,23$, в группе сравнения — $0,86 \pm 0,47$, что статистически значимо ниже, чем в группе сравнения ($U=30,500$, $Z=-2,340$, $p=0,027$).

Уровень проявления вовлеченности в общение у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участи в программе психологической реабилитации составил $1,62 \pm 0,63$, в группе сравнения $1,55 \pm 0,78$.

Уровень развития пассивной речи у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участи в программе психологической реабилитации составил $1,65 \pm 0,81$, в группе сравнения $1,33 \pm 0,64$.

Уровень развития активной речи у детей с ВПС раннего возраста из основной группы составил $1,25 \pm 0,46$,

в группе сравнения $0,93 \pm 0,71$, что статистически значимо ниже, чем в основной группе ($U=29,500$, $Z= -2,721$, $p=0,023$).

Ситуативно-личностная и ситуативно-деловая формы общения были представлены у детей с ВПС раннего возраста жизни с ВПС как в основной, так и в группе сравнения.

Таким образом, после участия в программе психологической реабилитации такие параметры общения, как инициативность и развитие активной речи, в основной группе были статистически значимо выше, чем в группе сравнения. При этом все параметры общения в основной группе были выше.

Уровень развития интереса к предметам в игре у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участия в программе психологической реабилитации составил $1,58 \pm 0,52$, в группе сравнения $-1,05 \pm 0,46$, что статистически значимо ниже, чем в основной группе ($U=22,000$, $Z= -2,800$, $p=0,006$).

Уровень эмоциональной вовлеченности в игру у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участия в программе психологической реабилитации составил $1,65 \pm 0,71$, в группе сравнения — $1,15 \pm 0,91$.

Уровень развития настойчивости в игре у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участия

в программе психологической реабилитации составил $1,61 \pm 0,46$, в группе сравнения — $1,01 \pm 0,45$, что статистически значимо ниже, чем в основной группе ($U=18,000$, $Z= -3,133$, $p=0,002$).

В обеих группах преобладали ориентировочно-исследовательские виды действий с предметами с элементами культурно-фиксированных.

Уровень развития познавательной активности в игре у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участия в программе психологической реабилитации составил $1,35 \pm 0,69$, в группе сравнения — $1,03 \pm 0,74$, что статистически значимо ниже, чем в основной группе ($U=21,000$, $Z= -2,308$, $p=0,031$).

Уровень представленности действия по образцу у детей с ВПС раннего возраста из основной группы после участия в программе психологической реабилитации составил $1,48 \pm 0,68$, в группе сравнения $1,05 \pm 0,76$, что статистически значимо ниже, чем в основной группе ($U=25,500$, $Z= -2,826$, $p=0,011$).

Таким образом, после участия в программе психологической реабилитации такие параметры игры у детей с ВПС раннего возраста, как интерес, настойчивость, познавательная активность, действия по образцу, в основной группе были статистически значимо выше, чем в группе сравнения. При этом все параметры игры в основной группе были выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Levert EM, Helbing WA, Dulfer K, van Domburg RT, Utens EM. Psychosocial needs of children undergoing an invasive procedure for a CHD and their parents. *Cardiol Young*, 2016.
2. Eskedal L, Hagemo P, Eskild A, Seiler K S. A population-based study of extra cardiac anomalies in children with congenital cardiac malformations//*Cardiology in yourth*. 2005;14:600–7.
3. Davis C, Brown R, Campbell R. Psychological adaptation and adjustment of mothers of children with congenital heart disease//*Journal of Pediatric psychology*. 1998; 23:219–28.
4. Lieberman A F, Van Horn P, Psychotherapy with infants and young children// New York: The Guilford Press; 2011. pp. 100–138.

© Киселева Мария Георгиевна (only4masha@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СИТУАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

PSYCHODYNAMIC PREDICTORS OF SITUATIONAL ANXIETY

**N. Kostenko
L. Melnik**

Summary. Within the framework of the presented article, key aspects concerning the problems of psychodynamic predictors of situational anxiety are analyzed. A questionnaire on the structure of temperament was studied. Rusalova, as well as tests by J. Streliau, G. Eysenck and others.

Keywords: psychodynamic predictors, anxiety, predictor, temperament.

Костенко Наталья Александровна

К.псх.н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет

Мельник Любовь Юрьевна

*К.ф.-м.н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет
lubaleb@mail.ru*

Аннотация. В рамках представленной статьи проанализированы ключевые аспекты, касаемо проблематики психодинамических предикторов ситуационной тревожности. Изучен опросник структуры темперамента В. М. Русалова, а также тесты Я. Стреляу, Г. Айзенка и других.

Ключевые слова: психодинамические предикторы, тревожность, предиктор, темперамент.

Проведенный в предыдущих работах анализ позволил установить статистически достоверные предикторы и обосновать существование онтогенетически наиболее ранних маркёров личностной тревожности у работников опасных производств. При этом открытым остается вопрос о том, какие индивидуальные характеристики являются предпосылками формирования ситуационной тревожности у обследованных лиц.

Описывая набор методов исследования, мы подчеркивали, что многие тесты нейродинамического профиля, используя психофизиологические термины — силу, подвижность, уравновешенность, динамичность, концентрированность, лабильность, активированность — фактически позволяют оценить только психодинамические, то есть темпераментальные составляющие свойств индивидуальности. Тем не менее, свойства темперамента, опосредующие в известной мере свойства нервной системы, и устойчиво проявляющиеся в поведении человека, вполне могут выступать базой формирования различных аспектов тревожности испытуемых.

Напомним, что при исследовании свойств темпераментального уровня индивидуальности применялся классический опросник структуры темперамента В.М. Русалова. Среднегрупповые значения приведены в таблице 1. В данном случае расчет и оценка достоверности всех возможных двадцати восьми парных разностей не представляет значительной экспериментальной ценности — опросник В.М. Русалова был изначально составлен как результат многомерной факторной кластеризации, поэтому при больших объемах выборок шкалы фактически ортогональны.

Саитова Р.З. в своих публикациях приводит следующую информацию: «Установлено, что уравновешенность по силе процессов возбуждения имеет значение и при формировании других аспектов агрессивности — коварной агрессии и вины.» [2]

Отметим, тем не менее, что наблюдается превышение средних значений по «социальным» шкалам над значениями парных им «профессиональных» шкал по эргичности, темпу и эмоциональности; исключение составляет только социальная пластичность. Можно предположить, что в данном случае мы наблюдаем превышение экстравертивных характеристик над нейротическими, вызванное асимметрией развития нейрофизиологически обусловленных свойств.

Была проанализирована динамика внутригрупповой вариативности по шкалам с использованием самого простого инструмента — коэффициента вариации. На рисунке 1 представлено наложение профиля средних значений (пунктирная линия) на профиль коэффициентов вариации по шкалам (линии нанесены в разном масштабе для большей наглядности).

Несмотря на то, что наибольшие по абсолютному значению средние значения наблюдаются по шкалам темпа (социального и профессионального), наибольший разброс показателей виден сразу по обоим шкалам эмоциональности.

Тест Я. Стреляу. Как отмечалось ранее, эта методика опросным способом позволяет с большой вероятностью диагностировать степень выраженности у человека базальных свойств нервной системы — силы процессов

Таблица 1. Среднегрупповые результаты обследования по опроснику структуры темперамента В. М. Русалова

Шкалы	Эр	СЭр	Пл	Спл	Тп	СТп	Эм	СЭм
Мин	0,00	0,00	1,00	0,00	0,00	1,00	0,00	0,00
Макс	4,00	4,00	4,00	4,00	4,00	4,00	3,00	4,00
Диапазон	4,00	4,00	3,00	4,00	4,00	3,00	3,00	4,00
Среднее	2,09	2,56	2,56	1,29	2,59	2,88	1,26	1,41
Станд. ошибка	0,18	0,24	0,11	0,17	0,14	0,17	0,20	0,22
Дисперсия	1,11	2,01	0,38	0,94	0,67	1,02	1,35	1,64
Станд. отклон.	1,06	1,42	0,61	0,97	0,82	1,01	1,16	1,28

Таблица 2. Среднегрупповые результаты обследования по тесту Я. Стреляу

Шкалы	Воз	Тор	Подв	Уравн
Собственные данные				
Мин	4,00	2,00	3,00	0,79
Макс	10,00	10,00	10,00	1,27
Диапазон	6,00	8,00	7,00	0,48
Среднее	6,97	7,70	7,36	0,94
Станд. ошибка	0,21	0,21	0,22	0,09
Дисперсия	2,59	2,59	2,86	0,01
Станд. отклон.	1,61	1,61	1,69	0,09
Нормативы для женской выборки				
Среднее	5,35	5,60	6,01	0,95
Станд. ошибка	0,28	0,24	0,22	0,01

Таблица 3. Тест Я. Стреляу. Парный двухвыборочный t-тест средних значений шкал по результатам собственных исследований и нормативам, сырые баллы, $t_{cr}(0,05)=2,00$, $t_{cr}(0,01)=2,66$, $t_{cr}(0,001)=3,47$; Сд — собственные данные, Лд — литературные данные)

Шкалы	Своз (Сд)	Стор (Сд)	Подв (Сд)	Уравн (Сд)	Своз (Лд)	Стор (Лд)	Подв (Лд)	Уравн (Лд)
Своз (Сд)	-	0,73	0,39	-	-1,62	-1,37	-0,96	-
Стор (Сд)	2,45	-	-0,33	-	-2,35	-2,10	-1,69	-
Подв (Сд)	1,30	1,10	-	-	-2,01	-1,76	-1,35	-
Уравн (Сд)	-	-	-	-	-	-	-	-0,05
Своз (Лд)	4,41	6,38	5,39	-	-	0,25	0,66	-
Стор (Лд)	4,15	6,35	5,23	-	0,63	-	0,41	-
Подв (Лд)	3,07	5,40	4,23	-	1,73	1,19	-	-
Уравн (Лд)	-	-	-	0,60	-	-	-	-

торможения и возбуждения, подвижности и уравновешенности. Среднегрупповые значения этих свойств представлены в таблице 2.

Полученные в собственных исследованиях результаты мы сравнили с имеющимися в литературе нормативами, рассчитанными для исключительно женской выборки, но для более раннего возраста — 22–25 лет. Обращают на себя внимание очень близкие значения вариации соответствующих признаков, что свидетельствует о валидности полученных нами результатов.

Сравнение проводили по классическому критерию Стьюдента для двухсторонней критической области распределения. (См. табл. 3).

В приведенной таблице выше главной диагонали находятся парные разности средних значений, ниже — значения критических точек двухстороннего распределения Стьюдента. Сравнение шкалы уравновешенности производится только «с самой собой», т.к. эта характеристика расчетная. Инверсия — межгрупповые разности средних значений одинаковых шкал.

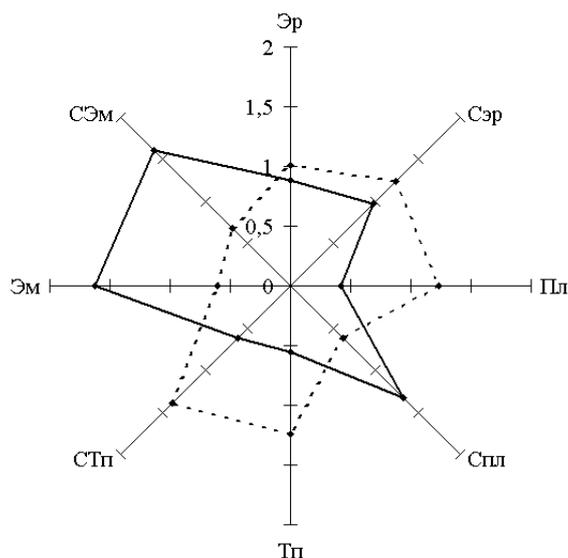

Рис. 1. Наложение профиля коэффициентов вариации шкал ОСТ В. М. Русалова на профиль средних значений одноименных шкал

Таблица 4. Среднегрупповые результаты обследования по тесту Г. Айзенка (сырые баллы)

Шкалы	Экстр	Нейр
Мин	3,00	3,00
Макс	8,00	7,00
Диапазон	5,00	4,00
Среднее	5,73	5,03
Станд. ошибка	0,24	0,24
Дисперсия	2,02	1,91
Станд. отклон.	1,42	1,38

Видно, что обследованные нами женщины в среднем показали преобладание процессов торможения над процессами возбуждения ($\Delta=0,73$, $p<0,05$). Причем по сравнению с нормативными данными наблюдается статистически достоверное превышение по всем трем абсолютным шкалам теста — возбуждения ($\Delta=1,62$, $p<0,001$), торможения ($\Delta=2,10$, $p<0,001$) и подвижности ($\Delta=1,35$, $p<0,05$).

Тест Г. Айзенка. Значение теории Г. Айзенка состоит, прежде всего, в том, что он первым начал выявлять в структуре индивидуальности так называемые ортогональные свойства, выделенные из алгебраически перпендикулярных факторов, и проведенный нами тест направлен на определение этих свойств — экстраверсии и нейротизма (табл. 4).

В данном случае мы сравнили только средние значения по шкалам внутри обследованной выборки работников. Выяснилось, что испытуемые статистически достоверно более экстравертированы, нежели нейротизированы ($\Delta=0,70$, $p<0,01$). Теоретически, при очень

больших объемах выборок, имеющих гауссово распределение, статистически достоверных различий обнаруживаться не должно, поэтому можно высказать предположение, что найденная закономерность — это также профессиональная особенность испытуемых.

На этом этапе анализа нет смысла отыскивать корреляционные связи индикаторов тревожности с результатами отдельных тестов, так как многие методики содержат очень схожие вопросы и определения, и результат будет «пестрить» значимыми корреляциями, а общая картина связей не сложится. Поэтому мы вновь обратились к процедурам корреляционно-факторного анализа, чтобы отобразить сразу всю систему корреляционных плетей.

В таблице 5 представлена дисперсионная структура психодинамических и тревожных индикаторов. Видно, что для покрытия 70% дисперсии необходимо выделение не менее 8 факторов (и с вращением по критерию варимакс и без него), но на шестом факторе каждый следующий фактор нагружает менее двух переменных,

Таблица 5. Факторная структура связей показателей тревожности с результатами психодинамических тестов (23 переменные, метод принципиальных компонент, вращение по варимакс)

Факторы	Исходные уровни значимости			Факторные нагрузки			Факторные нагрузки после вращения		
	Всего	% дисперсии	Накопленные значения % дисперсии	Всего	% дисп.	Накопленные значения % дисперсии	Всего	% дисп.	Накопленные значения % дисперсии
1	4,407	16,322	16,322	4,407	16,322	16,322	3,640	13,483	13,483
2	3,175	11,761	28,082	3,175	11,761	28,082	3,153	11,678	25,161
3	2,968	10,994	39,077	2,968	10,994	39,077	2,405	8,908	34,070
4	2,501	9,262	48,339	2,501	9,262	48,339	2,088	7,734	41,803
5	2,054	7,606	55,945	2,054	7,606	55,945	2,070	7,667	49,471
6	1,657	6,137	62,082	1,657	6,137	62,082	2,015	7,461	56,932
7	1,489	5,515	67,597	1,489	5,515	67,597	1,904	7,050	63,982
8	1,240	4,591	72,189	1,240	4,591	72,189	1,899	7,035	71,017

Таблица 7. Параметры линейной модели зависимости ситуационной тревожности по Ч. Спилбергеру от шкал теста ОСТ В. М. Русалова

	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	p
	b_0	μ	b_i		
C	57,90465	2,890046		20,04	0,00
Эр	-2,53771	1,039454	-0,44888	-2,44	0,02
Сэр	0,563675	0,823203	0,134029	0,68	0,50
СТп	-1,32266	1,153877	-0,22351	-1,15	0,26
Корреляция модели с фактическим рядом			μ остатков	Достоверность модели	
0,522			5,334	0,021	

поэтому их описание имеет только теоретический статистический смысл и не представляет большой ценности.

Компонентная структура факторов достаточно объемна, поэтому приводить ее не будем. Обнаруживается, что наибольшей интеркорреляционной «активностью» обладают шкалы цветового теста М. Люшера, все пять его шкал объединяются в одном факторе, что вполне логично, учитывая методику расчета сырых баллов. Три шкалы цветового теста нагружают первый фактор доминантно — шкалы вегетативного баланса, работоспособности и баланса личностных свойств [ВБ (Люш): $r=0,931$ ($p<0.001$); Р (Люш): $r=0,896$ ($p<0.001$); ЛБ (Люш): $r=0,647$ ($p<0.001$)]; и две, концентричности и гетерономности — специфично. Кроме описанных переменных, первый фактор со статистически достоверным весом нагружает интересующая нас ситуационная тревожность по Ч. Спилбергеру [СитТрев: $r=0,452$ ($p<0.01$)].

Анализируя следующий, второй, фактор компонентной матрицы приходим к предположению, что ситуационная тревожность может быть предсказана по результатам теста ОСТ В. М. Русалова.

Выясняется, это фактор нагружают, кроме интересующего нас индикатора тревожности [СитТрев: $r= -0,586$ ($p<0.001$)], шкалы профессиональной и социальной эргичности и социального темпа [Эр: $r=0,737$ ($p<0.001$); Сэр: $r=0,799$ ($p<0.001$); СТп: $r=0,832$ ($p<0.001$)], причем все три темпераментальные шкалы входят в фактор с обратным знаком.

В данном случае также возможно рассчитать коэффициенты линейной регрессии, их значения представлены в таблице 6.

На рисунке 2 представлено наложение фактических значений ситуационной тревожности по Ч. Спилбергеру на теоретический ряд, рассчитанный по тесту ОСТ В. М. Русалова.

Таким образом, предметная эргичность, социальная эргичность и социальный темп, диагностированные по тесту ОСТ В. М. Русалова, могут выступать в качестве статистически достоверных предикторов ситуационной тревожности, причем тревожность находится в обратной зависимости от названных свойств темперамента.

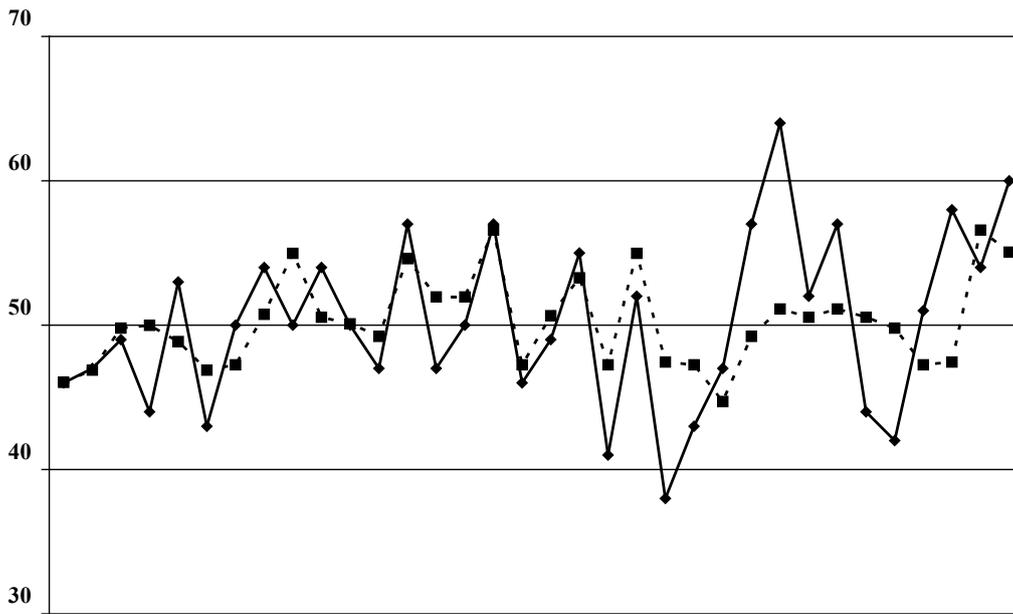

Рис. 2. Наложение расчетных значений (регрессия по тесту ОСТ В. М. Русалова) ситуационной тревожности по Ч. Спилбергеру на фактический ряд. Примечание: сплошная линия — регрессия, пунктирная линия — фактические данные.

Таблица 7. Параметры линейной модели зависимости интегральной тревожности по Р. Кэттеллу от значений шкал теста Г. Айзенка

	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	p
	b_0	μ	b_i		
С	5,104	1,185	-	4,307	0,000
Экстр	-0,225	0,131	-0,305	-1,715	0,097
Нейр	0,142	0,135	0,188	1,057	0,299
Корреляция модели с фактическим рядом			μ остатков	Достоверность модели	
0,409			0,987	0,042	

В третий фактор компонентной матрицы входит еще один интересующий нас независимый показатель тревожности — профессиональная, диагностированная по тесту И. В. Дубровиной (адаптированному к взрослой выборке) [ШкТреВ: $r = -0,807$ ($p < 0.001$)]. Двумя другими доминантами этого фактора являются значения шкал теста Я. Стреляу — торможение [Тор: $r = 0,867$ ($p < 0.001$)] и уравновешенность [Уравн: $r = -0,856$ ($p < 0.001$)]. В данном случае статистически достоверную линейную модель построить также возможно, но достоверность аппроксимации остается меньше 0,95; это, вероятно, связано с тем, что фактор нагружают и шкалы других тестов которые мы не использовали при расчете регрессионных коэффициентов.

Рассмотрим в заключение еще один, четвертый фактор. Его доминантами являются вторичный фактор тре-

вожности по Р. Кэттеллу [F1 (ТреВ): $r = -0,838$; ($p < 0.001$)] и с обратным знаком значения шкалы экстраверсии теста Г. Айзенка [Экстр: $r = 0,655$ ($p < 0.001$)], с неспецифичным весом эта плеяда нагружается еще одной шкалой теста Г. Айзенка — нейротизмом [Нейр: $r = -0,577$ ($p < 0.001$)]. В данном случае возможно построение достоверной регрессионной модели, ее коэффициенты представлены в таблице 7, а на рис. 3 изображено наложение фактических значений интегральной тревожности по Р. Кэттеллу на теоретический ряд, рассчитанный по значениям шкал экстраверсии и нейротизма теста Г. Айзенка.

Костенко приходит к выводу, что «негативизм, как специфическая форма агрессивного поведения на психодинамическом уровне подкрепляется низкой ригидностью, то есть психодинамическим аналогом низкой уравновешенности.» [1].

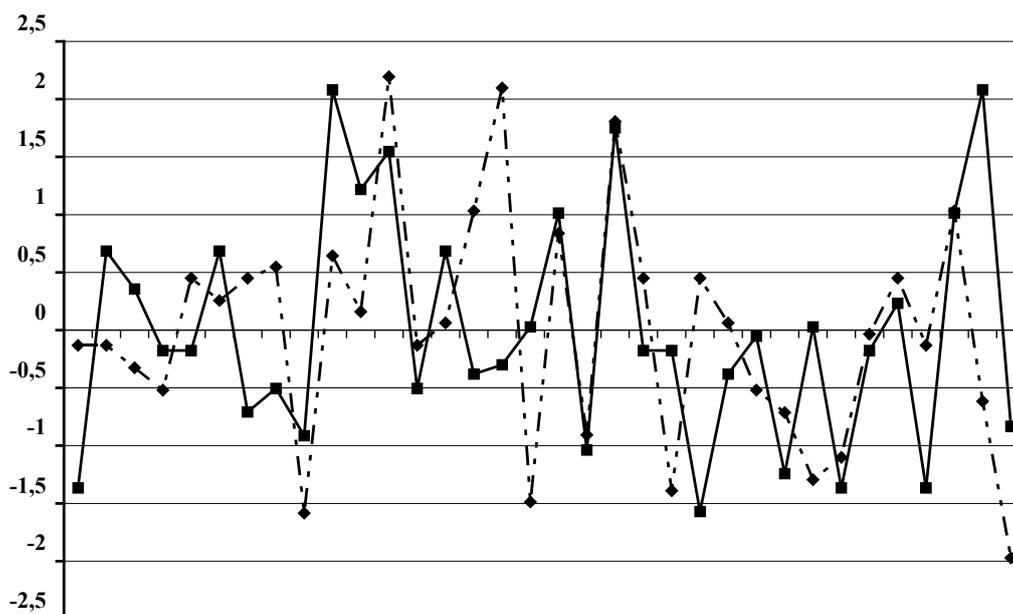

Рис. 3. Наложение расчетных значений (регрессия по тесту Г. Айзенка) интегральной тревожности по Р. Кэттеллу на фактический ряд. Примечание: сплошная линия — регрессия, пунктирная линия — фактические данные, значения нормализованы Z-преобразованием.

Михель утверждает, что «на уровне личностных свойств по Р. Кэттеллу не удастся отыскать статистически достоверных предикторов для первого варианта агрессивности — экстравертного, но вполне прогнозируемым оказывается второй вариант агрессивности — интровертный.» [4]

Сведем воедино основные результаты поиска предикторов тревожности испытуемых, полученные в нашей работе. Выяснилось, что личностная тревожность по Ч. Спилбергеру может быть предсказана по энергетике α и Δ ритмов ЭЭГ и по амплитудам позднелатентных компонентов зрительного вызванного потенциала; ситуационная тревожность в большей степени обуслов-

лена психодинамическими предикторами» [5] — особенностями предпочтения цветowych карточек по тесту М. Люшера и структурными свойствами темперамента по В.М. Русалову — эргичностью и темпом; интегральная тревожность по Р. Кэттеллу на нейродинамическом уровне может быть определена по длине второй и третьей позитивных волн ЗВП, а на психодинамическом — по соотношению нейротизма и экстраверсии по Г. Айзенку; профессиональная тревожность по В.И. Дубровиной обусловлена, в основном, соотношением классических типологических свойств нервной системы — силой процессов торможения и уравновешенностью, диагностированными по тесту Я. Стрелаяу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костенко, Н. А. Психологические и психофизиологические предикторы дезадаптивных свойств индивидуальности у подростков [текст] / Костенко Н. А. // Психологические и психофизиологические предикторы дезадаптивных свойств индивидуальности у подростков // Монография. — Уфа: ФГОУ ВПО БГАУ, 2013.
2. Сайтова, Р.З. Психологические факторы формирования дезадаптивных свойств у работников опасных производств [текст] / Костенко Н. А., Сайтова Р.З. // Аграрная наука в инновационном развитии АПК // материалы международной научно-практической конференции. — Уфа: ФГБОУ ВО БГАУ, 2016. С. 156–166.
3. Костенко Н. А. Применение математических методов к психологическим исследованиям [текст] / Костенко Н. А., Мельник Л. Ю. // IN SITU. 2016. № 6. С. 9–12
4. Михель Н.Д., Корсунова Е. Н., Соколов И. М. Психодинамические и когнитивные изменения у пациентов // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 3.
5. Барденштейн Л.М., Можгинский Ю. Б., Патологическая агрессия подростков. Москва, Медпрактика-М, 2015. 259 с.

© Костенко Наталья Александровна, Мельник Любовь Юрьевна (lubaleb@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ИСКУССТВА

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN BY MEANS OF ART

**L. Makovets
S. Orlova**

Summary. This article includes the analysis of the problem of development of creative thinking of primary school children, the concept of liberation of creative personality, research of conditions for development of creative potential of personality, art as a means of developing creative thinking of primary school children.

Keywords: creative thinking, factors and conditions for development of creative thinking, art, perception of art.

Маковец Людмила Анатольевна

*К.п.н., доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
makovez@mail.ru*

Орлова Светлана Николаевна

Д.псх.н., профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Аннотация. Анализируется проблема развития творческого мышления младших школьников, разрабатываются концепции высвобождения в человеке свободной творческой личности, исследуются условия и факторы, необходимые для развития творческого потенциала личности, рассматривается искусство как средство развития творческого мышления младших школьников.

Ключевые слова: творческое мышление, условия развития творческого мышления, искусство, восприятие искусства.

Проблема развития творческого мышления личности средствами искусства в настоящее время продолжает оставаться актуальной. Целостное, фундаментальное становление человека невозможно вне культурной идентичности. Художественное образование — это одна из ключевых частей формирования творчески активной личности, умеющей воспринимать и оценивать прекрасное и безобразное, трагическое и комическое, основополагающее и второстепенное не только в искусстве, но и в различных проявлениях жизни.

Воссоздадим систему основных функций, которые выполняет искусство в человеческом социуме и благодаря которым осуществляется его разностороннее и целостное воздействие на личность. *Компенсационная функция искусства, являясь одной из основных, восполняет ограниченность человеческого существования во времени и пространстве, позволяет через художественные образы пережить иные эпохи и иные судьбы кроме своей собственной. Компенсационная функция связана с катарсической («очищающей»), снимающей душевное напряжение личности. Собственно наслажденческой стороной искусства ведает гедоническая функция, многие художественные произведения удовлетворяют потребности человека в отдыхе и развлечении, выполняя тем самым развлекательную функцию. Но, развлекая человека, настоящее искусство побуждает его внутренние силы к активности, к творчеству, в результате чего включается эвристическая функция. В свою очередь творческая активность человека всегда предполагает его общение*

с другими, стремление творить нечто для других. В этом эвристическая функция смыкается с *коммуникативной*, благодаря которой искусство выступает как средство общения между людьми. Причем, искусство является единственным средством общения и средством передачи уникальной информации, в котором во многих его видах (архитектура, живопись, скульптура, графика, музыка и др.) нет никаких временных и межнациональных ограничений. Живопись испанца Гойи и музыка австрийца Моцарта также доступна для восприятия и понимания современному россиянину, как творчество мастера, живущего рядом с ним сегодня.

Будучи средством общения людей, искусство способно осуществить *социально-организаторскую функцию* — сплотить людей во имя общественно-эстетических идеалов. Близка к ней и *социализирующая функция*, благодаря которой искусство присущими ему средствами связывает личность с обществом, помогает ему гармонично адаптироваться в социуме. Социализирующая функция, следовательно, переходит в *воспитательную*, которая основывается на *познавательном* значении искусства. Данный функциональный круг искусства в полной мере показывает всю важность и значение искусства в формировании и становлении полноценной личности, в том числе и обладающей творческим мышлением.

Мы рассматриваем творческое мышление личности (исходя из понимания творчества как мыслительной и практической деятельности, преобразующей природный и социальный мир, являющейся для творческого

субъекта средством самовыражения и самореализации сущностных сил, развития личности в целом) как психический процесс и психическую деятельность, важнейший компонент творчества и вид мышления вообще. Сущность творческого мышления заключается в специфичности отражения и преобразования окружающего мира посредством формирования образов, понятий и мыследействий перцептивного и логического плана. Важными функциями творческого мышления личности мы считаем когнитивную, эмоциональную и поведенческую.

Общность и разность подходов к дефиниции творческого мышления раскрывается в сопоставлении научных трактовок. В философии и психологии в исследовании категории «творческое мышление» выделяются следующие подходы: творческое мышление как личностная категория, связанная с саморазвитием и самоактуализацией; творческое мышление как совокупность качественных характеристик; творческое мышление как психический созидательный процесс; творческое мышление как результат деятельности, связанный с созданием нового продукта. Чаще в научных исследованиях рассматриваются личностная, процессуальная и результативная стратегии творческого мышления.

Доминирующим и полифункциональным является научное направление, изучающее творческое мышление как личностную категорию. Реализуясь в деятельности, в том числе музыкальной, художественной и других, творческая личность включается в творческий процесс, который актуализируется в творческий результат.

В понимании нейрофизиологических корней творческого мышления субъекта важнейшая роль отводится функциональной асимметрии двух полушарий мозга, которая является основой взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых компонентов творческого процесса. Творческое мышление есть область пересечения деятельности левого полушария головного мозга (логического мышления) и деятельности правого полушария (образного мышления).

Психолого-педагогическая наука вносит весомый вклад в изучение проблемы творческого мышления: разрабатываются концепции высвобождения в человеке свободной творческой личности, исследуются условия, необходимые для развития творческого потенциала личности, в том числе и творческого мышления посредством искусства.

Теоретический анализ философской и психолого-педагогической литературы выявил отсутствие среди исследователей единства взглядов на феномен творческого мышления. Творческое мышление трактуется как

синоним мышления диалектического, постигающего, саморазвивающегося, дивергентного, проблемного, парадоксального, чувственного, интуитивного и др. Также творческое мышление рассматривается как процесс, характеризующийся ситуативными решениями, в результате которого человек находит что-то новое; как процесс обнаружения субъективно нового, которое ведет к формированию психических новообразований личности; как непосредственное мысленное усмотрение ранее неизвестных связей в изучаемом предмете; как создание предметной реальности, нового знания или идеального образа; как форма мышления, составляющая часть процесса творчества, результаты которого отличаются оригинальностью и значимостью. В операционально-деятельностной структуре творческого мышления проявляются следующие компоненты: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, сравнение, конкретизация, приобретающие черты уникальности и неповторимости в процессе жизнедеятельности личности.

Мы полагаем, что сущность творческого мышления состоит в том, что познающий мысленно усматривает ранее неизвестные связи, получает новые знания или идеальный образ и создает предметную реальность [6]. Применительно к дошкольникам и учащимся — это процесс создания субъективно нового, в основе которого лежит использование нестандартных способов деятельности и способность к созданию оригинальных идей.

В разработанной нами модели развития творческого мышления личности отражена взаимосвязь и взаимозависимость когнитивных процессов субъекта с процессом творческого мышления: в результате представления, основанного на процессах чувственного отражения окружающего мира (ощущения и восприятие), формируются образы (представления), которые, в свою очередь, являются средствами мыслительной, имажинативной и мнемической деятельности личности; внутри когнитивной сферы при наличии развивающих условий постепенно разворачивается некий креативный потенциал, который основывается на представлении, памяти, мышлении и воображении, а также продуктов их деятельности; постепенно творческое мышление «подчиняет» себе все структурные компоненты когнитивной сферы личности и выходит за ее пределы, выступая на данном этапе в качестве фактора (движущей силы) ее развития [6;7].

Таким образом, зарождаясь внутри когнитивной сферы субъекта, творческое мышление личности, как подвижный психологический феномен, становится двигателем дальнейшего развития всей указанной сферы.

Искусство во всем многообразии рассмотренных выше функций может сыграть свою весомую роль в ста-

новлении личности, в том числе и развитии творческого мышления, только при условии, что на определенных этапах воспитания у ребенка были в достаточной степени сформированы основные навыки художественно-эстетического восприятия. Сам процесс восприятия художественного произведения необходимо рассматривать как особый вид деятельности, имеющий различные стадии зарождения, развития, созревания и существенные качественные особенности на каждом возрастном этапе. Восприятие — сложный процесс, для которого необходимы определенные условия его порождающие и ему способствующие. Постепенное совершенствование и углубление процесса художественно-эстетического восприятия осуществляется только путем целенаправленной, методически продуманной системы воспитательной работы.

Особенность восприятия художественных произведений заключается в том, что оно всегда обусловлено интимно-личностным характером воздействия искусства на конкретную личность. Это необходимо учитывать с самых первых шагов ребенка навстречу художественному миру, чтобы избежать в дальнейшем схематизации процесса эстетического восприятия. Стандартных требований и указаний здесь быть не может.

Для успешного формирования навыков восприятия произведений искусства в самом процессе общения с искусством необходимо выделить несколько уровней:

- ◆ эмоционально-стихийный;
- ◆ оценочно-образный;
- ◆ аналитический;
- ◆ сотворческий;
- ◆ личностно-творческий.

На каждом из этих уровней можно организовать и целенаправленно осуществлять процесс развития творческого мышления личности средствами искусства. Дошкольному и младшему школьному возрасту по преимуществу присуще эмоционально-стихийное и оценочно-образное восприятие, в дальнейшем с накоплением знаний и навыков при благоприятных условиях формируются аналитический, сотворческий и личностно-творческий подход к произведениям искусства, что еще в древности было сформулировано следующими словами: «Гомер каждому — юноше, зрелому мужу и старцу — даст ровно столько, сколько тот может взять».

Уже первоначальный процесс слушания ребенком сказки выполняет важнейшую роль в развитии внутренней психической активности, творческого мышления, формирует умение мысленно действовать в воображаемых обстоятельствах, без чего невозможна никакая творческая деятельность. Под влиянием художествен-

ного произведения ребенок начинает по-новому относиться к явлениям действительности. Идеи, излагаемые в сухой, рассудочной форме, не всегда доходят до него, но, будучи облеченными в художественную форму, глубоко трогают его и оставляют значительный след [1].

Творческое мышление как онтогенетическое образование возникает и совершенствуется через активное взаимодействие ребенка (а затем — взрослого) с окружающей его средой. Внешние условия, опосредуясь внутренними условиями развития личности, создают все многообразие, глубину и уникальность творческих особенностей личности. Источником психического развития является внешняя практическая деятельность ребенка. Развитие ребенка изначально социально. Именно в социальном взаимодействии лежат истоки психических новообразований. В рамках ведущей деятельности происходит формирование центральных возрастных новообразований.

Развитие творческого мышления ребенка надо начинать с самого раннего детства. Важным фактором среднего воздействия для этого является семья и значимый взрослый. То есть, к моменту поступления ребенка в школу у него уже существует определенный уровень развития тех или иных психических процессов. Это надо обязательно учитывать при начале работы по развитию творческого мышления личности в школе.

Начальная школа — очень важный период для развития творческого мышления, так как у ребенка создается база знаний, складывается характер мыслительной деятельности, он наиболее поддается педагогическому воздействию. В младшем школьном возрасте ведущей становится учебная деятельность. Предпосылки возникновения учебной деятельности постепенно вызревают внутри всей социальной ситуации развития дошкольника. В младшем школьном возрасте учение (как новая ведущая деятельность) не сменяет игру (как старую ведущую деятельность), ведь младший школьник не перестает играть — игра создает специфическую социальную ситуацию развития, в которой становится возможным появление учебной деятельности. Учебная деятельность перестраивает всю систему деятельности ребенка и создает новую социальную ситуацию развития, в которой есть место и игре.

Младший школьный возраст — сензитивный период для развития творческого мышления. Ведущей становится приспособительная функция творческой активности, направленная на поиск партнера в общении. Наглядно-действенное мышление сменяется наглядно-образным. То есть, данный возраст сензитивен для развития воссоздающего (репродуктивного) и формирования продуктивного творческого мышления.

Младший школьник вырабатывает личную стратегию взаимодействия с миром, у него формируется установка на репродуктивный или продуктивный тип деятельности. Состояние «латентности» творческого мышления связано, скорее, с существующей системой обучения. Важную роль в развитии творческого мышления на данном этапе может сыграть творческий учитель (как образец).

Активизация интеллектуальных сил, свойственная младшему школьному возрасту, происходит из высокой активности двух взаимосвязанных форм мышления: конкретно-образного и абстрактно-логического, которые основываются на высокой активности чувственных форм восприятия. Необходима специально организованная творческая среда, где бы мир ребенка во всем его многообразии продуманно, целенаправленно и всесторонне развивали, в том числе средствами искусства.

Задачей педагога в этом случае является организация такого арт-педагогического пространства, в котором и ребенок и взрослый смогли бы актуализировать личностные смыслы в плане обретения мотивации учебной деятельности и обретения субъектности [5].

В целом динамика развития творческого мышления личности в процессе онтогенеза может быть представлена следующим образом: подражание образцам творческого мышления значимого взрослого, творческое подражание с введением самостоятельных элементов творческого мышления, подлинное творческое мышление личности.

Развитие ребенка, прежде всего умственное, связано с приобретением им знаний, умений и навыков, то есть с увеличением в той или иной степени шаблонности, стереотипности мышления. Усвоение человеческого опыта в определенном смысле к этому приводит. Необходимо научить ребенка при наличии определенных стереотипов мышления, которые представляют своего рода «слепки» человеческой культуры, уметь им противостоять, быть творческим вопреки зафиксированному опыту. В этом чрезвычайно велики возможности музыки, живописи, литературы и т.д.

Важно учитывать, что в современных средствах массовой информации и в окружающем нас предметном мире все более и более стирается грань между искусством и неискусством, между *восприятием художественно ориентированным*, специально подготовленным (музей, выставочный и концертный зал, театр и др.) и *восприятием «мимоходным»*, не призывающим к отказу от иных жизненных забот и удовольствий. Доминирующее сегодня поверхностное, потребительское восприятие художественных ценностей в процессе

целостного становления личности в общем-то не оставляет положительного следа, так как не ставит своей целью проникнуть в основы человеческого бытия, в сокровенные тайны человеческого сердца.

Процесс формирования культуры восприятия художественных произведений сложен, так как необходима выработка внутренней потребности разобраться в причинах возникновения тех или иных эмоциональных впечатлений. Для этого необходимы достаточно серьезные знания и определенный уровень теоретической грамотности (визуальная грамотность для изобразительных искусств, аудио — для музыкальных и т.д.). Воспринимающему субъекту необходимо знание основных элементов изобразительно-выразительного языка тех или иных видов искусства и умение рассматривать их в единстве с другими.

Полноценное эстетическое восприятие не может ограничиваться стихийным эмоциональным уровнем, оно должно включать в себя понимание и оценку, осмысление и осознание, установление соотношений воспринимаемого объекта искусства с внутренним миром воспринимающего. Процесс восприятия должен быть активным, ему сопутствует мобилизация эмоций, внимания, памяти и мышления. Восприятие произведения искусства может быть как *первичным*, так и повторным или даже *многократным*. Первичное восприятие бывает *подготовленным* (знание об авторе, об исторической эпохе, предварительное знакомство с критическими высказываниями), или *неподготовленным*, когда процесс общения с произведением начинается как бы с нуля. В большинстве случаев восприятие имеет *предуготовленный* характер, когда мы покупаем билет на концерт, идем на выставку, выбираем интересующую нас книгу, но может быть и *непреднамеренным*, как случайно попавшая в руки книга, внезапно остановивший нас облик архитектурного здания, услышанная по радио мелодия и т.д.

В процессе восприятия художественного произведения важно понимать и различать еще один аспект. Обычно позитивное отношение к художественному предмету у нас связано с формулой «мне нравится», ибо искусство доставляет нам эмоциональное удовлетворение открывать мир и нас самих, дает возможность соотносить свое личное миропонимание с миропониманием других, помогает обретать знания о мире и о себе, которые не могут дать другие сферы человеческой культуры. Но Л.С. Выготский еще в 20-е годы прошедшего века отмечал: «... все теоретики уже отказались от того наивного сенсуализма, согласно которому искусство есть просто радость от красивых вещей», далее он писал о потрясении искусством, в котором «мучительные и неприятные аффекты подвергаются некоторому разряду, уничтожению, превращению в противоположные» [2].

Художественно-эстетическое восприятие драматичных и трагичных произведений не только согласует и гармонизирует нас с собой и миром, но и тревожит, будоражит, заставляет заглянуть в бездны нравственного падения, заставляет делать нелицеприятные нравственные переоценки себя и окружающих. Кроме того, предоставляемая искусством информация может в каких-то своих звеньях превысить возможности воспринимающего и вызвать вспышки неудовольствия, отторжения. Роль отрицательных эмоций при восприятии искусства неоднозначна, они не обязательно заканчиваются прекращением контакта с произведением, во многих случаях именно они ведут процесс познания к более глубокому постижению объекта. Для формирования полноценного навыка восприятия искусства необходимо воспитывать не только умение радоваться положительным эмоциям общения с творчеством, но и потребность и умение волевым усилием преодолевать возникающие негативные моменты, которые переплавляются в доминирующее чувство удовлетворения при условии повторности или даже многократности процесса восприятия.

Подчеркнем также, что «сложность эстетической информации в том, что она несет в себе не только объективный факт, но и субъективное его воссоздание, в процессе которого запечатлеваются чувства художника-автора, его отношение к этому факту, оценка, истолкование. В окончательном образном обобщении этого факта перед нами открывается мировосприятие художника, его идеологические, философские, эстетические взгляды. Оценивая их, мы тем самым проверяем, уточняем, формируем и свое отношение к миру, а порой в эмоционально-образной форме искусства заново открываем для себя окружающий мир» [8].

При выделении факторов и условий развития творческого мышления личности средствами искусства мы опирались на концепцию детерминации индивидуально-психического развития человека внутренними и внешними факторами (А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн и другие). Согласно данной концепции, все внешние условия, данные, воздействия на мышление определяют результаты мыслительного процесса, лишь преломляясь через внутренние его условия. Определив эту посылку как методологическую, мы выделили из всего многообразия условий основополагающие. Каждое из этих условий способствует развитию творческого мышления, а во взаимодействии они повышают эффективность данного процесса.

Разработанная нами психолого-педагогическая концепция развития творческого мышления младшего школьника средствами искусства включает ряд факторов, реализуемых в процессе создания определенных условий. Первый фактор — актуализация творческого

мышления младшего школьника средствами искусства — реализуется в процессе создания таких условий, как знакомство ребенка с особенностями познания окружающего мира средствами искусства (музыки, живописи, литературы и др.); обеспечение эмоционально-положительного отношения личности к процессу творческого мышления средствами искусства; преодоление в процессе взаимодействия поведенческих барьеров с помощью средств искусства (элементов театрализации, музыки, живописи и др.).

Второй фактор — развитие творческого мышления младшего школьника в ходе специально организованной творческой (художественной, музыкальной и др.) деятельности. Реализация этого фактора происходит в процессе создания следующих условий: отбора особого творческого содержания музыкальных и художественных занятий; учета личностного разнообразия учащихся в процессе творческих занятий; создания комфортной атмосферы и гуманистического взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Мы полагаем, что организация и реализация психологического сопровождения процесса развития творческого мышления личности средствами искусства на последующих этапах онтогенеза в ходе жизнедеятельности выступает третьим фактором.

Таким образом, именно искусство выступает той благодатной и безграничной сферой, в которой таятся огромные ресурсы для развития творческого мышления не только младшего школьника, но и личности на всех этапах онтогенеза. Восприятие произведений искусства — это сложный процесс, в котором есть своя специфика, свои тонкости. Развитый процесс художественно-эстетического восприятия является необходимым условием, обеспечивающим позитивное влияние искусства на миропонимание, характер общения и творческий потенциал формирующейся личности. Через данный процесс воспитываются чувства, оценки, вкусы, суждения, происходят рефлексия и анализ, в конечном итоге осуществляется потребность личности в самоактуализации [4].

К сожалению, преподавание искусства часто ограничивается историей и теорией, не развивая по-настоящему творческое мышление учащихся, в результате чего у них не формируется столь необходимый для разностороннего развития личности невербальный, творческий тип мышления с его образностью, ассоциативностью, интуитивным познанием художественной идеи и авторской концепции.

При своевременной организации и проведении работы по развитию творческого мышления ребенка сред-

ствами искусства не только приобретаются отдельные знания и умения, не только формируются важные психические процессы, но и происходит изменение отноше-

ния к действительности, возникают новые, более высокие мотивации деятельности и творческие жизненные стратегии личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова В. Е. Производство искусства в мире художественной культуры. М., 1988.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 2010.
3. Командрышко Е. Ф. Педагогический потенциал искусства в творческом развитии учащейся молодежи: интегративный подход. Монография. — М.: Издательство «ИХО РАО», 2011.
4. Маковец, Л. А. Митасова, Л. А. Воспитательное значение искусства в процессе инкультурации молодежи: теоретико-методологический аспект. Серия «Научные труды РГСАИ». Материалы международной научно-практической конференции. Москва 22–24 апреля 2015 г. С. 451–455
5. Маковец Л.А., Митасова С. А. Артпедагогика: смыслообразование посредством искусства Актуальные проблемы современной педагогики и психологии в России и за рубежом. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. — № 3. Новосибирск, 2016. — С. 155–156.
6. Орлова, С. Н. Психологические факторы развития творческого мышления личности: монография / С. Н. Орлова. — Красноярск: СибГТУ, 2009. — 285 с.
7. Орлова, С. Н. Развитие творческого мышления личности: монография / С. Н. Орлова. — Красноярск: СибГТУ, 2014. — 196 с.
8. Федоров А. В. Медиаобразование: История, теория и методика. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР, 2001. — 708 с

© Маковец Людмила Анатольевна (makovez@mail.ru), Орлова Светлана Николаевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ, АКТИВНО ИСПОЛЬЗУЮЩЕЙ РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

SPECIAL FEATURES OF SOCIAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN ACTIVE USE OF VARIOUS TYPES OF INTERNET COMMUNICATION

N. Samsonova

Summary. The article draws attention to how the preference for Internet communication rather than for live communication in the youth environment changes the stereotypes of the social behavior of young people, it accentuates and fixes certain forms of behavior, communication and self-presentation strategies, which are increasingly common in the youth community. Knowledge of the characteristics of the changed behavior, especially its negative aspects, will allow to provide targeted assistance in the correction of non-adaptive communication strategies, develop prosocial forms of behavior. The purpose of the article is to study the features of social behavior of active young users of the Network, depending on the types of Internet communication they prefer.

Keywords: Internet communication; demonstrativeness; social desirability; the value of communication; social facilitation; publicity.

Самсонова Надежда Николаевна

Аспирант, Московский государственный
Областной университет
nikolaevna_na@mail.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на то, как предпочтение интернет-коммуникаций живому общению в молодёжной среде изменяет стереотипы её социального поведения, акцентируя и закрепляя определённые формы поведения, стратегии общения и самопрезентации, всё более распространяемые в молодёжном сообществе. Знание особенностей изменённого поведения, особенно его негативных моментов, позволит оказывать адресную помощь в вопросах коррекции неадаптивных стратегий коммуникации, развивать просоциальные формы поведения. Целью статьи является изучение особенностей социального поведения активных молодых пользователей Сети в зависимости от предпочитаемых ими видов интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: интернет-коммуникации; демонстративность; социальная желательность; ценность общения; социальная фасилитация; публичность.

Среди современных учёных нет единообразия во взглядах на точное определение интернет-коммуникаций. В нашем исследовании основу понятия составляет типология коммуникаций А. В. Соколова, где социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном пространстве и во времени [5, с. 94]. В таком случае интернет-коммуникация, в отличие от живого общения, рассматривается как передача информации, проходящей по каналам интернета с использованием различных средств связи. Обычно синонимами считаются такие понятия, как электронная коммуникация, интернет-общение, компьютерно-опосредованная коммуникация, виртуальный дискурс и др. [2]. Для исследования нами выделены следующие виды интернет-коммуникаций: видеочаты, электронная почта, мессенджеры, видеохостинг YouTube, онлайн-трансляции, блоги (публичные дневники), форумы и социальные сети.

Молодые люди являются самой активной социальной группой, использующей различные виды интернет-общения [7]. Данная работа направлена на изучение взаимосвязи особенностей социального поведения и предпочитаемого вида интернет-коммуникаций молодых пользователей 20–25 лет. В этом возрасте они стоят перед определением своего отношения к жизни обще-

ства и выбором собственной социальной значимости, поэтому и наиболее привлекательны для изучения особенностей их поведения в зависимости от используемых ими видов интернет-коммуникаций.

Выборка составила 220 человек (60% женщин и 40% мужчин), которые в разной степени были приобщены к интернет-общению.

Исследование проводилось в три этапа. Использовались следующие эмпирические методы исследования: анкетирование виртуального поведения (авторская методика); тест на демонстративность Посыпановой О.С.; шкала социальной желательности Д. Кроун, Д. Марлоу; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса; вторичный анализ данных.

Обработка материала проходила с помощью статистических методов: корреляционного анализа данных r-Пирсона, анализа средних значений и дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса.

На первом этапе с помощью анкетирования участников делили на три группы активности в киберсреде — низкий, средний и высокий уровень интернет-активно-

Рис. 1. Особенности социального поведения молодёжи, использующей разного вида интернет-коммуникации

сти, последний мы описываем в этой статье. Группы были разбиты по статистически значимым различиям с помощью критерия Краскела-Уоллиса. Далее отбирались пользователи интернет-коммуникаций высокого уровня активности. В данную группу входили молодые люди, ежедневно использующие виртуальное общение с большим количеством виртуальных контактов, открытые новым интернет-знакомствам. Они используют разные виды интернет-коммуникаций дома, на улице, в транспорте, на работе, в кафе, в одиночку и с друзьями; часто публикуют информацию о себе, подкрепляя её электронными фотографиями (селфи), комментируя и оценивая чужие посты. Они считают общение главной целью нахождения в виртуальных сетях [3].

На втором этапе исследования с помощью психологических тестов и статистического анализа выделялись социально-психологические особенности поведения пользователей интернет-коммуникаций. Были выявлены следующие связи между группами интернет-активности и особенностями социального поведения (различия достоверны при условии, что $p < 0,05$; высокая корреляционная связь $r > 0,7$):

1. Демонстративность ($p < 0,001$, $r = 0,821$).

У группы активных пользователей интернет-коммуникаций чаще проявляется демонстративный стиль поведения, это замечается в регулярных селфи, в изменении внешности (косметологические и пластические операции), в усилении нарциссических качеств (прихорашивание, смотрение в зеркало).

2. Социальная желательность ($p < 0,05$, $r = 0,796$).

Чем чаще молодой пользователь использует интернет-общение, тем выше наблюдается социальная желательность. Активному пользователю важно, как его оценят («лайкнут») в социальных сетях; он становится более зависим от мнения группы, в том числе виртуальной. Вызывают интерес исследования Американские учёные (Greenwood Dara N., 2013–2015 гг.) в процессе исследования выявили, что активные пользователи Facebook и Twitter более подвержены просоциальному поведению [6].

3. Ценность общения ($p < 0,05$).

Ценность общения у более активных пользователей интернет-коммуникаций проявляется в жизнерадостности и чуткости, а также в поиске социальной поддержки как ведущей копинг-стратегии.

4. Социальная фасилитация ($p < 0,05$).

Группа высокоактивных пользователей чувствует необходимость регулярных публикаций событий своей жизни и ждёт какую-либо реакцию в виртуальном сообществе, поэтому получается своеобразный постоянный «эффект присутствия других», а отсюда боязнь недооценки или неоценки виртуального сообщества и сниженное внимание к реальному окружению.

5. Публичность ($p < 0,01$).

Публичность высокоактивных пользователей проявляется в их подражании и фантазировании о собственной популярности.

На третьем этапе исследования пользователи интернет-коммуникаций высокой активности были поделены на подгруппы по предпочтению конкретного вида ин-

тернет-общения, такого как социальные сети, мессенджеры, видеочаты, видеохостинги, онлайн-трансляции, электронная почта, форумы и блоги. С помощью статистического анализа по критерию Краскела-Уоллиса были раскрыты особенности социального поведения молодежи каждой из подгрупп (рисунок 1).

Таким образом, мы получили зависимость между доминирующим стилем социального поведения молодого человека и предпочитаемым им видом интернет-коммуникации (различия достоверны при условии, что $p < 0,05$). Демонстративные личности чаще используют видеочаты ($p < 0,01$), например Skype, FaceTime и др., и ведут онлайн-трансляции ($p < 0,01$), в которых могут «показать» себя, свою внешность, быть в центре внимания как герои фильма.

Молодые люди с завышенной социальной желательностью предпочитают общаться по электронной почте типа mail, google, gmail, yandex ($p < 0,05$) и взаимодействовать на форумах ($p < 0,01$). Данные виды интернет-коммуникаций не нуждаются в мгновенном обмене сообщениями, поэтому считаются более формальными; например, на форумах обычно придерживаются правил нетикета, и в случае их нарушения пользователь блокируется. Такой вид коммуникации в большей степени предполагает социально-одобрительные комментарии.

Логично вытекает взаимосвязь ценности общения и использования мессенджеров и чатов типа WhatsApp, Viber ($p < 0,001$), так как данный вид общения помогает всегда оставаться «на связи», мгновенно передавать видеосообщения.

Молодёжь с сильным проявлением социальной фасилитации предпочитает социальные сети Facebook,

ВКонтакте, Одноклассники, Instagram и др. ($p < 0,05$). С их помощью можно презентовать себя через виртуальный образ, регулярно сообщать информацию о себе, потому что, если пользователь долго не публикуется, складывается мнение, что с ним ничего интересного и нового не происходит. Всё это приводит к желанию приукрасить действительность, показать на персональной странице свою жизнь ярче, насыщеннее, полнее, так как для активного пользователя крайне важна реакция окружающих.

Видеохостинг YouTube ($p < 0,01$) и блоги ($p < 0,05$) чаще используют молодые люди со стремлением к публичности. Они стараются повысить свой рейтинг за счёт просмотров видеофильмов и ведения блогов, создавая их как можно более интригующими, даже шокирующими, чтобы завоевать популярность. При этом для блогеров в основном не имеет значения качество аудитории, для них важно количество подписчиков.

Таким образом, обращение молодого активного пользователя к тому или иному виду интернет-коммуникации позволит получить представление об особенностях социального поведения личности. Результаты могут быть полезны как в научной области, так и в практической сфере. Использование данной модели может применяться как на межгрупповом уровне, например при управлении персоналом, так и на межличностном, выбирая в зависимости от цели более результативный вид интернет-коммуникаций при работе с молодыми людьми. Также при создании рекламной кампании в менеджменте или политике с помощью выбора определённого вида коммуникации можно найти необходимую целевую молодёжную аудиторию и продумать более эффективную стратегию взаимодействия с ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Е. П. Психология интернет-коммуникаций: учеб. пособие / Е. П. Белинская. — М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. — 192 с. — (Серия «Социальная психология»).
2. Жохова Л.А., Жохова Н. Н. Особенности построения электронного дискурса // Международный научно-исследовательский журнал (электронный). Выпуск № 7 (49). Часть 3, июль. Психологические науки. — Екатеринбург, 2016. — INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL, ISSN2303–9868 PRINT, ISSN2227–6017. DOI: 10.18454/IRJ.2016.49.121. — С. 138–140.
3. Жохова Н. Н. Влияние социальных сетей на поведение современной молодежи // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки». Психологические науки. — Белгород, 2017. Том 5, № 4, май. — ISSN2412–6608. — С. 199–202.
4. Жохова Н. Н. Влияние интернет-коммуникаций на социальное поведение // Материалы научно-практической конференции с международным участием: Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. Отв. редактор А. Ю. Нагорнова. Тольятти, 27–28 ноября 2014 г. Издательство: SIMJET (Ульяновск), 2014. С. 370–375.
5. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. — 461 с.
6. Greenwood Dara N. Fame, Facebook, and Twitter: How Attitudes About Fame Predict Frequency and Nature of Social Media Use / Psychology of Popular Media Culture 2013, Vol. 2, No. 4. P. 222–236.
7. Исследование: какими соцсетями пользуются россияне. URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/2015/06/24/125051.phtml> (дата обращения: 30.08.2017).

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, НЕСУЩИХ СЛУЖБУ С ОРУЖИЕМ

PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF PSYCHOLOGICAL ESCORT OF THE EMPLOYEES OF A PENAL CORRECTION SYSTEM SERVING WITH WEAPON

I. Suchkova

Summary. In article features of activities of divisions of protection of Russian Federal Penitentiary Service for Primorsky Krai are described: extreme conditions, including the main a stress factors, influencing employees; main problems of personnel selection and organization of psychological maintenance. The factors interfering effective office activity of staff of departments of protection are reflected. The analysis which is carried out in work includes attempt of development of additional selection criteria of experts in security service taking into account specifics of use of weapons.

Keywords: extreme conditions, psychological readiness, motivation, personnel selection, use of weapons, success of the professional.

Сучкова Ирина Васильевна

*Подполковник внутренней службы, заместитель начальника межрегионального отдела психологической работы, ГУФСИН России по Приморскому краю
shira78@mail.ru*

Аннотация. В статье описаны особенности деятельности подразделений охраны ГУФСИН России по Приморскому краю: экстремальные условия, в том числе основные стресс-факторы, воздействующие на сотрудников; основные проблемы кадрового отбора и организации психологического сопровождения. Отражены факторы, препятствующие эффективной служебной деятельности сотрудников отделов охраны. Анализ, проведенный в работе, включает попытку разработки дополнительных критериев отбора специалистов в службу охраны с учетом специфики применения оружия.

Ключевые слова: экстремальные условия, психологическая готовность, мотивация, кадровый отбор, применение оружия, успешность профессионала.

Служебная деятельность сотрудника отдела охраны ФСИН России, как представителя силовых структур, стоящего на защите интересов общества, относится к экстремальным видам деятельности. Её специфика определяется высоким уровнем нервно-психического напряжения, высокой вероятностью возникновения служебных ситуаций, опасных для жизни и здоровья как сотрудника, так и окружающих людей [1, с. 75]. Отдел охраны — это боевое подразделение, выполняющее основную функцию пенитенциарной системы. Человек на вышке является символом соблюдения законности и порядка. Именно его способность своевременно применить оружие обеспечивает изоляцию от общества лиц, нарушивших закон. Однако практика показывает, что поддержание боеготовности личного состава при отсутствии реальных действий достаточно затруднительно. Застой в службе приводит к снижению требовательности к себе, ухудшению наблюдательности и расчетливости. Известно, что при попытках совершения побега из мест лишения свободы, преступники делают ставку именно на низкую бдительность и недостаточную оперативность действий сотрудников дежурных смен и караулов.

Анализ эффективности деятельности подразделений охраны в части пресечения преступных действий

лиц, изолированных в учреждениях ФСИН России показывает, что количество побегов из-под стражи сохраняется стабильно высоким. Так, в 2014 году осужденными осуществлено 16 попыток побега, в 2015 году из учреждений ФСИН России 8 случаев, в 2016 году — 12 попыток. Более, чем в 50% случаев сотрудниками, с целью пресечения преступных намерений лиц, содержащихся в местах лишения свободы, использовалось оружие. В период с 2015 по 2017 год отмечается нарастание деструктивной активности заключенных, вынашивающих намерения побега. Если в 2015 году ни в одном из случаев побега оружие не использовалось, то в 2016 из 12 попыток в 4-х случаях использовалось оружие, в 2017 году во всех случаях совершения заключенным побега (8 случаев), часовым использовалось оружие. Действия криминально зараженной категории граждан, вынашивающих намерения совершить побег из мест лишения свободы, продолжают носить дерзкий характер, включая угрозы и нападения на сотрудников учреждений. Подобные чрезвычайные происшествия могут негативно влиять на выполнение задач уголовно-исполнительной системы, дестабилизируя оперативную обстановку в учреждениях и вызывая недоверие к способностям органов государственной власти должным образом исполнять свои обязанности.

Заслуживает отдельного внимания и профессионализм сотрудников, несущих службу с оружием. В сравнении с 2014 годом в 2015 количество случайных выстрелов, допущенных сотрудниками отделов охраны, возросло в 2,2 раза, что с одной стороны является результатом нарушения мер безопасности и пренебрежительным обращением с оружием, а с другой — недостаточной сформированностью психологических качеств, обеспечивающих успешность выполнения профессиональных задач. «Психологическая подготовка персонала является сегодня одним из уязвимых звеньев в общей системе обеспечения безопасности. Именно нравственные и психологические дефекты занимают лидирующее положение в списке типичных причин трагичных инцидентов» [3, с. 3]

Приведенная статистика подчеркивает значимость подготовки лиц, участвующих в пресечении преступных действий осужденных и лиц, заключенных под стражу.

Психологическая подготовка сотрудников к применению оружия на поражение обеспечивает безопасность граждан, напрямую связана с государственной безопасностью и является гарантом того, что преступник ни на секунду не должен усомниться в неотвратимости пресечения его противоправных действий.

Актуальность данной проблематики продиктована в первую очередь недостаточной изученностью психологических аспектов деятельности подразделения охраны, являющимся одним из самых многочисленных по количеству сотрудников подразделением ФСИН России. Обычно данный вид деятельности относят к экстремальным (Т.А. Немчин, В.Г. Андросюк, В.И. Лебедев, Г.В. Суворов, М.П. Мингалиева, Т.С. Назарова и В.С. Шаповаленко, Б.А. Смирнов, А.В. Тимченко, А.М. Столяренко, В.Н. Смирнов и др.). Этому служит ряд причин, одна из которых — рассогласование ритма сна и бодрствования. Функционирование организма человека подвержено суточной периодичности. Суточные ритмы активности и покоя, обменных процессов, работоспособности в постоянных условиях являются достаточно устойчивыми. При сдвигах от 3 до 12 часов начинаются функциональные перестройки в организме, последствиями которых являются снижение процессов торможения и возбуждения, утомление, сонливость, нарушение сна, снижение работоспособности [4, с. 16]. Режим работы сотрудников отдела охраны уголовно-исполнительной системы включает в себя суточные дежурства — 12 либо 24 часа. В течение дежурства сотрудник часть времени несёт непосредственную службу часового, часть времени ему предоставляется для отдыха, причём отдых не тождественен сну. Находясь на посту, часовому

запрещено принимать пищу, спать, вести разговоры, справлять естественные надобности, заниматься любой деятельностью, не предусмотренной должностной инструкцией. Основная задача сотрудника — контролировать сектор наблюдения, закрепленный за постом. Из самоотчетов младших инспекторов отдела охраны, которые непосредственно заступают на пост часового, следует, что на определенном этапе службы неизбежно наступают изменения суточных ритмов, а именно — нарушения сна, выражающиеся в изменении продолжительности сна, его прерывистом характере, бессоннице, которые затрудняют полноценное восстановление организма и, как следствие, снижают адаптационные возможности организма. Из опыта взаимодействия с сотрудниками, чья служба носит систематический суточный характер, можно сделать вывод, что на субъективном уровне нарушения сна носит максимально негативный характер, отражаясь на физиологическом состоянии (ощущение постоянной усталости, сонливости, вялости) и эмоциональном (апатия, раздражительность, подверженность влиянию негативных эмоций).

Условия лимита и дефицита времени для принятия решения по пресечению преступных действий осужденных также позволяют отнести деятельность сотрудника отдела охраны к экстремальной. Служебные ситуации, требуют от часового максимально слаженных, чётких, хорошо скоординированных и подготовленных действий. Вероятность и периодичность возникновения таких ситуаций носит непредсказуемый характер, что требует от сотрудника караульной службы постоянной бдительности и готовности пресечь преступные действия. К ним относятся нападение на пост; приближение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений к запрещенным ограждениям; переброс вещей, предметов через охраняемое ограждение; проникновение посторонних лиц; возникновение массовых беспорядков или групповых нарушений общественного порядка, совершаемых контингентом на территории охраняемого объекта и вблизи него; пожар, стихийные бедствия, аварии и другие явления природного и техногенного характера.

К перечисленным факторам необходимо добавить специфику охраняемого контингента. На фоне современной гуманизации уголовной и уголовно-исправительной практики, пенитенциарные учреждения становятся буферами для скопления наиболее криминализированной категории граждан, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, имеющих длительные сроки наказания и низкую мотивацию к законопослушному поведению. Отмечается постоянный рост количества заключенных с психическими патоло-

гиями, алкоголизмом, наркоманией, что существенно затрудняет прогнозирование и контроль их поведения. Таким образом, готовность часового на посту действовать в режиме дефицита времени, является одним из необходимых профессионально-важных качеств.

Невозможно исключить из перечня экстремальных факторов в деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений условия групповой изоляции, которой подвержены все сотрудники, в том числе лица, несущие службу с оружием. Их деятельность протекает в малочисленных профессиональных группах. Продолжительность рабочего дня (смены) сотрудников отделов охраны, а также удаленность большинства исправительных учреждений от городов и мест большого скопления людей, способствует частичной изоляции сотрудников от прочих социальных групп. Изоляция формирует в служебных коллективах, так называемую пенитенциарную субкультуру (нередко насыщенную спецификой общения с охраняемым контингентом), определяющую интересы, ценности, потребности и смыслы её участников. Негативными последствиями изоляции является высокая скорость распространения слухов, недоверие, эскалация конфликтов без видимых причин, сложности установления адекватных морально-нравственных межличностных отношений, связанных с высокой плотностью взаимодействия за пределами служебной деятельности, доступностью личной, бытовой и социальной информации.

Особое внимание необходимо уделить специфическим условиям службы, предъявляющим особые требования к психофизиологическим параметрам сотрудников. Служба протекает в замкнутом пространстве (пост, караульное помещение), в цветовой гамме преобладают серо-коричневые оттенки, ограниченность пространств и сниженная двигательная активность формирует эффект сенсорной депривации. Большинство служебного времени сотрудник проводит стоя, либо патрулируя пешком порядком закрепленные объекты. Данная деятельность максимально подвергается негативным погодным и сезонным влияниям, что особенно значимо для регионов, где климатические условия имеют выраженные диапазоны низких и высоких температур. В сочетании с фактором угрозы, исходящей от охраняемого контингента, перечисленные условия службы в своей совокупности создают достаточно напряженный и непредсказуемый характер [6, с. 32].

Максимально нагруженным стрессогенным фактором служебной деятельности является несение сотрудниками караула службы с оружием. Ситуация применения оружия психологически характеризу-

ется тем, что на сотрудника действует как минимум два экстремальных фактора. Один из ведущих факторов — необходимость принятия ответственного решения в условиях дефицита времени достаточно подробно изложен нами выше. Вторым фактором является необходимость причинить сознательный вред другому человеку. В данной ситуации, поведение сотрудника будет определяться уровнем профессиональной и психологической подготовленности: способности управлять своим психическим состоянием — затормозить действия, чувства и мысли, мешающие осуществлению принятого решения; принимать и претворять в жизнь быстрые, обоснованные и твёрдые решения; идти на оправданный риск ради достижения цели.

Ежегодно в адрес территориальных органов ФСИН России приходят указания о проведении тренинговых или диагностических занятий с данной категорией сотрудников, направленные на повышение стрессоустойчивости, выявление признаков низкой нервно-психической устойчивости, слабых волевых качеств, деструктивных намерений. Эти указания продиктованы необходимостью постоянного контроля за профессиональными и личными особенностями, обеспечивающими эффективность специалиста, несущего службу с оружием. Среди ошибок, допускаемых в деятельности, встречаются следующие:

- ◆ нарушение алгоритма деятельности (часовой ограничивает свои функции предупредительным выстрелом в воздух, не предпринимая дальнейших действий по пресечению преступного поведения заключенного);
- ◆ ведение беспорядочной, неприцельной стрельбы;
- ◆ небрежность при обращении с оружием;

Все перечисленные факты показывают недостаточную эффективность профессионалов при выполнении служебных обязанностей и диктуют необходимость более тщательной разработки вопросов отбора и профессиональной подготовки.

Анализируя существующую практику психологического сопровождения сотрудников отделов охраны, на современном этапе развития силовых структур необходимо признать наличие дефицита специализированных, апробированных программ, направленных на подготовку сотрудников к несению службы с оружием. Психологами-практиками уголовно-исполнительной системы разработано огромное множество частных (чаще всего краткосрочных) программ, где в качестве основных задач в работе с сотрудниками ставятся следующие: тренировка высших психических функций, обучение навыкам саморегуляции, повышение волевого самоконтроля. Тем не менее, на се-

годняшний день отсутствуют четкие критерии, в соответствии с которыми можно определить степень готовности сотрудника к деятельности, связанной с применением оружия; четко не сформулирована цель данной подготовки; недостаточно представлен характер психологического сопровождения сотрудников, несущих службу с оружием на разных этапах прохождения службы — от «вхождения» в профессию до стадии «высокого профессионализма», что нередко сопровождается профессиональной деформацией и сопутствующими ей последствиями.

Кроме того, необходимо констатировать факт, что внимание специалистов, обеспечивающих сопровождение исправительного процесса в учреждениях УИС, сосредоточено преимущественно на заключенных. Выполняя основную задачу по обеспечению безопасности государства и граждан, приоритетными направлениями деятельности становятся исправление и ресоциализация лиц, преступивших закон, с целью снижения их негативного влияния в процессе отбывания наказания и после освобождения. В свете данной установки, сотрудники, сопровождающие процесс исправления остаются «в тени», их психологическое сопровождение осуществляется по остаточному принципу и направлено не на улучшение профессионально-важных параметров, а своевременную диагностику и профилактику деструктивных показателей.

Несовершенство кадрового отбора профессионалов создает дополнительный повод к исследованию психологических аспектов деятельности профессионала, основной задачей которого является соблюдение порядка и пресечение преступных намерений заключенных. В одном из последних исследований научно-исследовательского института ФСИН России проведен подробный анализ актуальных проблем кадрового отбора и профессиональных компетенций сотрудников подразделений охраны. Соглашаясь с авторами, необходимо признать, что модели «эффективных» и «неэффективных» сотрудников определяются самими психологами-экспертами ведомственных центров профессионального отбора на основании опыта работы и профессиональных представлений. Четкие критерии отбора не представлены ни в одном нормативном документе, отсутствует психодиагностическая система мотивационно-ценностного отбора кандидатов на службу. Отбор в большей степени сводится к выявлению противопоказаний к служебной деятельности — признаков пограничных состояний, патологий, отклоняющегося поведения. Целью отбора не является определение профессиональной пригодности в узких специализированных профессиональных областях уголовно-исполнительной деятельности. Более того, чаще всего специалисты центров професси-

онального отбора не имеют четкого представления о деятельности, в которую будет включен кандидат. Отбор сводится к «отсеиванию» лиц, отнесенных к «группе риска», а не отбору сотрудников, оптимально соответствующих требованиям служебной деятельности по своим психологическим и психофизиологическим характеристикам [2 с. 75]. Основное внимание при подборе специалистов для охранной деятельности традиционно сводится к диагностике функциональных возможностей кандидата, а также выявлению уровня самоконтроля, эмоциональной устойчивости, показателям тревожности и депрессии, что позволяет сделать вывод об общем психологическом статусе кандидата на момент проведения обследования. Прогнозирование его действий при условии специфики профессиональной деятельности, а именно, готовности применения оружия на поражение, не проводится.

Проведя детальный анализ результатов исследований в отношении сотрудников, несущих службу с оружием в контексте специфики уголовно-исполнительной системы, особый интерес представляет изучение мотивационно-побудительных механизмов данной деятельности в таких формах, как ценностные ориентации и значимые смыслы. Готовность к деятельности — это целостное интегральное состояние психики, которое включает следующие компоненты: мотивационный, интеллектуальный, эмоциональный, волевой, психофизиологический. Все перечисленные компоненты, сотрудников отдела охраны являются чрезвычайно важными и востребованными. Стержневым же компонентом является мотивационный — человек готов мобилизовать эмоционально-волевые усилия, сформировать необходимую когнитивную и психофизиологическую базу для выполнения конкретной деятельности в том случае, если им движет определенная побудительная сила, опредмеченная потребность, образ цели. Поэтому сущностью психологической готовности является активизация мотивов служебной деятельности и формирование адекватного смысла каждого конкретного служебного задания [7, с. 59]. При огромном богатстве мотивационной сферы, психологическая готовность характеризуется в первую очередь наличием действенного мотива, побуждающего сотрудника к выполнению профессиональной задачи, понимание значимости и ответственности за порученное дело, наличие рациональной осмысленности, положительной позиции по вопросу предстоящей деятельности [7, с. 60].

Анализируя мотивационную составляющую психологической готовности необходимо признать ее противоречивый характер. Так, в социально-правовом аспекте, применение оружия носит чаще всего

действительный и значимый смысл защиты общества, себя, своей семьи от преступников. В личностном же аспекте данный параметр требует дополнительно-го исследования — личных мотивов на совершение убийства или ранения преступника, совершающего побег (наиболее распространенная практика применения оружия касается в первую очередь данных преступных действий) не имеет ни один сотрудник. Напротив, лица с высоким уровнем агрессивности, мстительности, склонности к насилию тщательным образом выявляются и не допускаются к служебной деятельности. Таким образом, возникает феномен «борьбы мотивов», столкновения разнонаправленных мотивационных тенденций, что может стать источником внутрличностного конфликта. В нашем случае, это с одной стороны — тенденции безопасности и выполнения долга, с другой — тенденции разрушения и насилия. С одной стороны, часовой выполняет свой профессиональный долг, действуя согласно приказу, но с другой — он потенциально должен быть готов к применению оружия, что представляет угрозу для жизни и здоровья осужденного. Усугубляется ситуация случаями, когда часовой видит заключенного

впервые; имеются внешние сходства с кем-то из близких людей; в опыте часового никогда не было ситуаций применения оружия в отношении живого человека [5, с. 3]. Также, существенным препятствием для выполнения служебных обязанностей может стать наличие у сотрудника религиозных убеждений, соблюдение которых запрещает выполнение действий, связанных с угрозой для жизни. Таким образом, наличие, содержание, интенсивность и характер протекания внутрличностного конфликта, возникающего на стыке ведущих ценностных смыслов и мотивов поведения человека, является с нашей точки зрения, ведущим экзистенциальным фактором, определяющим успешность профессионала в несении службы с оружием. Не снижая значимости прочих составляющих феномена психологической готовности к использованию оружия, представляет интерес выявление наиболее эффективных мотивационных комплексов, их сочетаний с другими элементами психологической готовности, наличие компенсаторных явлений в психологическом и личностном статусе сотрудника, обеспечивающих в конечном итоге его профессиональную успешность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А. Изучение общепрофессиональных качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны уголовно-исполнительной системы на основе экспертной оценке// Прикладная юридическая психология. № 1. 2008
2. Бовин Б. В., Казберов П. Н., Кокурин А. В., Красов Д. А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы наказаний России// Прикладная юридическая психология 2009 № 3
3. Кокурин А. В., Мокрецов А. И. Психопрофилактика чрезвычайных происшествий сотрудников УИС// Ведомости УИС 2007 № 9
4. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях М. Изд-во политической литературы, 1989 г.
5. Мошнович К. Ю. Психологическая подготовка сотрудников отдела охраны к применению огнестрельного оружия на поражение (Экзистенциальный подход). Методические рекомендации, Киров, 2007.
6. Овчарова Е. В. Психические состояния сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием и их краткосрочная коррекция. Диссертация канд-та наук, Рязань, 2013 г.
7. Ушатиков А. И., Ковалев О. Г., Семенов Н. А. Психологическая подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений к действиям в экстремальных условиях, Рязань, 1997 г.
8. Указание ФСИН России по 28.12.2015 № 9–82318
9. Указание ФСИН России от 22.12.2015 исх-02–81642
10. Указание ФСИН России от 28.12.2015 исх-08–82732

© Сучкова Ирина Васильевна (shira78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ ПЯТИ ЛЕТ С ОНР II УРОВНЯ

PARENTAL RELATIONSHIP AS A FACTOR AFFECT COGNITIVE DEVELOPMENT OF CHILDREN FIVE YEARS OF AGE WITH ONR II LEVEL

**L. Syrvacheva
A. Yakovleva**

Summary. This paper discusses the issues involved in the study of the nature of the parental relationship to the preschool children five years of age with normal speech and General speech underdevelopment, gender and family relations; the influence of parental relationships on cognitive development of children. Identified types of parental relationships, have a negative impact on certain indicators of cognitive development of children with General speech underdevelopment of level II.

Keywords: parent relations, cognitive development, general underdevelopment of speech, preschool children.

Сырвачева Лариса Анатольевна

К.псх.н., доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
SyrvachevaLA@yandex.ru

Яковлева Алена Юрьевна

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
leva2818@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы изучения характера родительских отношений к дошкольникам пяти лет с нормой речи и общим недоразвитием речи, гендерный аспект родительских отношений; влияния родительских отношений на когнитивное развитие детей. Выявлены типы родительских отношений, оказывающих негативное воздействие на определенные показатели когнитивного развития детей с общим недоразвитием речи II уровня.

Ключевые слова: родительские отношения, когнитивное развитие, общее недоразвитие речи, дошкольники.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования, целевыми ориентирами на этапе завершения дошкольного образования, является формирование предпосылок к учебной деятельности, которые включают в себя достаточное развитие познавательно-исследовательской деятельности, любознательности (ребенок задает вопросы взрослым и сверстникам, интересуется причинно-следственными связями); дошкольник обладает начальными знаниями о себе, природном и социальном мире; знаниями и элементарными представлениями из области живой природы, естествознания, математики, истории и т.п. [6]. Формирование предпосылок к учебной деятельности невозможно без когнитивного развития детей.

В педагогической и психологической науке и практике когнитивному развитию детей посвящено множество работ (Л. С. Выготский, Б. Д. Эльконин, Л. В. Занков, В. В. Дружинин, Ж. Пиаже, Н. А. Менчинская, Б. Ц. Бадмаев, Г. А. Берулаева, Дж. Брунер, Н. П. Локалова, и др.), в которых развитие рассматривается с разных сторон. В основном, когнитивное развитие детей рассматривается с двух позиций: первая — когнитивное развитие детей — есть естественный процесс, в котором основные структуры развиваются по мере созревания интеллекта; вторая — когнитивное развитие происходит под воздействием взрослого.

Когнитивное развитие исследуется в самых различных его проявлениях и сущностных характеристиках. Однако, несмотря на различные характеристики и подходы к изучению данного понятия, можно сказать, что когнитивное развитие, которое начинается с рождения, заключается не столько в объеме знаний, сколько в уровне развития познавательных процессов, представляющих динамическую систему качественных и количественных изменений, происходящих с возрастом и с накоплением жизненного опыта [1].

В нашей работе мы вслед за учеными и практиками под когнитивным развитием будем понимать отдельно развивающиеся познавательные процессы: памяти, восприятия, внимания, логики и формирование понятий, где ведущим среди них является мышление.

Одним из факторов, влияющим на психическое развитие ребенка, а значит и его когнитивное развитие, ученые называют детско-родительские отношения в семье (Л. С. Выготский, М. И. Лисина, А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев, Е. О. Смирнова и др.). Эмоционально-волевая, нравственная и интеллектуальная сферы, особенности поведения, характер ребенка формируются в семье. Ребенок чувствителен к родительскому отношению, и со временем осмысляет, любят его родители или нет, нужен он им, значим ли для них. Детские переживания играют определяющую роль в развитии личности.

По мнению А.С. Спиваковской, Е.Т. Соловьевой, В.В. Столина, А.И. Захарова, А.Я. Гозмана, Е.И. Шлягиной, А.Я. Варги, В.А. Смехова, среди причин возникновения того или иного типа родительских отношений важное значение играют передающиеся из поколения в поколение стереотипы воспитания, личностные качества родителей, социокультурные традиции.

Нарушения в диаде «мать-дитя» приводят к психосоматическим и пограничным расстройствам. По мнению Л.В. Яблоковой, достаточно трех месяцев «лишения любви», чтобы в психике ребенка произошли изменения, которые очень трудно или нельзя полностью устранить. Физическое или интеллектуальное развитие ребенка при этом может задерживаться, может идти по искательному пути [3].

Однако, несмотря на то, что проблеме детско-родительских отношений уделяется много внимания, она практически не изучена в отношении детей с общим недоразвитием речи (ОНР), в особенности не изучено влияние детско-родительских отношений на когнитивное развитие этих детей. В частности, нам не удалось найти работ, касающихся влияния детско-родительских отношений на когнитивное развитие детей пяти лет с ОНР II уровня.

Когнитивное развитие имеет особое значение для становления речи дошкольников, так как качество освоения языка, умение анализировать слышимую речь, выделять в ней правила и закономерности является необходимым условием для усвоения языковых структур.

В настоящее время неуклонно растет число семей, воспитывающих дошкольников с различными нарушениями речи. Эта группа является самой многочисленной среди детей с нарушениями развития (Л.С. Волкова, Р.И. Лалаева, В.И. Селиверстов, Т.В. Захарова, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина и др.) [2].

Таким образом, исходя из выше сказанного, можно констатировать, что проблема детско-родительских отношений к дошкольникам с ОНР, как фактор, влияющий на когнитивное развитие этих детей, остается актуальной на сегодняшний день.

Актуальность выявленной проблемы позволила определить цель нашего исследования: изучить особенности детско-родительских отношений и их влияние на когнитивное развитие детей пяти лет с ОНР II уровня.

Для изучения родительских отношений к дошкольникам и определения влияния этих отношений на когнитивное развитие детей с ОНР, были отобраны надежные психодиагностические методики; организовано поэтап-

ное экспериментальное исследование на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 59 комбинированного вида» Советского района города Красноярск.

Исследование проводилось в течение года в два этапа.

На I этапе проходило сравнительное изучение характера детско-родительских отношений в семьях детей 5-ти лет с нормой речи и общим недоразвитием речи. Осуществлялось исследование гендерного аспекта родительских отношений к дошкольникам.

Нами была выдвинута гипотеза, что: родительские отношения к дошкольникам пяти лет с общим недоразвитием речи будут отличаться от родительских отношений к детям пяти лет с нормой речевого развития, в связи с тем, что неполноценная речевая деятельность дошкольника может отразиться на отношении к нему родителей.

Для комплектования групп в начале родителям дошкольников была предложена анкета «Социальный анамнез» из диагностической программы оценки уровня психического развития детей пяти лет [4]. Для получения более полной и достоверной информации о семьях, имеющих детей пяти лет, мы провели тщательное ознакомление с биологическим анамнезом детей (изучение медицинских карт, протоколов диагностического обследования, беседы с медицинским персоналом дошкольных учреждений, воспитателями и логопедами групп, анкетирование родителей). В результате проделанной работы для исследования были отобраны полные семьи, имеющие одного ребенка в возрасте 5-ти лет. Материальное положение семей и образовательный ценз родителей находились приблизительно на одинаковом уровне. В итоге нами были отобраны 60 семей (120 родителей), изучены родительские отношения к дошкольникам пяти лет, из них 30 детей с ОНР II уровня и 30 детей, имеющих нормальное речевое развитие.

Методика «Тест — опросник родительского отношения» А.Я. Варга, В.В. Столина была использована для определения особенностей родительских отношений. Родительское отношение, по определению А.Я. Варги и В.В. Столина, — это сложное переплетение, комплекс всех отношений в семье, система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков.

А.Я. Варга выделяет пять типов отношения родителя к своему ребенку: принятие — отвержение, кооперация,

симбиоз, авторитарная гиперсоциализация, маленький неудачник.

1. Принятие-отвержение — отражает интегральное эмоциональное отношение к ребенку. 2. Кооперация — отражает социально желательный образ родительского отношения. 3. Симбиоз — отражает межличностную дистанцию в общении с ребенком. 4. Авторитарная гиперсоциализация — отражает форму и направление контроля за поведением ребенка. 5. Маленький неудачник — отражает особенности восприятия и понимания ребенка родителем.

Обобщенные результаты исследований на этом этапе, включая гендерный аспект родительских отношений, представлены в статье «Сравнительный анализ характера родительских отношений в семьях детей пяти лет с ОНР и нормой речи» [5].

Результаты исследований подтвердили гипотезу, были выявлены следующие особенности родительских отношений к детям с ОНР II уровня: к ним чаще, чем к дошкольникам с нормальным речевым развитием, оба родителя проявляют такие неблагоприятные типы родительских отношений как: «отвержение», «симбиоз», «отсутствие кооперации» и «авторитаризм». Родители (матери и отцы) «принимают» детей с общим недоразвитием речи реже и «отвергают» чаще; социально-желательный образ родительского отношения проявляют реже, симбиотические же отношения проявляют чаще, нежели к детям с нормой речи. «Авторитаризм» матери проявляют в отношении детей с общим недоразвитием речи на 14,4% чаще и на 17,6% чаще относятся к ним как к маленьким неудачникам, по сравнению с детьми с нормальным речевым развитием. Та же тенденция проявляется и у отцов только менее выраженная: отцы проявляют «авторитаризм» и относятся к детям с ОНР как к маленьким неудачникам чаще, по сравнению с детьми с нормой речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что родительские отношения к детям с ОНР носят в большей степени неблагоприятный характер, чем у родителей к детям с нормальным речевым развитием. Более подробно результаты исследования представлены в выше названной статье.

На II этапе было изучено влияние различных типов родительских отношений на когнитивное развитие дошкольников, имеющих общее недоразвитие речи.

При комплектовании экспериментальных групп мы придерживались тех же принципов, что и на I этапе, с той лишь разницей, что на этот раз для изучения были отобраны только семьи, имеющие ребенка пяти лет с ОНР

II уровня. В результате в исследовании приняли участие 30 семей: 30 детей с ОНР II уровня и 60 родителей этих дошкольников.

Нами условно были выделены две разновидности семей:

- ◆ с неблагоприятным типом родительского отношения («отвержение», «авторитаризм», «симбиоз», «маленький неудачник», «социально нежелательный образ родительского отношения»), когда выявлялось три и более типа таких отношений к ребенку со стороны каждого родителя (19 семей (62%));
- ◆ с благоприятным типом родительского отношения («принятие» ребенка, «социально желательный образ родительского отношения», отсутствие «авторитаризма», «симбиоза», отношения по типу «маленький неудачник»), когда отмечалось три и более типа таких отношений к ребенку со стороны каждого родителя (всего 11 семей (38%)).

Это позволило нам установить негативное влияние неблагоприятных родительских отношений на когнитивное развитие детей, зависимость между типом родительского отношения и отдельными показателями когнитивного развития дошкольников.

Изучение особенностей когнитивного развития детей проводилось с помощью методик, взятых нами из диагностической программы, методики по изучению: слухоречевой и логически опосредованной памяти; сформированности наглядно-образного и наглядно-действенного мышления; сформированности операций обобщения и классификации; умения выделить заданную закономерность и удерживать ее в процессе самостоятельной деятельности [4].

Установлено, что у детей с общим недоразвитием речи из семей с неблагоприятным типом родительских отношений на 36% чаще отмечается низкий уровень когнитивного развития, в сравнении с дошкольниками, воспитывающимися в семьях с благоприятным типом отношений. Так, только 17% детей из семей с благоприятным типом отношений показали низкий уровень когнитивного развития и больше половины детей (53%) из семей с неблагоприятным типом родительских отношений имеют низкий уровень когнитивного развития.

У детей из семей с неблагоприятным типом родительских отношений чаще отмечается низкий уровень когнитивного развития по всем изучаемым показателям, особенно неблагоприятные отношения оказывают негативное воздействие на такие показатели как: сформированность умений устанавливать заданную закономерность и удерживать ее в процессе самостоятельной

деятельности, сформированность операций обобщения и классификации.

Кроме того, выявлено влияние определенных типов неблагоприятных родительских отношений на конкретные показатели когнитивного развития детей. При этом мы рассматривали когнитивное развитие в отношении пяти его составляющих, указанных выше. Так, чаще всего родители проявляют к детям с ОНР такие неблагоприятные отношения как: отсутствие кооперации, «авторитаризм» и «симбиоз», а матери еще и отношение по типу «маленький неудачник». Данные типы отношения негативно влияют на все показатели когнитивного развития детей с речевой патологией, но больше всего на следующие показатели:

- ◆ сформированность умений устанавливать заданную закономерность и удерживать ее в процессе самостоятельной деятельности (у 90% детей — низкий уровень);
- ◆ сформированность операций обобщения и классификации, выявление возможности объединения наглядно представленных объектов на основе выделения ведущего признака (у 73% детей — низкий уровень);
- ◆ сформированность логически-опосредованной и слухоречевой памяти, соответственно у 47% и 37% детей низкий уровень сформированности по данным показателям. Детей с высоким уровнем развития по данным показателям не было вовсе.

Влияние данных типов неблагоприятных родительских отношений на формирование наглядно-образного и наглядно-действенного мышления выявлено не было.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют нам сделать следующие выводы:

- ◆ родители проявляют неблагоприятные типы родительских отношений к детям с общим недоразвитием речи чаще, чем к детям с нормальным речевым развитием;
- ◆ родительские отношения являются фактором, влияющим на когнитивное развитие детей пятилетнего возраста;
- ◆ неблагоприятные отношения родителей к детям пяти лет с ОНР II уровня являются негативным фактором, влияющим на все показатели когнитивного развития ребенка;
- ◆ неблагоприятные отношения родителей оказывают негативное воздействие чаще всего на следующие показатели когнитивного развития: формирование умений выделять заданную закономерность и удерживать ее в процессе самостоятельной деятельности и на формирование операций обобщения и классификации.

Выявленные закономерности необходимо учитывать специалистам в работе с детьми пяти лет с общим недоразвитием речи и их родителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров В. С. Генезис артефактов когнитивного развития / В. С. Гончаров // Психолого-педагогические исследования в системе образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 3. Москва-Челябинск: Образование, 2004. С. 13–15.
2. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Логопсихология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с.
3. Сырвачева Л.А., Уфимцева, Л. П. Специфика родительских отношений и их влияние на психическое развитие дошкольников с перинатальным поражением ЦНС: монография. — Красноярск, 2014. 316 с.
4. Сырвачева Л.А., Уфимцева Л. П. Диагностическая и коррекционно-развивающая работа с детьми 4–5 лет группы риска по отклонениям развития: учебное пособие: электронное издание / Красноярск, гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2014. 232 с.
5. Сырвачева Л.А., Яковлева А. Ю. Сравнительный анализ характера родительских отношений в семьях детей пяти лет с ОНР и нормой речи / Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. г. Санкт-Петербург, 2017. С. 162–165.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования № 1155, 2013. 30 с.

© Сырвачева Лариса Анатольевна (SyrvachevaLA@yandex.ru), Яковлева Елена Юрьевна (leva2818@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «НЕНАСИЛИЕ»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ЕГО ФИЛОСОФСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Донцов Никита Вадимович

Финансовый Университет при Правительстве РФ
NVdontsov@gmail.com

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF NON-VIOLENCE: THE HISTORY OF THE QUESTION AND ITS PHILOSOPHICAL AND ETHICAL INTERPRETATION

N. Dontsov

Summary. The relevance of the research topic primarily due to the modern scientific paradigm of humanitarian — anthropocentric and, in particular, sustained by the interest of modern science to the human being as a person and role of the studied objects (in this case non-violence) to humans.

The concept of «nonviolence» means a categorical refusal to put himself in a human relationship above the other, to judge him. The ethics of nonviolence ties into one inextricable knot the salvation of man and the salvation of the world, and believes that this way of salvation is through nonviolence.

The purpose of this scientific article is to determine the characteristics of formation and specific characteristics of an ethics of non-violence as an ethical paradigm. To achieve this goal in this paper has accomplished the following:

- 1) the history of the development and content of the ethics of non-violence;
- 2) an overview of manic politicians, educators and philosophers, regarding the power of non-violence.

Keywords: nonviolence, gumanisticheskaya paradigm, social life, the salvation of man, middle Ages, Renaissance.

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, современной научной гуманитарной парадигмой — антропоцентрической и, в частности, устойчивым интересом современной науки к человеку как личности и роли изучаемых объектов (в данном случае — ненасилия) для человека.

Понятие «ненасилие» означает категорический отказ от того, чтобы ставить себя в человеческом отношении выше другого, быть ему судьей. Этика ненасилия связывает в один неразрывный узел спасение человека и спасение мира, и полагает, что путь такого спасения лежит через ненасилие.

Целью данной научной статьи является определение особенностей становления и специфических характеристик этики ненасилия как этической парадигмы. Для достижения поставленной цели в данной работе было сделано следующее:

- 1) рассмотрена история развития и содержание этики ненасилия;
- 2) сделан обзор мнений политиков, педагогов и философов по поводу силы ненасилия.

Ключевые слова: ненасилие, гуманистическая парадигма, общественная жизнь, спасение человека, Средневековье, Эпоха Возрождения.

«Ненасилие» — этический, культурологический и социально-философский «принцип, согласно которому границы морали совпадают с отрицанием насилия» [5].

Термин «ненасилие» аналогичен в немецком языке понятию «Gewaltlosigkeit», в английском и французском «nonviolence» — является не точным переводом с санскрита термина «ahimsā», обозначающий — неубиение — «непричинение вреда всему живому в физическом, ментальном, эмоциональном и моральном планах» [8].

Возникновение ненасилия, как ценности, возможно, связана с формированием антропологического мировоззрения в эпоху Осевого времени (нем. Achsenzeit), которую обозначил К. Ясперс [14].

Идея ненасилия — нормативная конкретизация понятия «золотое правило нравственности» [8].

Принцип ненасилия, в данную эпоху, находит свое актуальное присутствие во многих религиях и проявлениях духовной культуры (Например, именно понятие «ахимса» (санскр, ahimsā) или схожему с ним, по основным свойствам, понятию «у-вэй», обозначающему «не-деяние» или «созерцательная пассивность», отводится главное значение в религиозно-философских и нравственно-этических учениях даосизма, джайнизма, буддизма, йоги [10, С. 23]).

В период Средневековья, Возрождения, Просвещения и Нового времени христианская ценность «ненасилие» и «непротивления злу» не были интерпретированы как

обязательные этические ценности человека: даже христианские теологи и гуманисты оправдывали насилие, в разных формах, как возможное орудие справедливости: например «справедливые войны» у Августина[1], «смертную казнь» у И. Канта: «Итак, сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам» [6] и др.

Важнейшая трансформация взглядов на понятие ненасилие изменение во взгляде на ненасилие связана в первую очередь, с философами, общественными деятелями Л. Н. Толстым, М. Ганди, М. Л. Кингом. Они понимали идею ненасилия как первопринцип нравственности, который либо абсолютно не допускает насилия в практическом использовании, либо его допускает в крайне ограниченных случаях.

Толстой полагал, что главным основанием большинства религиозных и гуманистических философских учений является правило любви, в самом широком смысле слова. Данное правило, в практическом смысле реализуется в принципе «непротивление злу» Правило любви и непротивление злу, по его словам, наиболее глубоко и содержательно выражено в Евангелие.

М. Ганди, будучи идейным последователем Л. Н. Толстого, полагал все мировые религии соответствующими гуманистическим, нравственным ориентирам и закону любви. Ганди, будучи политиком пытался интерпретировать феномен «ненасилие» в социальной практике. Для этого он сформулировал новое понятие «сатьяграха» (санскр. atyāgraha, «стремление к истине», «упорство в истине»).

Кроме того, М. Ганди понимал ценность «ненасилие» как основу обыденной общественной жизни. Теоретический и практический опыт ненасильственной борьбы в Индии использовал американский священник М. Л. Кинг в «Движении за гражданские права чернокожих в США» (англ. Civil Rights Movement), развернувшейся в 50–60-е гг. XX в. Основные принципы этой борьбы Кинг обозначил в труде «Паломничество к насилию» [7, С. 168–181]:

- ◆ во-первых, практика ненасилия — это борьба и путь только для сильных людей;
- ◆ во-вторых, использование принципа «ненасилие» неизбежно обращено к совести и разуму оппонента;
- ◆ в-третьих, идея ненасилия направлена против зла, заключающегося в человеке, но не против самого человека, делающего зло;
- ◆ в-четвертых, сторонник идеи ненасилия обязан принимать полученные, по отношению к себе, страдания без ответной мести;

- ◆ в-пятых, сторонник практики ненасилия должен стремиться избегать применения не только физического насилия, но и насилия в желаниях и помыслах, по отношению к другому, и побеждать оппонента духовной любовью;
- ◆ в-шестых, идейная основа практики ненасилия заключается в вере в онтологическую справедливость бытия и души человека.

Таким образом, феномен «ненасилие» с неизбежностью актуализирован в современном культурном и социально- философском пространствах: он возник в Древней философии Индии и Китая, трансформировался в духовной культуре христианства; присутствовал как ценность в Средневековье, Возрождении, Просвещении и Новом времени, использовался в учении «непротивление злу» Л. Н. Толстым, понятии «сатьяграха» М. Ганди, а затем в практике обращения к совести врага в «Движении за гражданские права чернокожих в США» М. Л. Кинга.

Слово «ненасилие» в последние годы стало довольно популярным в мире. Распространение идеи ненасилия в современном общественном сознании представляет несомненный факт. Но было бы наивным полагать, что идея ненасилия обретает практические очертания, становится фактом общественной практики. Скорее, наоборот, насилие возросло как на уровне государства, так и на уровне индивидуального поведения.

Люди легко прибегают к насилию (прямо или косвенно) в самых разнообразных конфликтных ситуациях. Рост насилия во всех его формах, возможно, соразмерен снижению действенности государственно-административных и правоохранительных институтов общества. Вне меньшей степени здесь сказалось и резкое падение общественных нравов и общественной дисциплины.

В начале третьего тысячелетия, когда рост насилия является доминирующей тенденцией в мире, все большее значение для человечества приобретает идея ненасилия, которая в силу отхода от вульгарно-социологических концепций привлекает сегодня внимание все большего числа людей во всем мире.

Оппозицией насилию, а вместе с тем единственным адекватным средством борьбы за социальную справедливость является ненасилие. Во-первых, ненасилие предполагает решение различных социальных конфликтов через сотрудничество. Оно исходит из убеждения, что любой индивид обладает правом достойного выбора. Оно нацеливает на то, чтобы понять противоборствующую сторону, признать законность её интересов и притязаний. Сам поиск компромисса является совместным. Во-вторых, ненасильственные формы

урегулирования конфликтов являются массовыми, требующими активного участия и сознательных решений со стороны всех индивидов, вовлеченных в данный конфликт. В-третьих, ненасилие требует от индивидов исключительного напряжения познавательных и нравственных сил — познавательных, ибо ситуация ненасилия стремится положительно учесть все многообразие окружающей действительности.

Идея ненасилия возникла еще в эпоху древности. Она обнаруживается в любой религиозной и философско-этической системе. Огромный вклад в разработку жизнеутверждающей идеи внесли Г. Торо, Э. Балу, Л.Н. Толстой, М. Ганди, М.-Л.Кинг, Н.К. Рерих, А. Швейцер и др. Сегодня идея ненасилия стала предметом исследования философов А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна, Е.Д. Мелешко, А.Б. Грамолина, педагога В.А. Ситарова, психолога В.Г. Маралова и др.

Осмыслить идею ненасилия нельзя вне ее соотношения с понятием насилия. Насилие, как свидетельствует этимология слова, есть применение силы, опора на силу, действие с помощью силы. Но насилие — не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. От других форм общественного принуждения насилие отличается тем, что оно доходит до пределов жестокости, характерных для природной борьбы за существование. Не случайно насилие прямо отождествляется (во всех его многообразных проявлениях) со злом вообще.

Ненасилие выступает как альтернатива насилию, как путь, метод, позволяющий строить отношения с миром не на разрушительной, а на созидательной основе, как некий универсальный принцип, регулирующий отношение человека к миру и другим людям. Являясь выражением любви, будучи особым жизнеутверждающим принципом, нормативной программой личного и общественного поведения, он знаменует преодоление субъектом, исповедующим его, собственного эгоцентризма и способности к позитивному взаимодействию.

Противники идеи ненасилия, опираясь на тезис о злом начале в человеке, ставят вопрос об оправданности насилия, возможности его использования в определенных ситуациях. Обычный довод состоит в том, что насилие оправдано в сравнительно малых дозах, — в тех случаях, когда оно предотвращает большее насилие, которое к тому же никаким иным способом предотвратить невозможно. На это А. А. Гусейнов замечает, что не существует единицы измерения насилия. Проблема становится особенно безнадежной, когда речь идет об упреждении насилия [5]. Л.Н. Толстой говорил: пока насилие

не совершено, никогда нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что оно будет совершено и потому попытки оправдать одно насилие необходимостью предотвращения другого всегда будут логически уязвимыми и нравственно сомнительными [13].

Ненасильственная борьба вписывается в общую концепцию, согласно которой душа человека является ареной столкновения добра и зла. «Даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла!» [7, С. 168–181], — пишет М.-Л. Кинг. Считать человека злым существом — значит клеветать на него. Считать человека добрым существом — значит льстить ему. Признавать моральную амбивалентность природы человека — значит воздать ему должное. Словом, практика ненасилия невозможна как без метафизики добра, так и без метафизики зла. Именно такая сугубо трезвая, реалистическая концепция человека является исходной основой и своего рода философской гарантией ответственности ненасильственной борьбы.

Ненасильственные акции, понимаемые как альтернативный покорности и насилию способ поведения в конфликтной ситуации, вполне могут быть осмыслены как конкретная тактика добра в борьбе со злом, практическая этика любви и сотрудничества. Чтобы могла состояться ненасильственная акция, его сторонникам необходимо:

- а) отказаться от монополии на истину в том совершенно определенном смысле, что они тоже могут ошибаться, и как люди, которые не возвещают истину, а только ищут ее, должны быть готовы к изменениям, открыты для диалога и компромиссов;
- б) осознать, что они вполне могли бы быть на месте своих оппонентов, и, чувствуя свою причастность ко злу, не к абстрактному, а к тому вполне конкретному злу, с которым они ведут борьбу, критически анализировать свое поведение под углом зрения того, что могло бы в нем питать и провоцировать враждебную позицию оппонентов;
- в) исходя из убеждения, что как бы индивид ни погряз в преступлениях, он лучше того, что он делает и а нем всегда сохраняется возможность преобразования, искать такого выхода, который позволил бы оппоненту сохранить достоинство, ни в коем случае не унижал его;
- г) не настаивать на своем, не отвергать с ходу точку зрения оппонентов, а искать приемлемые решения;
- д) пытаться превращать врагов в друзей, бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним; если насилие, покоряя и убивая противников, лишь временно заглушает конфликт, но не устраняет его причин, то ненасильственная акция направлена на устранение самой основы конфликта и предла-

гает перспективу взаимоотношений, когда предшествующее зло не является препятствием для последующего сотрудничества. Она направлена на такое изменение внешней конфигурации конфликтующих сторон, которое переходит в изменение их внутреннего — духовного, волевого — состояния.

Таким образом, своеобразие моральной позиции сторонников ненасильственной акции состоит в том, что они понимают собственную ответственность за зло, против которого борются, и приобщают «врагов» к тому добру, во имя которого ведут свою борьбу. Ненасильственная акция бесхитростна, и в этом состоит вся ее хитрость!

Ненасильственная деятельность снимает проблему безнравственных средств по определению: она является обязательством достигать целей, не выходя за нравственно дозволенные рамки, не прибегая к такому испытанному оружию зла как насилие. Она имеет самоценное значение, заключает в себе то начало справедливости, во имя которой ведется. В ненасильственной деятельности средства и цели располагаются в качественно однородной нравственной плоскости и приближаются друг к другу настолько, злом.

Сторонники ненасильственной борьбы хорошо знают и придают программное значение словам Ганди о том, что насильственное сопротивление лучше, чем трусость. Отождествлять ненасилие с пассивностью — значит не понимать его природы; помимо огромной внутренней работы и духовной активности, направленной помимо всего прочего и не в последнюю очередь на преодоление страха, оно в практическом аспекте предполагает продуманную наступательную тактику, определенную технологию деятельности, противостояние и воздействие на людей и институты с целью вызвать изменение в их позиции.

Ненасилие — не абстрактная норма, которую остается лишь употреблять в дело, не состояние, которое кем-то или когда-то может быть достигнуто. Оно прежде всего представляет собой ненасильственную, направляемую силой любви и правды борьбу против зла и несправедливости, за выправление отношений в собственной душе и в мире. Оно не отсекает, не отрезает, а именно выправляет человеческие деформации, имея силу, чтобы противостоять страшным силам зла, и имея трезвое сознание того, что противостояние это не является единовременным актом, вообще не знает конца. Если не бояться тавтологии, можно сказать, что оно является ненасильственным путем к ненасилию. Это — не усилие, которое должно привести к истине. Это — истина, которая состоит в усилении. И мужество, которое

требуется для ненасильственной борьбы и формируется ею, есть мужество ответственного существования в этом прекрасном и несовершенном мире.

Под философией ненасилия подразумевается система этических, нравственных, психологических, социологических и собственно философских идей, теорий, взглядов, касающихся ненасильственного бытия человека в обществе, в духе отрицания войны и любой иной формы насилия.

У истоков ненасилия в политике стоят Г.-Д. Торо, Л. Н. Толстой, М. Ганди, М. Л. Кинг. Один из ключевых пунктов их воззрений состоит в идее уклонения от насилия, которое препятствует умножению зла в мире. М. Л. Кинг утверждает: «На протяжении всего существования жизни кто-нибудь должен иметь достаточно разума и моральности, чтобы разорвать цепочку зла и ненависти» [7, С. 168–181].

У Г.-Д. Торо речь идет об индивидуальном гражданском неповиновении, Л. Н. Толстой пишет о непротивлении злу насилием, М. Ганди декларирует ненасильственное сопротивление, концептуализированное в доктрине, названной им «Сатьяграха» (в пер. с санскр. Satya — «истина, тождественная любви»; Graha — «сила»; Satyagraha — «истинная сила, тождественная любви»), М. Л. Кинг интерпретирует укорененную в европейской культурной традиции идею беспредпосылочной любви — агапэ.

М. Л. Кинг писал: «Пятым пунктом, определяющим ненасильственное сопротивление, является то, что с его помощью можно избежать не только внешнего физического насилия, но и внутреннего насилия духа» [7, С. 168–181].

Несмотря на присутствие религиозных истоков, отсылающих к внеположенным социальному пространству основаниям мира, идеи названных авторов занимают важное место не только в духовном, но и практическом опыте политических преобразований. Г.-Д. Торо и Л. Н. Толстой закладывают этический базис идеологии ненасильственного сопротивления социальному угнетению в политике, хотя последний и не был практиком. Затем М. Ганди разрабатывает конкретные средства ненасильственной борьбы, применимые к реальным социальным процессам, а М. Л. Кинг ассимилирует их в контексте сражения афроамериканцев против сегрегации.

М. Ганди называет свою доктрину «Сатьяграха», отмечаясь от укорененного в индийской культуре принципа ахимсы (уклонения от совершения зла), который он использовал, но отказался впоследствии в силу недоста-

точной выраженности в нем интенции на активное преобразование положения в обществе.

В этом часто усматривается демаркация ненасильственной борьбы с пацифизмом. Однако М.Л. Кинг пишет: «Мое изучение Ганди убедило меня, что настоящий пацифизм является не несопротивлением злу, а ненасильственным сопротивлением злу» [7, С. 168–181].

Сатьяграха представляет собой комплексную программу действий, содержащую ряд конкретных решений для реализации ненасильственной политической борьбы, среди которых отчетливо выделяются «отказ от сотрудничества с властями» и «гражданское неповиновение». Значимость отказа от сотрудничества состоит в разрушении властного качества. Когда сторона, находящаяся в подчинении лишается готовности к нему, то властный характер отношения упраздняется. Гражданское неповиновение предстает более активной формой воздействия на проявления социальной несправедливости. Его суть заключается в сознательном неисполнении юридических законов, противоречащих требованиям морали. Гражданское неповиновение требует от сторонника ненасильственных действий большей, чем в случае отказа сотрудничать, морально-психологической подготовки для перенесения санкций со стороны юридической системы. Оно является следующей за отказом от сотрудничества стадией ненасильственной борьбы. Если противостоящая сторона проявляет насилие, то нельзя не только препятствовать ему, но и допускать эмоциональную агрессию в виде ненависти, злобы и т.п. Задача сатьяграхи — стимулировать осознанное чувство моральной неправоты у оппонентов. М.Л. Кинг отмечает стремление М. Ганди «вызвать чувство стыда у противника и тем самым произвести изменения в его сердце» [7, С. 168–181]. Важным фактором действенности избранной стратегии является моральная развитость противника, на чем акцентирует внимание М.Л. Кинг. Общественно-политический деятель пишет: «Оно (ненасильственное сопротивление) может иметь успех только в том случае... если те группировки, против которых сопротивление направлено, обладают определенным уровнем развития морального сознания, как это было в борьбе Ганди против англичан» [7, С. 168–181]. Обозначенная позиция требует дополнения: стратегия непротивления злу открывает перспективу создания негативной моральной оценки действий актора, применяющего насилие, со стороны общественного мнения (третьей стороной) и оказания им влияния на ситуацию.

Еще одним аспектом, ставящим под сомнение практическую значимость идеологии ненасилия, следует считать необходимость в моральном усовершенствовании

людей, отмечаемую ее апологетами. «Необходима достаточно напряженная подготовка,— пишет М. Ганди,— чтобы ненасилие стало составной частью менталитета» [3, С. 65–66]. Обозначенное требование делает рассматриваемую доктрину проектом должного, но не сущего. «На самом деле лучше тот строй,— замечает Б. Сутор,— который, прежде всего, отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности...» [12, С. 61–71].

В этике ненасилия нет альтернативы жесткому размежеванию с насилием, воплощающим в себе аморальность и зло. Разрешение противоречия между ненасилием и насилием, добром и злом, моралью и аморальностью становится возможным в рамках понимания диалектического характера политического процесса. В нем силовые средства отрицания насилия как аморального зла получают качественную определенность добра. «И борьба против угнетения,— пишет Ж.-П. Сартр,— является борьбой против отрицания. То есть, в марксистской терминологии, отрицанием отрицания» [11, С. 251–261].

Ненасилие, целенаправленно отрицающее насилие, становится нравственно обоснованным средством политики. М. Вебер отмечает: «...ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты» [2]. Без такого использования силы невозможно обеспечить правопорядок, на котором держится общественная безопасность. Этика ненасилия, в которой отсутствует диалектическое снятие противоречия между противоположностями, демонстрирует свою ограниченную состоятельность, она по-своему механистична и не способна объяснить, каким образом происходит переход в новое качество.

Ганди был недоволен словом ахимса именно из-за того, что оно скрадывало активный, творческий аспект ненасилия и он впоследствии остановился на термине «сатьяграха», составленном из слов, обозначающих правду и твердость, и интерпретировал его как силу любви и правды. Этот второй, позитивный и более существенный, аспект философии и практики ненасилия не получил, к сожалению, в русском языке, как в других европейских языках, терминологического воплощения [3, С. 65–66].

Заключение

В результате анализа проблемы было установлено следующее:

1. Принцип ненасилия находит свое актуальное присутствие во многих религиях и проявлениях духовной культуры (Например, именно понятию

«ахимса» или схожему с ним понятию «у-вэй», обозначающему «не-деяние», отводится главное значение в религиозно-философских и нравственно-этических учениях даосизма, джайнизма, буддизма, йоги.

2. В европейскую культуру, идея ненасилия, была привнесена, в первую очередь, христианской этикой, выраженной в Нагорной проповеди Иисуса Христа.

3. В период Средневековья, Возрождения, Просвещения и Нового времени христианская ценность «ненасилия» и «непротивления злу» не были интерпретированы как обязательные этические ценности человека: даже христианские теологи и гуманисты оправдывали насилие, в разных формах, как возможное орудие справедливости.

4. У истоков ненасилия в политике стоят Г.-Д. Торо, Л. Н. Толстой, М. Ганди, М.Л. Кинг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О Граде Божием [Электронный ресурс] / Блаженный Августин // Гражданское общество: научная электронная библиотека. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_18–22.pdf (дата обращения: 16.04.2017).
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. — М., 1990.
3. Ганди, М. Моя вера в ненасилие / М. Ганди // Вопросы философии. — 1992. — № 3. — С. 65–66.
4. Гусейнов, А. А. Ненасилие: философия, этика, политика / А. А. Гусейнов. — М.: Наука, 1993.
5. Гусейнов А. А. Ненасилие [Электронный ресурс] / А. А. Гусейнов // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. — URL: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (дата обращения: 15.04.2017).
6. Кант И. Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности / И. Кант. — М.: Мысль, 1999. — 1472 с.
7. Кинг, М.-Л. Паломничество к ненасилию / М.-Л. Кинг // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. — М.: Республика, 1992. — С. 168–181.
8. Мезенцева О. В. Ахимса [Электронный ресурс] / О. В. Мезенцева // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. — URL: <http://iphras.ru/elib/0329.html> (дата обращения: 16.04.2017).
9. Мелешко, Е. Д. Философия непротивления Л. Н. Толстого: Аргументы разума и аргументы жизни / Е.Д Мелешко // Толстой и современный мир, — Тула, 1998. — С. 29–31
10. Пряхин Н. Г. Проблема ненасилия и недеяния в восточной философии и культуре (Древняя Индия — Древний Китай) // Мир человека. 2007. № 4. — С. 23.
11. Сартр Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (тетради по морали) / Ж.-П. Сартр // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. — М.: Республика, 1992. — С. 251–261.
12. Сутор Б. Политическая этика / Б. Сутор // Полис. — 1993. — № 1. — С. 61–71.
13. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. В 57 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1954–1956.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Республика, 1991. — С. 32–50.

© Донцов Никита Вадимович (NVdontsov@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый Университет при Правительстве РФ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

TRANSFORMATION OF ECOLOGICAL TRADITIONS INTO ECOLOGICAL CULTURE

K. Karabukaev

Summary. The article examines ecological traditions as traditional forms of sustainable interaction with the natural environment. It is noted that ecological traditions contribute to the accumulation of knowledge and experience of communication with nature, accustoms to act humanely in relation to nature. It is pointed out that when forming an ecological culture in a society its content and forms should be chosen taking into account the values of ethnoecological traditions,

Keywords: ecological system, ethnoecological tradition, ecological culture.

Карабукаев Кадыркул Шаршеевич

К.х.н., с.н.с., Институт философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, г.Бишкек, Кыргызстан
kkarabukaev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются экологические традиции, как традиционные формы устойчивого взаимодействия с природной средой. Отмечено, что экологические традиции способствуют накоплению знаний и опыта общения с природой, приучают поступать гуманно по отношению к природе. Указано, что при формировании экологической культуры в обществе, ее содержание и формы целесообразно выбирать с учетом ценностей этноэкологических традиций.

Ключевые слова: экологическая система, этноэкологическая традиция, экологическая культура.

Современное состояние взаимодействия системы «общество-природа» указывает на то, что формирование экологической культуры личности, общества невозможно вне исторически сложившихся народных ценностей, без духовно-нравственного развития. В этом важную роль играет изучение и обобщение экологических традиций, которые включают в себе опыт, навыки, норм, мировосприятий, традиций и обычаев, представлений об окружающей среде предшествующих поколений во взаимодействии с природной средой, в том числе и в применении природопользования. Они охватывают все сферы их жизнедеятельности и являются уникальными экологическим составляющими для определенной этнокультуры конкретного сообщества. В социокультурном развитии, особенно в бытии духовной культуры социумов постоянно происходит диалог прошлого с настоящим, т.е. возникновением и уничтожением различных принципов, идей и систем воззрений; с сохранением традиционных народных ценностей (толерантность, уважение к традициям и восприимчивость к инновациям, этическая ориентированность, близость к природе и экологическое сознание, и.т.), которые востребованы современной мировой цивилизацией [1]. Отметим, что экологическая составляющая этнокультуры по своей сути есть способ бытия человека, людей и социумов во взаимодействии социоприроды, существенно-содержательная определенность традиционных ценностей прежде всего характеризуется преемственностью поколений, передачей социокультурного опыта освоения действительности. Имея в виду это, в свое время И. Гердер подчеркивал, что «язык и культура берут на-

чало с обычаев и традиций, которые лежат в их основах» [2]. Тем самым ядро любой национальной этнокультуры, сердцевина национального духа — это традиции народа, соответственно единство и преемственность поколений представляют собой определяющий способ передачи традиций. Как известно при развитии человечества сама этнокультура подвергается изменениям, но в любой ситуации человек или народ имеют тенденцию сохранять приверженность определенным культурным основам, этноэкологическим традициям (экологические традиции этносов). Вместе с тем отмечаем, что общим для всех экологических культур является ориентация на гармоничное развитие с окружающей природной средой, что в целом характерно для традиционных экологических культур этносов и закреплено в форме этноэкологических традиций. При этом этноэкологические традиции как мировоззренческие установки развивались на протяжении всего развития этноса как элемент системных воздействий человека с окружающей средой. Его особенность заключается в том что интегрируя традиционные представления и знаний об окружающей среде позволяет отражать реальную отношения человека с природной средой в целом. С этой позиции важно отметить, что издавна формировавшиеся традиционные формы устойчивого взаимодействия с природной средой и их ценности, необходимо трансформировать в современную экологическую культуру. Это подтверждает, и академик Н. Н. Моисеев отмечая, что «мы сейчас стоим на развилке цивилизационных путей. Один — это путь эгоистический, ущербный. Другой — возрождение древних традиций, призывающих жертвовать частью настоя-

щего во имя будущего наших детей. Выбор второго пути может дать шанс использования разума, потребует новых знаний, а главное, новых ценностей» [3].

Выявления взаимосвязей между природной средой и этноэкологической традицией, их многообразии наряду с основными видами материальной культуры включает и компоненты духовной культуры, участвующие в жизнеобеспечении и природопользовании (к ним может быть отнесено большинство религиозных установок и правил, норм являющихся составными средствами механизма передачи знаний и опытов) в экологическом взаимодействии людей природной средой. При этом формируя экологическое мировоззрение эти процессы могут задать направление на динамичное и гармоничное развитие социоприроды. Следовательно, формирование новых общечеловеческих мировоззренческих ориентиров, направленных на сохранение окружающей среды в целом и ее поддержание — одна из важнейших задач современной экологической культуры. При этом отмечаем, что основным каналом трансформации уникальных этноэкологических традиций в экологическую культуру и освоение накопленных знаний, представлений, мировоззрений в процессе социоприродного взаимодействия является сама жизненное бытие людей, и их экологоориентированные деятельности

Следует подчеркнуть, что традиции являются необходимой, структурообразующей стороной развития любой этнической духовной культуры, ибо совокупности традиций свойственны естественное течение времени, привязанность к собственным истокам, которые определяют не только последовательный ритм, диалогичность этнокультуры, но и задают ее направление и общий характер развития. Для сохранения собственного бытия, этно-культурно-исторической специфики традиция как социокультурное явление представляет собой «пробный камень диалектики», единство устойчивости и изменчивости, преемственности и относительного обновления, единого и многообразного, тем самым разворачивается в культурно-цивилизационном пространственно-временном континууме. При этом культурно-цивилизационные, социально-антропологические и историко-аксиологические контексты формирования и развития народных традиций показывают, что они в совокупности есть не только органическая часть культуры, но и развивающееся бытие духовно-нравственных, культурно-этнических, социально-экологических и общечеловеческих, цивилизационных ценностей. Ещё на ранних стадиях своего развития народ, накапливая знания в повседневной жизни, передавали из поколения в поколение общественно-исторический опыт, своё духовное богатство. Нормы морали, правила проживания данной территории, рациональные способы и методы организации деятельности, отношения к природе оформляются

в стабильные традиции, обычаи. Следует отметить, что на протяжении тысячелетий взаимодействия человека с природой накапливался богатейший арсенал «эмпирических знаний, которые по своему характеру существенно приблизились к научным. Этому содействовало наличие системы накопления знаний и передачи их к следующему поколению. Традиции взаимодействия с природой, т.е. этноэкологические традиции и глубокое чувство любви к природе воспитывалось и закреплялось в течение столетий, превратившись в одну из главных составных частей духовной жизни, морали народа. Они отражают неповторимые особенности этноса, являются основой формирования этнокультуры и мировоззренческих устоев. Одним из важным свойством, присущим этноэкологической традиции, включающий в себя процессы накопления, аккумуляции и трансляции социокультурного опыта народов и выполняющие нормативно-регулятивную функцию во взаимодействиях людей и природной среды является диалектическое единство социоприроды в их социокультурном развитии. К сожалению в условиях современной экологической ситуации игнорирование ценностей этноэкологических традиций приводит к серьезным экологическим последствиям. Учитывая это при формировании экологической культуры в обществе ее содержание и формы целесообразно выбирать с учетом соответствующих народных традиций, которые создавались веками и передавались из поколения в поколение.

Как отмечает Бромлей Ю.В в своей работе «Очерки теории этноса», что отношения этносов и природной среды в их историческом развитии происходило в определенном целостностной системе, т.е. в этноэкологической системе.[4.] В этом контексте В. Н. Мангасарян указывает, что исторически накопленный экологический опыт этносов имел устойчивую локальную конфигурацию и был аккумулирован в основном в этнокультурных традициях [5] Поэтому этноэкологические традиции по нашему пониманию является основным компонентом связанной этнокультурной экологической системы, которые выполняет экологическую функцию этнокультуры. Следовательно, все функции этноэкологической традиции в современных условиях, когда противоречие между социумом и природной средой обостряется, должен трансформироваться в экологическую культуру общества и личности.

В условиях нарастания экологических проблем экологические мировоззрения, представления и нормативные установки этноэкологических традиций направлены в выявлении сути, раскрытии их взаимосвязей тех процессов, которые происходят в социоприроде. Отсюда можно считать, что этноэкологические традиции как жизнеобеспечивающие системы связи этноса с местом его обитания — их характерная черта мировоззрения.

Они реализуются в виде правил, предписаний и норм, запретов в определенные исторические эпохи, влияя на духовную и материальную культуру, восприятие, организацию и структурирование пространства жизнедеятельности человека. Именно эти процессы призваны сыграть важную роль при формировании экологической культуры.

Важно отметить, что этноэкологические традиции, экологические знания этнокультурных ценностей народов и изучение традиций и обычаев, поговорок и пословиц, легенд, обеспечивающие равновесное развитие этносоциума и природной среды, которые затрагивают в контексте коэволюции, приобретают особую актуальность для нашего народа, как часть номадической цивилизации. Так как находясь в этноэкологической системе, т.е. в социально-природном комплексе, образованный в процессе взаимодействия народов с окружающей природной средой и имеющий историко-культурных форм, способов организации устойчивых связей этносоциальных сообществ с окружающей природной средой, они позволяют выделить общие и особенные черты народов, определить пути взаимного влияния, выявить их особенности, самобытность и тем самым способствует решению проблемы национального самосознания и саморегулирование взаимосвязи природы и общества. В связи с этим использование этноэкологических традиций в наших условиях позволяет формировать экологическую культуру на более высоком уровне и способствовать решению экологических проблем, тем самым остановив углубление экологического кризиса.

Этнос в процессе своего развития создавал свою ему присущую систему законов и правил, на основе которых целые поколения осуществлял свои функции по отношению к природе. В этом аспекте основные задачи формирования экологической культуры общества заключается в том, что необходимо целесообразно осуществлять диалектическое развитие субъекта и окружающей природы, и нынешнее поколение должно познавать мудрость своих предков, понимать связь между жизнью и разви-

тием природной среды. Необходимо отметить, что поиск социокультурных механизмов гармонического развития природы и общества показывает, что этноэкологические традиции способствуют накоплению знаний и опыта общения с природой, приучает поступать гуманно по отношению к природе, оказывает влияние на трансформацию традиционной этнокультуры на новую культуру-экологическую культуру. В этом отношении в диалектике экологического мировоззрения населения Кыргызстана в условиях перехода его к устойчивому развитию наблюдаются различные тенденции: экологизация и гуманизация всех сфер жизнедеятельности общества, развитие аксиологического содержания этнических традиций и др. Они вместе с экологической культурой, экологическим образованием и воспитанием способствуют коэволюционному развитию социумов (общества в целом) и природной целостности. При этом раскрытие их диалектики позволяет оптимизировать процесс взаимодействия природы и общества, которая является непосредственной целью экологической культуры общества и человека. Отсюда становится очевидным, что на формирование экологической культуры непосредственно влияют сложившиеся веками принципы и поведенческие нормы определенной системы. В свою очередь формирование экологической культуры через изучение традиционных основ и принципов жизнедеятельности — один из способов сохранения этнокультуры.

Из вышесказанного следует, что экологические представления и этноэкологические традиции соблюдая принцип преемственности могут считаться как проявление и элемент экологической культуры. Они со своими диалектичности, противоречивости неоднозначностью по сущности, выступают сложными объектами экологического познания. Совокупность элементов экологических идей, представлений об отношении народа с природной средой есть единая этноэкологическая система, обладающая чрезвычайно разнообразными связями и отношениями, которые следует всесторонне изучать в контексте выявления характерных черт экологических представлений народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элжан К. У., Габитов Т. Х. «Человек-мир» в контексте национальной идеи казахов // Материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 27 мая 2011 г.). — Алматы, 2011. — С. 139–151.
2. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. — М., 1977. — С. 252.
3. Моисеев, Н. Н. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. — М.: Тайдекс Ко, 2003. — 264 с.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983. — С. 212–232
5. Мангасарян В. Н. Экологическая культура общества. — СПб., 2009. — 112 с.

© Карабукаев Кадыркул Шаршеевич (kkarabukaev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА)

ECOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ETHNIC TRADITION (ON THE EXAMPLE OF THE KYRGYZ PEOPLE)

K. Karabukaev

Summary. The article examines the ecological knowledge of the Kyrgyz people and its relationship with the ethnic tradition. It is shown that the definition of the role of ecological knowledge in the formation of ecological culture in a modern globalizing society reveals the spiritual prerequisites for the solution of global environmental problems, the necessary transformations in the consciousness, the value system, the ideals of modern man.

Keywords: natural environment, ecological knowledge, ethnic tradition, ecological culture.

Карбукаев Кадыркул Шаршеевич

К.х.н., с.н.с., Институт философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, г.Бишкек, Кыргызстан
kkarabukaev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются экологические знания кыргызского народа и его взаимосвязь с этнической традицией. Показано, что определение роли экологического знания в формировании экологической культуры в современном глобализирующем обществе выявляет духовные предпосылки решения глобальных экологических проблем, необходимые трансформации в сознании, системе ценностей, идеалах современного человека.

Ключевые слова: природная среда, экологическое знание, этническая традиция, экологическая культура.

В результате противоречивого отражения связей, взаимодействий, существующих между обществом и природой, отношений человека к естественной внешней среде у людей возникает определенное экологическое знание. Оно представляет собой в целом сложное развивающееся духовное явление и формируется в контексте житейского опыта, образа жизни, менталитета и духовно-нравственного потенциала субъекта, социума и носит конкретно-исторический характер.[1] Исходя из философской экспликации социально-экологических отношений, соотносительности природного, социального и человеческого бытия и из универсального содержания духовных традиций и ценностей прошлого попытка раскрыть традиционные ценности экологического знания кыргызов на основе концептуального анализа мироощущения, мировосприятия и миропонимания кочевого кыргызского общества является своевременным.

На ранних исторических этапах развития социума экологическое знание строилась на традиционных взаимоотношениях человека с природой. Данное духовное явление представляет собой не покорение человеком природы, а приспособление и соразвитие человека в мире природы. Экологическое знание меняется не только во времени, но и в пространстве и носит чрезвычайно разнообразный характер. В этом контексте неодинаковость, неоднозначность экологических

знаний порождается у различных народов вследствие зависимости от местных социоприродных условий, из которых и складывается глобальная экосистема. Особенность природы (естественного окружения) обуславливает в рамках определенного пространства формирования особых стилей культурного развития. В них традиционные стили определяют иерархию ценностей, знаний, форм деятельности, в частности, экологической, через которые общество воспроизводит себя и всю экосистему. При этом главной задачей экологических знаний является воспроизведение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических общностей, которая относится к кыргызы, в природных и социально-культурных условиях, а также их влияние на предотвращение сложившихся природных катастроф. Взаимодействие исконных этнических образований с природной средой наиболее полно сохраняет закономерности жизни экосистем. Необходимость и реальность познания, отношений к природе этнических групп предполагает выделение в них экофильных (положительных) и экофобных (отрицательных) тенденций и традиций с использованием народного экологического знания для эффективного развития хозяйства, быта, сохранения природных ландшафтов и для самой специфики традиции.[2]

Традиционное, в частности, донаучное экологическое знание кыргызов рассматривается как необ-

ходимое «звено» сознания, развертывающееся в социальном пространстве и времени, складывающееся в процессе повседневной жизни людей на основе житейского опыта, здравого смысла и выражающее действительность вокруг человека исходя из ее полезности, ценности и универсальности для него.[1] Оно формировалось стихийно в сфере практической деятельности людей, являясь описательным выражением внешней стороны природных явлений, не глубоко, поверхностно отражает предметы, процессы и события природной среды, неполностью способствует раскрытию сущности объектов социоприродной целостности. Экологическое знание кыргызов как и у других народов отражало взаимосвязи и взаимоотношения социума и природы в рамках их восприятия в повседневной жизни. В этой связи следует отметить, что в древности субъектом были уловлены и раскрыты такие пласты и грани человеческого отношения к природе, которые вошли в золотой фонд культурного развития мировой цивилизации. Для людей этого времени было свойственно, в общем и целом многогранное, «насыщенное» отношение к среде обитания. Природа воспринималась, постигалась ими как нечто прекрасное и самоценное, она почиталась, ей суеверно поклонялись, у нее «учились» и стремились постижению ее скрытой гармонии, т.е. сущности.

Экологическое знание народов Востока, в частности, кыргызов в донаучном познании ориентируется на здравый смысл, предполагающий практически-духовное отношение к реальности.[4] Центральной осью этого отношения выступает человек с его стремлением к жизни и потребностью к социальной ориентации и организации своего бытия. Экологическое знание было и есть органически присущий человеку способ духовно-практического освоения предметного мира и тесно связано с жизнью, тяготеет к однозначной, достаточно статичной картине реальной действительности.

Как отмечал известный историк-этнолог Ю. В. Бромлей, «взаимодействие человека с природой у каждого народа имеет свои особенности, дающее о себе знать в самых различных сферах, и что специфика использования различными этносами природной среды и особенности их влияние на эту среду относятся к числу важнейших аспектов общей экологии человечества». [5] Сообразно с этим подчеркиваем, что донаучное экологическое знание кыргызов имело отдельные (следующие) особенности [1]:

- ◆ приверженность к локальным социально-экологическим ценностям;
- ◆ изначальная восприимчивость к переменам в социоприродном окружении;

- ◆ художественно-образное восприятие мира, ассоциативность, эмоциональность субъективности;
- ◆ преемственность, т.е. духовное родство, генетическая связь экологических представлений этносов, поколений;
- ◆ целостное видение, диалектичность предметов, процессов и явлений мира.

Вышеприведенные особенности экологического знания кыргызов в донаучном познании свидетельствуют о том, что оно не рассматривается как результат сознательного применения определенных логических законов и приемов, его связь с практикой носит непосредственный характер. Вместе с тем в данном экологическом знании кыргызов содержится правильное отражение реальной действительности в контексте лишь описания явлений (событий), но нет проникновения в закономерности движения и функционирования объектов природной целостности.

Экологическое знание кыргызов как единства многообразного включает в себя идеи, бережного отношения к среде обитания, поклонения, почитания природных объектов, восхищения ими, их персонализации, тотемистические и анимистические взгляды, антропоморфизм и др. Структурные элементы экологического знания в донаучном познании находятся в сложных и бесконечно разнообразных взаимоотношениях, взаимопредполагают и взаимодополняют друг друга. При этом динамика донаучного экологического знания кыргызов проявляется в развитии идеи восхищения объектами природного окружения. В контексте объяснения аксиологической сущности природных процессов, явлений по отношению к народу заслуживает исключительного значения использование материала, содержащегося в эпосе «Манас», где поэтически и художественно-образно, эстетически тонко и точно описаны природное окружение, отдельные эпизоды красоты живого мира (почва, растения, животные и др.), а также местностей, встреченных и охарактеризованных во время поездок и походов Манаса. При этом кыргызы через эпос «Манас» выражали в целом свои отношение к окружающему среду. В лице эпоса «Манас» природный мир для нашего народа, в котором прошла вся их жизнь имеет исключительное важное значение. В их сознании природа занимает преимущественное место и ее воздействие на человека настолько значимо, что она составляет практически все его содержание

Необходимо отметить, что экологические знания, в частности природоохранные, опыт, навыки природопользования народа передавались от поколения к поколению. Новое поколение оценивает и сохраняет

те знания и традиции, которые более разумно удовлетворяют потребности. В динамичном развитии они оттачиваются и усовершенствуются в контексте развития социоприроды. Тенденция развития экологического знания кыргызского народа постепенно превращаются в традиционное соблюдение правил, норм предписываемых этносу. Они преломлялись в обычаях, обрядах, устном творческом фольклоре, верованиях, культах, системе этнического природопользования людей, и именно благодаря им взаимодействие человека, социума и природной среды держалось в сбалансированном состоянии на протяжении нескольких веков. Отсюда сохранение традиционных экологических знаний народа, их традиционных обычаев, веками обеспечивающих устойчивость взаимоотношений человека с природой, которые передаются от поколения к поколению в процессе изменения форм хозяйствования и условий жизнедеятельности людей чрезвычайно важно в условиях современного экологического кризиса.

Культурно-историческое развитие этнических образований показывает, что разновидности экологического знания кыргызов разносторонни и неоднозначны, неисчерпаемы по сущности, выступают сложными объектами экологического познания. Совокупность элементов экологического знания есть единая система, обладающая чрезвычайно разнообразными связями и отношениями, которые следует всесторонне изучать в контексте выявления характерных черт донаучного экологического знания кыргызов. Они способствуют формированию экологической культуры с переходом на новый ступень социокультурных связей с природной средой, т.е. они включают в себе правила по природопользованию, гуманное отношение к окружающей среде, опыт и знания людей о природе, нормы потребностей людей с учетом сохранения биологического разнообразия, мировоззрение которых сформировалось предшествующими поколениями соответствующей требованиям общества с гармоничным развитием.

Важно отметить, что экологическое знание (его про-тофилософская форма) кыргызов есть своеобразная система восприятий, эмпирических идей, взглядов, знаний, сравнений, обобщений и убеждений о природе, о взаимосвязи природного, социального и человеческого бытия. [5] Оно, обладая сложной структурой, явилось условием понимания кыргызами своей неразрывной связи с настоящим и будущим среды обитания и биосферы. Иными словами, экологическое знание по своей структуре глобально и универсально, ибо способно переживать в себе собственную определенность, соотносительность (единство, гармоничное слияние, тождество и различие, несовпадение) соци-

ума и природы, вследствие чего оно целостно, едино и многозначно, т.е. диалектично изнутри. Содержание экологического знания в контексте номадической цивилизации отличается крайней неоднородностью и характеризуется сочетанием и переплетением противоречивых взглядов, где наблюдаются онтологизм, натурализм, синкретизм, элементы материализма и диалектики, пантеизма, интуитивно-практическое видение мира, оптимизм и пессимизм, реалистический взгляд на мир, зачатки идеализма, эмпиризм, и др. Следовательно, донаучное экологическое сознание наших предков как единство многообразного, развертываясь в цивилизационном пространстве и во времени, сыграло особую роль в социально-этических воззрениях прошлого, в развитии экологического мышления, философского мировоззрения кыргызов в целом.

В этом контексте система «человек-общество-природа» становится предметом научного познания и в процессе своего развития делала важный шаг к изменению своих предпосылок, заключив, что экологическое знание с необходимостью расширяется, обновляется и углубляется с учетом диалектики социоприроды, культурно-цивилизационного процесса. Следовательно, при обострении экологических проблем в социоприроде, когда в обществе для их решения необходимо формирования и развития экологической культуры значимость экологического знания возрастает. При этом экологическое знание, включающее в себя синтез знаний и нового образа мышления, дает импульс на дальнейшее развитие экологической культуры общества, личности как особый элемент общей культуры, пронизывающего все уровни, сферы социума.

Из вышесказанного следует, что современное социокультурное развитие определяет новые философские задачи и границы исследования социально-экологических проблем, в частности бытия экологического знания. Сами по себе экологические знания не ведут автоматически к становлению экологической культуры, хотя являются необходимой предпосылкой ее формирования. Для перехода в это качественно иное состояние необходим экологическое осмысление природной, социоприродной целостности и синтез знаний и убеждений о коэволюционном развитии людей, социумов и природной среды.

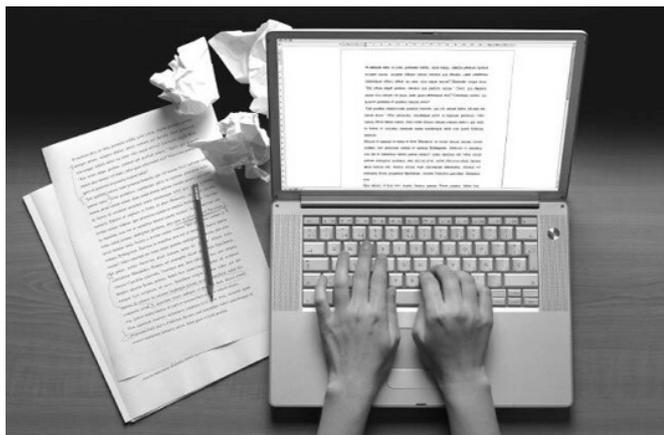
Экологическое знание находясь в диалектическом единстве с этнической (народной) традицией развивается, обновляется в ходе культурно-цивилизационного процесса. При этом данное духовное явление впитывает в себе ценности, идеалы и мировоззренческие установок, этико-гуманистических норм отношения людей, социумов к объектам природного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жумагулов М. Ж. Экологические ценности в культуре кыргызов. Бишкек, Махпринт, 2015, 181с.
2. Иванов А. М. Традиционная экологическая этика юкагиров, (епархии ценностей): Автореф. дис. на соиск. учен. канд. ист. наук: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1995. — 18 с
3. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. — М.: 1981. — С. 245
4. Байбосунов А. А. Донаучные представления кыргызов о природе и обществе. Бишкек, Из-до Акыл, 2009, 311с.
5. Жумагулов М. Ж. Экологическое мышление в эпистемологическом измерении. Бишкек, 2005, 147с.

© Карабукаев Кадыркул Шаршеевич (kkarabukaev@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Karabukaev K. — Institute of Philosophy and Political and Legal Studies of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
kkarabukaev@gmail.com

Aliyeva Z. — Associate Professor of the Crimean engineering-pedagogical University
selsebil@inbox.ru

Balashova G. — Candidate of Philology Senior research fellow, Institute for African Studies of the RAS
balashovag@mail.ru

Belyakova I. — Candidate of Psychological Sciences, Docent, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
ig.belyakova@migsu.ru

Guseva A. — Applicant of Lomonosov Moscow State University
nasti92@gmail.com

Andrushchenko O. — Postgraduate student of the KSPU them.In.P.Astafieva
olga.andrush@mail.ru

Arpentieva M. — Grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, Tsiolkovskiy Kaluga state University
mariam_rav@mail.ru

Kiseleva M. — Candidate of psychology, Medical psychologist, Bakoulev Center for Cardiovascular Surgery
only4masha@yandex.ru

Kostenko N. — Associate Professor, candidate of psychological Sciences, Bashkir state agrarian University

Melnik L. — Associate Professor, candidate of physico-mathematical Sciences, Bashkir state agrarian University
lubaleb@mail.ru

Makovets L. — Candidate of pedagogical science, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
makovez@mail.ru

Orlova S. — Doctor of psychological Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev

Samsonova N. — Moscow Regional State University
nikolaevna_na@mail.ru

Suchkova I. — Lieutenant colonel of internal service, deputy of interregional department psychological work Russian Federal Penitentiary Service across Primorsky Krai
shira78@mail.ru

Syrvacheva L. — Krasnoyarsk state pedagogical university, V.P. Astafyev
SyrvachevaLA@yandex.ru

Yakovleva A. — Krasnoyarsk state pedagogical university, V.P. Astafyev
leva2818@yandex.ru

Dontsov N. — Financial University under the Government of the Russian Federation
NVdontsov@gmail.com

Karabukaev K. — Institute of Philosophy and Political and Legal Studies of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
kkarabukaev@gmail.com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).